

НОЧЬ ЖИВЫХ МЕРТВЕЦОВ



БИБЛИОТЕКА
УЖАСОВ

БИБЛИОТЕКА УЖАСОВ

Джон РУССО

**НОЧЬ
ЖИВЫХ МЕРТВЕЦОВ**

*Роберт БЛОХ, Чарльз БРОНСТОУН,
Безил КОППЕР, Карл ЯКОБИ*

Р А С С К А З Ы

**Издательство «ВЕРБО»
Москва 1993**

ББК 84. 7 США
Р 89

*Переводы с английского
Сюзанны Алукард и Вадима Терещенко*

Художники В. Сухарев и Л. Чистов

Серия «Библиотека ужасов»: Роман, рассказы/ Пер.
с англ.— М.: «Вербо», 1993.— 256 с.: ил.

И-16 (03)

Настоящее издание продолжает уникальную книжную серию «Библиотека ужасов». В данный сборник включены рассказы четырех известнейших мастеров этого жанра, а также роман-бестселлер Дж. Руссо «Ночь живых мертвецов». Фантастическая мистика повестей перекликается с реальной опасностью зла, которое может захлестнуть мир. Для широкого круга читателей.

ISBN 5-7630-0003-X

- © Перевод с английского
С. Алукард, В. Терещенко, 1991
- © Составление, художественное оформление,
иллюстрации фирмы «Вербо», 1993

АЖОН РУССО



ДУШ ЖИВЫХ МЕРТВЕЦЫ







адумайтесь на минуту о тех, кто жил на свете и умер, чьи чувства не будут больше ласкать шелест листьев, пение птиц и нежные лучи утреннего солнца.

Все, что так дорого нам и так быстротечно, для них больше не существует. Прожить немного и затем умереть... Что может быть печальнее, не так ли?

Однако, в некотором смысле, мертвым можно и позавидовать.

Для них позади уже и жизнь, и сама смерть.

А разве не заманчиво оставить другим все жизненные невзгоды и, оказавшись под землей, обрести, наконец, долгожданный покой и забвение... Забыть и боль, и страдания, и вечный страх смерти.

Им не придется больше жить. И не придется умирать, чувствовать боль и задумываться о том, что предстоит испытать, когда настанет час смерти. Они не будут уже ломать голову над своими и чужими поступками, ждать и надеяться, любить и ненавидеть, заботиться, страдать и ежечасно думать о завтрашнем дне.

Вы никогда не задавались вопросом, почему жизнь кажется нам такой прекрасной или отвратительной,

радостной или печальной, но все же значительной, пока мы живем, и оказывается столь пустой и банальной, когда все подходит к концу?

Жизнь тлеет какое-то время и потом угасает. А молчаливые могилы терпеливо ждут, когда их заполнят. Смерть венчает собой любую жизнь, и новым поколениям, занятым своими заботами, нет никакого дела до тех, кто жил раньше. Но затем и они, в свою очередь, уступают место потомкам.

Люди рождаются и умирают ежесекундно, а в промежутке между этим они живут иногда счастливо, иногда нет, но в конце концов смерть приводит всех к наименьшему общему знаменателю.

Но что заставляет людей так бояться смерти?

Не только боль. Не всегда. Ведь смерть может быть мгновенной и почти безболезненной; она сама по себе является концом всякой боли.

Так почему же все-таки люди боятся умирать?.. Кто знает ответ на этот вопрос?.. Может быть, мы смогли бы узнать об этом у тех, кто уже умер, если б им удалось хоть на минуту вновь оказаться с нами; если бы они воскресли из мертвых?.. Но кто скажет, друзей или врагов мы встретили бы в их лице? И могли бы мы вообще иметь с ними дело — мы, кто никогда не был в силах преодолеть свой страх и прямо взглянуть в лицо смерти.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Были уже сумерки, когда они обнаружили, наконец, крошечную церковь, стоявшую в стороне от дороги и почти полностью скрытую в зарослях кленов. Если бы они не нашли ее до темноты, то, возможно, что не нашли бы и вовсе.

Целью их поездки было старое кладбище позади церкви. И они разыскивали его уже почти два часа, обследуя одну за другой длинные, извилистые проселочные дороги с такими глубокими колеями, что днище машины то и дело скребло по земле, и им приходилось ползти со скоростью меньше пятнадцати миль в час, слушая душераздирающий стук летящего из-под колес гравия по крыльям и изнемогая от жары в облаке горячей желтой пыли.

Они ехали, чтобы положить венок на могилу своего отца.

Наконец Джонни резко затормозил на обочине дороги у подножия поросшего высокой травой холма, и его сестра Барбара посмотрела на него со вздохом усталости и облегчения.

Джонни молчал. Он лишь рассерженно дернул узел своего и так уже слегка ослабленного галстука и уставился в лобовое стекло, ставшее почти непрозрачным от пыли.

Он все еще не выключал двигатель, и Барбара тотчас же догадалась, почему Джонни хотел заставить ее еще немного помучиться в духоте автомобиля, всем своим видом давая понять, что он не зря с самого начала был против этой поездки и теперь возлагает на нее всю ответственность за эти дьявольские неудобства. Он очень устал и был сильно раздражен, и сейчас хранил ледяное молчание, хотя на протяжении двух часов, пока продолжались их поиски, беспрестанно выплескивал на сестру всю свою обиду и гнев, постоянно огрызался и даже не пытался казаться бодрым. Машина жутко подпрыгивала на ухабах, и он с трудом сдерживался, чтобы не вдавить педаль газа до самого пола.

Джонни было уже двадцать шесть лет, а Барбаре только девятнадцать, но во многих отношениях она была гораздо более зрелой, чем он, и за годы их совместного взросления прекрасно научилась справляться с его настроениями.

Она просто вышла из машины, не сказав брату ни слова, и оставила его сидеть, уставившегося в ветровое стекло.

Неожиданно из приемника, который был включен, но не работал, донеслось несколько слов, которые Джонни не разобрал, и радио снова замолкло. Джонни посмотрел на приемник, затем ударил по нему и принялся яростно крутить ручку настройки взад и вперед, однако по радио больше не было произнесено ни единого слова. «Странно», — подумал он. Странно и так же необъяснимо, неудачно и досадно, как и все, случившееся с ним в этот совершенно отвратительный день. Все это уже приводило Джонни в тихую ярость. Если радио неисправно, то почему оно то и дело начинает говорить и тут же опять умолкает? Оно должно быть или исправно, или неисправно, а не сходить с ума.

Джонни еще несколько раз ударил по приемнику и снова покрутил ручку настройки. Ему показалось вдруг, что он услышал произнесенное кем-то слово «опасность» среди треска и мешанины полуслов, пробивавшихся сквозь

свист и помехи. Но сколько Джонни ни старался, его усилия были тщетны; радио молчало.

— Черт побери! — громко сказал Джонни, выдернул ключи из замка зажигания, вылез из машины и ногой с силой захлопнул дверь.

Он поискал глазами Барбару, а затем вспомнил о венке, привезенном на могилу отца, открыл багажник и вытащил его на дорогу.

Венок был в коричневом бумажном пакете, и Джонни положил его прямо на землю, чтобы тот не мешал закрывать багажник. Потом он окликнул Барбару и испытал новый прилив гнева, поняв, что она решила не дожидаться его.

Барбара уже взбиралась вверх по холму, направляясь к маленькой церкви, прятанной между растущими на вершине высокими деревьями.

Не торопясь, стараясь не запачкать ботинки, Джонни двинулся вслед за ней по поросшему травой склону и вскоре догнал сестру.

— Какая славная церковь! — сказала она. — И эти деревья вокруг... Замечательное место!

Это была самая обычная сельская церковь — деревянное строение, выкрашенное в белый цвет, с красным шпилем и длинными, узкими старомодными окнами из цветного стекла.

— Давай сделаем то, зачем приехали, и будем возвращаться, — раздраженно сказал Джонни. — Уже темнеет, а нам еще три часа добираться до дома.

Барбара с досадой пожала плечами, и Джонни молча последовал за ней в обход церкви.

На кладбище не было ни тропинок, ни ворот — лишь торчащие из высокой травы надгробья беспорядочно расположенных под столетними деревьями могил. Под ногами хрустели прошлогодние опавшие листья. Захоронения начинались уже в нескольких ярдах от церкви и простирались до самой опушки леса, подступающего к другой стороне холма.

Надгробные камни здесь сильно различались и по размеру и по степени своей ветхости, и совсем не походили один на другой. Тут можно было встретить и скромный песчаный холмик с воткнутой в него жестяной табличкой, и тщательно выполненные монументы в виде францисканского распятия, или высеченного из мрамора изображения ангела-хранителя. Самые старые из камней, потемневшие и растрескавшиеся от времени, почти не обнаруживали сходства с надгробиями, а напоминали скорее обычные лесные валуны, тускло блестящие в опускающемся на землю сумраке.

Последние лучи уходящего солнца мягким сиянием отражались на посеревшем небе, а деревья и длинные стебли травы, казалось, дрожали в сгущающейся темноте. И над всем этим царствовали спокойствие и тишина, которую скорее усиливал, чем нарушал, непрекращающийся стрекот сверчков и шорох опавших листьев, перешептывающихся о чем-то при каждом дуновении ветерка.

Джонни остановился и с неприязнью посмотрел на Барбару, медленно идущую между могилами. Она двигалась не торопясь, очень осторожно, стараясь не наступить на чей-нибудь холмик, и наклонялась чуть ли не к каждому памятнику, стараясь отыскать принадлежащий ее отцу. Джонни подозревал, что мысль оказаться на кладбище после наступления темноты пугала ее, и это его забавляло, поскольку он все еще был зол на сестру и хотел заставить ее немного помучиться за то, что она вынудила его проехать две сотни миль только ради того, чтобы положить венок на могилу, что, по его мнению, было поступком абсолютно глупым и бессмысленным.

— Ты не помнишь, в каком она ряду? — примирительно спросила его Барбара.

Но он и не думал отвечать. Вместо этого Джонни злобно улыбнулся и повернулся к сестре спиной. Она медленно переходила от камня к камню, останавливаясь возле каждого, на котором еще можно было прочесть имя умершего. Барбара знала, как выглядело надгробие ее отца и могла даже вспомнить некоторые имена людей, похоронен-

ных рядом. Но с приближением темноты искать становилось все труднее.

— Мне кажется, мы смотрим не в том ряду, — сказала она наконец.

— Мы здесь одни на всем кладбище, — ответил Джонни, особенно подчеркнув слово «одни». Затем он добавил: — Если бы не эта крошечная темнота, мы бы нашли ее за пару минут.

— Да, если бы ты встал пораньше... — заворчала Барбара и, не договорив, стала двигаться вдоль следующего ряда могил.

— Последний раз я гроблю воскресенье на такое хреновое мероприятие, — с досадой сказал Джонни. — Или пусть мать сама сюда ездит, или нам надо перенести могилу поближе к дому.

— Иногда мне кажется, что ты жалуешься, только чтобы услышать свой собственный голос, — холодно ответила Барбара. — А кроме того, ты последнее время слишком часто говоришь глупости. Ты уже прекрасно знаешь, что мама слишком слаба, чтобы совершать такие поездки самостоятельно.

Вдруг знакомое надгробие попало Джонни на глаза. Он внимательно рассмотрел его, узнал в нем могилу отца, но решил не говорить пока Барбаре, чтобы та поискала подольше. Однако желание поскорее отправиться домой вскоре одержало в нем верх над стремлением помучить сестру.

— Мне кажется, это здесь, — безразличным тоном сказал он и стал смотреть, как Барбара пробирается к нему, стараясь, по своему обыкновению, не наступить на чью-нибудь могилу.

— Да, это она, — с облегчением сказала Барбара, подойдя ближе. — Можешь быть доволен. Теперь мы уже скоро отправимся домой.

Джонни молча подошел к могиле и еще раз взглянул на надпись, прежде чем вынуть венок из коричневого бумажного пакета, который он все это время держал под мышкой.

— А я даже не помню, как выглядел отец,— задумчиво сказал он.— Двадцать пять долларов отдал за эту штуку, а так его толком и не помню.

— А я помню,— с упреком ответила Барбара,— хотя я была гораздо меньше тебя, когда он умер.

Они оба посмотрели на стандартный пластмассовый венок, украшенный искусственными цветами. Внизу, на куске красного пластика, изогнутого в виде ленты, завязанной большим бантом, были написаны золотой краской следующие слова: «Мы тебя помним».

Джонни усмехнулся.

— Матушка, видите ли, на старости лет захотела помнить, и поэтому мы должны ехать за тридевять земель, чтобы положить на могилу этот вшивый венок. Как будто он смотрит оттуда сквозь землю и проверяет, насколько хороши все эти декорации.

— Джонни, как тебе не стыдно! — сердито сказала Барбара.— Это же займет пять минут.— А потом она опустилась на колени возле могилы и стала молиться, в то время как Джонни взял венок и, подойдя к самому надгробию, с усилием воткнул провололочные ножки в плотную, утопанную землю.

Затем он встал, тщательно отряхнул одежду, как будто бы сильно испачкал ее, и снова начал ворчать:

— Это займет не пять минут. Это займет три часа и пять минут. Нет — шесть часов и пять минут! Три часа туда и три обратно. Плюс еще два часа, которые мы потратили на поиски этого проклятого места.

Барбара оторвалась от своей молитвы, гневно сверкнула на него глазами, и он замолчал.

От скуки Джонни зевнул и тупо уставился в землю. Затем начал нетерпеливо покачиваться взад-вперед, засунув руки в карманы. Барбара продолжала молиться, и, как ему казалось, это тянулось уже неоправданно долго. От нечего делать Джонни стал оглядываться по сторонам, всматриваясь в темноту и пытаясь различить туманные очертания отдаленных могил. Из-за сгустившихся сумерок уже не все надгробия было хорошо видно, и от этого каза-

лось, что их здесь не так уж много — лишь самые крупные памятники были еще ясно видны. Звуки ночи казались особенно громкими из-за отсутствия человеческих голосов. Джонни молча вглядывался в темноту.

Вдруг вдали показалась странная движущаяся тень, похожая на пригнувшуюся фигуру, бредущую между могилами.

«Наверное, сторож или поздний посетитель», — подумал Джонни и нервно посмотрел на часы.

— Пойдём, Барб, ты уже была сегодня в церкви, — раздраженно сказал он.

Но Барбара не ответила и продолжала молиться, будто нарочно решив растянуть это подольше, чтобы только позлить его.

Джонни закурил, лениво выпустил первое облачко дыма и снова огляделся по сторонам.

Там, вдалеке, определенно кто-то двигался среди могил. Джонни прищурился, но было уже слишком темно, чтобы различить что-то, кроме неясного силуэта, который то и дело скрывался за деревьями и надгробиями, медленно продвигаясь по кладбищу.

Тогда он повернулся к сестре, намереваясь ей что-то сказать, но в тот момент она последний раз перекрестилась и поднялась с колен. В молчании Барбара медленно отвернулась от могилы, и они зашагали прочь. Джонни курил и пинал ногой мелкие камешки.

— Молиться надо в церкви, — скучающим тоном сказал он.

— Как раз тебе бы церковь пошла на пользу, — ответила Барбара. — А то ты превращаешься в настоящего дикаря.

— Ну, дед же говорил мне, что я буду проклят. Помнишь? Как раз на этом самом месте, когда я прыгнул на тебя вон из-за того дерева. А он это заметил, вышел из себя и торжественно объявил мне своим замогильным голосом: «Ты будешь проклят навеки!»

Джонни весело рассмеялся.

— А ты ведь не на шутку перепугалась тогда,— устрашающе сказал он.— Помнишь?

— Джонни! — Барбара улыбнулась, чтобы показать ему, что она совсем не боится, хотя и знала, что в темноте он все равно не сможет увидеть ее улыбку.

— Нет, мне кажется, ты и сейчас боишься,— настаивал он.— Я думаю, ты боишься людей, которые лежат в могилах. Мертвецов. Что если они выйдут из своих гробов и погонятся за тобой? А, Барбара? Что ты тогда будешь делать? Убегать? Молиться?

Он обернулся и угрожающе посмотрел на нее, как будто собираясь наброситься.

— Джонни, перестань! — устало отмахнулась она.

— А ты ведь боишься! — не унимался он.

— Нет!

— Ты боишься мертвецов!

— Перестань, Джонни!

— Они уже выходят из могил, Барбара! Смотри — вон идет один из них...— И он указал пальцем на пригнувшуюся фигуру, медленно плетущуюся между могилами.

Сторож, или кто бы он ни был, остановился и, кажется, посмотрел в их сторону. Однако было слишком темно, чтобы сказать это с полной уверенностью.

— Вот он идет за тобой, Барбара! — продолжал издеваться Джонни.— И он мертв! Но он идет за тобой.

— Джонни, перестань, он услышит. Как же тебе не стыдно!

Но Джонни отбежал в сторону и спрятался за толстым высоким деревом.

— Слушай, ты...— начала Барбара, но в смущении оборвала себя на полуслове и опустила глаза, так как движущаяся в темноте фигура явно приближалась к ней, и уже стало ясно, что их пути пересекутся.

Барбаре казалось странным, что кто-то еще, кроме нее и ее придурковатого брата, оказался на кладбище в столь поздний час. «Наверное, запоздалый посетитель или ночной сторож»,— подумала она и улыбнулась, собираясь поздороваться. А Джонни в это время, смеясь, выглядывал из-за дерева.

Но вдруг человек схватил Барбару за горло и начал душить, другой рукой срывая с нее одежду. Она попыталась вырваться и закричать, но крепкие пальцы лишили ее дыхания, а нападение было столь неожиданным и жестоким, что испуг почти парализовал ее.

Джонни сразу же выскочил из-за дерева и набросился на человека, пытаясь остановить его, и все трое, потеряв равновесие, повалились на землю. Джонни изо всех сил колотил незнакомца кулаками, а Барбара отчаянно отбивалась ногами и своей сумочкой. Вскоре Джонни и незнакомец покатались по земле вдвоем, нещадно избивая друг друга, а Барбара, удачно вывернувшись, смогла вырваться на свободу.

В панике она едва не бросилась наутек.

Незнакомец без устали бил Джонни по всем частям тела, а тот делал все, что мог, чтобы выстоять. Через несколько минут они с трудом поднялись на ноги, сжимая друг друга в стальных объятиях. Оба сражались изо всех сил, но напавший на них мужчина дрался подобно дикому животному — гораздо яростнее и ожесточеннее, чем это делает большинство людей: он безжалостно бил, душил, порой впивался зубами в руки и шею Джонни. В отчаянии Джонни обхватил его тело руками, и они снова повалились на землю.

В почти уже полной темноте их неясные очертания сливались в одну катающуюся по земле массу, и Барбара, опасавшаяся за исход, не имела никакой возможности определить, кто из них одерживает в этой схватке верх. Ею снова овладевало желание бежать и спастись самой, но в то же время она хотела спасти и своего брата, правда не знала как.

Тогда она начала отчаянно звать на помощь. Но крик только усиливал ее страх, поскольку частью своего разума она сознавала, что на много миль вокруг нет ни души, и некому услышать ее зов.

Два человека с ревом катались по земле, переворачивались, били друг друга наотмашь и издавали страшные животные звуки; и один из них уже одерживал верх. На

тусклом фоне потемневшего неба Барбара видела, как он обрушивает кулаки на голову своего противника.

На всякий случай она нашла на земле палку и, зажав ее в руке, сделала шаг или два по направлению к дерущимся.

Снова послышался тяжелый глухой стук кулаков, но на этот раз он перешел уже в хруст ломающейся кости. Барбара в ужасе остановилась. Человек наверху сжимал в руке камень и старался размозжить им череп своего противника.

Наконец луна осветила лицо победителя, и Барбара с содроганием обнаружила, что это был не Джонни.

Тяжелый камень вновь и вновь обрушивался на голову ее брата, а Барбара, потрясенная и скованная ужасом, не могла двинуться с места. Наконец камень вывалился из рук убийцы и покатился по земле. Девушка крепче сжала в руках свою палку, приготовившись защищаться до конца, однако незнакомец продолжал неподвижно стоять на коленях над поверженным телом.

А затем Барбара услышала странные, неприятные звуки. Она не могла разглядеть, что именно делает этот маньяк, но звуки были такие, словно кто-то с остервенением разрывал на части мертвое тело Джонни.

Убийца, казалось, не обращал на Барбару никакого внимания. Сердце девушки бешено колотилось, страх сковал все ее существо, а ужасные звуки обволакивали потрясенное сознание и лишали ее рассудка. В состоянии крайнего шока, почти на грани обморока, Барбара не слышала ничего, кроме этого жуткого звука разрываемой плоти. А убийца с растущей жестокостью терзал тело ее брата, и — да, да! — в коротком проблеске лунного света она увидела, как он впивается зубами в мертвое лицо Джонни.

Медленно, с широко раскрытыми глазами, словно замороженная этим кошмаром, Барбара двинулась по направлению к незнакомцу. Ее губы раскрылись, и она невольно испустила громкий стон.

Убийца пристально посмотрел на нее. И тогда она с омерзением услышала его отвратительное свистящее дыха-

ние — неестественный тяжелый скрежещущий звук. Он медленно встал, перешагнул через растерзанное тело Джонни и двинулся к ней, пригнувшись, как зверь, готовый к прыжку.

Барбара издала душераздирающий крик, полный отчаянного животного ужаса, выронила свою палку и побежала. Человек сразу вздрогнул, как бы проснувшись, и стал преследовать ее, двигаясь медленно, с видимым усилием, словно был изуродован или покалечен.

Он с громким хрипом наступал на Барбару, прокладывая себе путь между могилами, а она все бежала и бежала, спотыкаясь и отчаянно хватая ртом воздух, а затем упала и покатилась по грязному, заросшему сорняками склону по направлению к автомобилю.

Рванув на себя ручку дверцы водителя и очутившись внутри, Барбара услышала медленные приглушенные шаги своего преследователя, звучащие все ближе и ближе.

Ключей нет. Они остались в кармане Джонни.

Убийца двигался все быстрее и решительнее, стремясь во что бы то ни стало добраться до девушки.

Барбара в ужасе вцепилась руками в руль, будто это могло сдвинуть машину с места. Она беспомощно всхлипывала. И едва ли не слишком поздно сообразила, что окна в машине открыты. Отчаянно вертя ручку, она подняла стекла, а потом заперла все двери.

Убийца с силой рванул ручку на себя и, поняв, что дверца закрыта, принялся яростно колотить кулаками по крыше автомобиля.

Барбара снова пронзительно закричала, но человек, казалось, не слышал ее и совершенно не боялся быть застигнутым на месте преступления.

Он подобрал на дороге крупный и острый камень и изо всех сил ударил им в стекло правой двери, от чего оно покрылось сплошной сеткой мелких трещин. Еще один мощный удар — и камень пробил стекло насквозь. Руки убийцы потянулись к Барбаре, стараясь схватить ее за волосы, за шею, за руки — за что угодно.

И тут она мельком увидела его лицо. Оно было мерт-

венно-бледным и одутловатым, а черты его искажало глубокое безумие или смертельная мука.

Ударив кулаком в это неопишное лицо, она в тот же момент отпустила стоячный тормоз, и автомобиль начал медленно двигаться вниз по склону, а убийца преследовал его, колотя кулаками по крыше, дергая за ручки дверей и пытаясь ухватиться и повиснуть на них.

По мере того как уклон становился круче, машина набирала скорость, и убийце пришлось отцепиться и рысью бежать рядом с ней. Автомобиль шел все быстрее, и вот преследователь споткнулся, схватился сначала за крыло, потом за задний бампер, но наконец оторвался и тяжело грохнулся на дорогу. Однако он вскоре поднялся на ноги и продолжил свое решительное и бесстрастное преследование.

Автомобиль несся вниз по крутой извилистой дороге, а Барбара, застыв, сидела на месте водителя и судорожно сжимала руль, напуганная скоростью и темнотой. Но еще больше она боялась затормозить.

Фары! Она резко дернула выключатель, и свет фар заплескал между летящими навстречу деревьями. Барбара взяла крутой поворот и едва избежала столкновения с вековым дубом, а потом увидела, что дорога дальше сужается до ширины одного автомобиля. А впереди, примерно в двухстах футах, спуск уже кончался и плавно переходил в подъем.

И вот уже скорость начала падать, хотя еще какое-то время машина продолжала по инерции двигаться вверх. Тут только Барбара оглянулась, но поначалу ничего не увидела. Однако через пару секунд из-за поворота показался неясный силуэт ее преследователя, и она поняла, что тот все это время неотступно двигался вслед за ней.

На середине подъема машина бесшумно остановилась, и затем Барбара с ужасом почувствовала, как она начинает двигаться назад, неся ее прямо в лапы убийцы, который был уже совсем рядом. Автомобиль медленно набирал скорость, а девушка неподвижно сидела за рулем, парализованная страхом.

Наконец она справилась со сковывавшим ее оцепенением и, схватившись за стояночный тормоз, с силой дернула рычаг на себя. Резкий рывок отбросил ее на спинку сиденья.

Некоторое время Барбара боролась с дверной ручкой; дверь никак не открывалась, пока она не вспомнила, что надо выдернуть кнопку. Убийца уже приближался. Девушка распахнула дверцу, выскочила из машины и бросилась бежать.

Преследователь не отставал, стараясь двигаться все быстрее и быстрее своей шаркающей тяжелой походкой. Барбара бежала вверх по крутому склону холма так быстро, как только могли нести ее ноги. Несколько раз она спотыкалась, падала и сдирала кожу на коленях. Но потом опять поднималась и отчаянно бежала дальше, а страшный незнакомец продолжал неуступно двигаться по ее следу.

Достигнув вершины холма, она выбежала, наконец, на шоссе, скинула туфли и по гладкому асфальту побежала уже быстрее, надеясь разглядеть на дороге хоть какую-нибудь машину. Но шоссе было совершенно пустым. Через несколько минут она добежала до какой-то низкой каменной ограды, плавно уходящей в сторону от дороги и подумала, что, наверное, где-то за этим забором должен быть дом. Барбара с разбегу перепрыгнула ограждение и сперва хотела спрятаться за ним, но хриплое дыхание и тяжелые шаги преследователя слышались все ближе и ближе, и она поняла, что забор будет для нее слишком ненадежным укрытием.

Затем, оглядевшись по сторонам, она заметила вдалеке тусклый свет окна, пробивающийся сквозь густую листву растущих по другую сторону поля деревьев.

Спотыкаясь в темноте о камни, сухие ветки и торчащие из земли корни, Барбара рванулась через поле к освещенному окну.

Сперва на ее пути попался гараж, выстроенный на самом краю ведущей к дому грязной дороги. Возле гаража тускло поблескивали под единственной оголенной лампочкой два бензиновых насоса из тех, которыми фермеры

пользуются для заправки своих тракторов и других машин. Барбара остановилась и на минуту спряталась за одним из насосов, но вскоре сообразила, что свет лампы выдает ее.

Обернувшись, она увидела, что убийца медленно приближается к ней, ковыляя через заброшенное поле, поросшее высокой травой, кустами и редкими деревьями.

Барбара подбежала к дому и принялась звать на помощь так громко, как только могла. Но никто не откликнулся. Никто не появился на крыльце. Дом был равнодушен и глух к ее просьбам, и ничто уже не оставляло надежды, за исключением тусклого света из одного-единственного окна.

Она прижалась к неосвещенной стене и попыталась заглянуть в окно, но не увидела там никаких признаков жизни. По-видимому, здесь некому было услышать ее крики, никто не придет к ней на помощь.

В кругу света от лампы, горящей у гаража, появился приземистый силуэт человека. Это был он — убийца ее брата, и человек этот шел сейчас прямо на нее.

В панике она бросилась за угол дома — туда, где в тени виднелось маленькое крыльцо черного хода. Ее первым побуждением было вновь закричать о помощи, но Барбара сдержалась, надеясь остаться незамеченной. Она судорожно ловила ртом воздух, но, представив себе, как хорошо сейчас слышно ее тяжелое дыхание, попыталась сдержать его. Тишина... ночные звуки... и бешеный стук ее готового выпрыгнуть из груди сердца, сквозь который она слышала постепенно замедляющиеся шаги своего преследователя. И наконец шаги стихли.

Барбара быстро осмотрелась по сторонам. Потом заглянула в заднее окно, но внутри была полная темнота. Шаги за углом возобновились и начали угрожающе приближаться. Девушка в отчаянии прижалась спиной к двери, и тут ее пальцы нащупали холодную стальную ручку. Она безо всякой надежды посмотрела на нее, будучи совершенно уверена в том, что дверь заперта, но на всякий случай сжала ее в руке и попробовала повернуть. Дверь открылась.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Стараясь не издать ни единого звука, Барбара быстро проскользнула в дом и, плавно прикрыв за собой дверь, заперла ее на засов, а потом попыталась отыскать ключ. Она нашла его прямо в замке и осторожно повернула два раза с еле слышным сухим щелчком. Затем прислонилась к двери, прислушалась и смогла различить приближающиеся шаги убийцы, пытавшегося разыскать ее в темноте.

Пробираясь на ощупь по незнакомому помещению, Барбара испуганно вздрогнула, когда ее рука неожиданно прикоснулась к холодной конфорке электрической плиты. Кухня. Она находилась на кухне этого пустого старого дома. Барбара повернула регулятор, и плитка тускло засветилась, позволив ей сориентироваться здесь, не привлекая к себе внимание преследователя. Несколько секунд она молча оглядывалась по сторонам, затем осмелилась сделать первый шаг.

Барбара тихо пересекла кухню и оказалась в большой гостиной, тоже темной и лишенной признаков жизни. Ей снова захотелось позвать на помощь, но она сдержала себя, вернулась в кухню и стала рыться в огромном шкафу, в надежде отыскать что-нибудь пригодное для самозащиты. Наконец на глаза ей попался ящик со столовым серебром. Выбрав большой нож для мяса и зажав его в руке, она снова подошла к двери и прислушалась. Все спокойно. И тогда, крадучись, Барбара прошла обратно в гостиную. За ней она разглядела маленькую темную прихожую, в которую вела парадная дверь дома. Охваченная внезапным приливом ужаса, Барбара бросилась к этой двери и удостоверилась, что она заперта. Затем она осторожно отогнула уголок занавески и выглянула на улицу. Ее взору открылась широкая лужайка перед домом, переходящая в поросшее сорняками поле, через которое она только что бежала сюда. Чуть дальше под тенистыми деревьями виднелся гараж и рядом с ним — блестящие под

тусклой лампочкой бензонасосы. Никаких признаков своего преследователя Барбара не обнаружила.

Внезапно снаружи послышался шү — какой-то стук и треск дерева. Барбара выронила уголок занавески и напряглась. Звуки усилились. Она поспешила к боковому окну. В конце лужайки Барбара увидела человека, который яростно колотил чем-то в дверь гаража. С минуту она смотрела на него широко раскрытыми от страха глазами. Человек продолжал неистово колотить в запертую дощатую дверь. Затем оглянулся, поднял с земли огромный камень и с силой швырнул его в сторону дома. В панике Барбара отскочила от окна и прижалась всем телом к стене.

Вдруг на глаза ей попался телефон, стоявший на деревянной полочке в другом конце комнаты. Она сразу же бросилась к нему и схватила трубку. Послышался гудок. Слава Богу! Барбара принялась отчаянно крутить диск. Но гудок внезапно прервался и воцарилась мертвая тишина. Она снова и снова нажимала на рычажки аппарата, но гудок не возобновлялся. По какой-то причине телефон не работал. Сначала радио, теперь телефон...

Барбара швырнула трубку на рычаг и опять подбежала к окну, привлеченная неожиданным шорохом перед парадной дверью. Высокий сутулый мужчина медленно пересекал лужайку, направляясь к дому. Было похоже, что это другой человек. Ее сердце забилося одновременно с надеждой и страхом — она не знала, кто это мог быть, и поэтому не осмеливалась позвать его на помощь.

Барбара бросилась к двери и снова стала всматриваться через щель между занавесками, напряженно пытаясь разгадать, кто этот новый человек — друг или враг. Но кто бы он ни был, он явно шел по направлению к ней. Внезапно чья-то тень упала на занавеску окна, расположенного слева от входной двери, и от неожиданности Барбара вздрогнула и отскочила назад.

Она отогнула уголок занавески и с ужасом увидела спину своего преследователя, который молча смотрел на человека, подходившего к дому. Убийца двинулся на-

встречу незнакомцу, и Барбара испуганно замерла, ожидая развития событий. Она застыла, прижавшись холодным лбом к двери, бросила полный отчаяния взгляд на свой нож, а затем снова уставилась на тех двоих во дворе.

Они встретились и, не обменявшись ни единым словом, неподвижно встали под темными ветвями деревьев, устремив взгляды в направлении кладбища. Барбара прищурилась, стараясь получше разглядеть, что происходит. Наконец убийца двинулся назад к дороге, а второй подошел к дому и встал в тени дерева, бесстрастно наблюдая за дверью.

Барбара напряженно вглядывалась в темноту, но смогла увидеть немного. Тогда она снова устремила к телефону, подняла трубку, но та по-прежнему молчала. Она еле сдержалась, чтобы не швырнуть ее в стену.

И тут неожиданно послышался далекий звук приближающегося автомобиля. Барбара рванулась к окну и стала, затаив дыхание, смотреть на дорогу. Пока ничего не было видно. Но затем показался слабый свет фар, и наконец из-за поворота появились два желтых луча — машина, сильно подпрыгивая на ухабах, быстро приближалась к ферме. Барбара взялась за ручку и бесшумно приоткрыла дверь, позволив узкому лучику света упасть на лужайку. Невдалеке, под большим старым деревом, по-прежнему виднелся неподвижный силуэт второго неизвестного. Барбара в ужасе содрогнулась и у нее перехватило дыхание при одной мысли о том, что ее может постигнуть неудача с автомобилем. Хотя человек под деревом сидел пока вполне спокойно, низко опустив голову и плечи, и его взгляд ни на секунду не отрывался от дома.

Пока Барбара разглядывала ненавистную фигуру на лужайке, машина быстро проехала мимо, ее шанс спастись бегством был упущен. Она со слезами закрыла дверь и, вернувшись в темноту старого дома, подумала, что, наверное, первый убийца отправился за подкреплением и вернется скорее всего не один, чтобы вместе с друзьями взломать дверь, изнасиловать и убить ее.

В отчаянии она огляделась вокруг. Большая, мрачная

комната была погружена в зловещую тишину. Между гостиной и кухней находился коридор, из которого на второй этаж вела узкая деревянная лестница. Барбара, крадучись, подошла к ней, и ее пальцы нащупали выключатель. На верхней площадке зажегся свет, и девушка начала медленно подниматься по ступенькам, осторожно придерживаясь за перила и обшаривая глазами помещение в надежде найти наконец настоящее укрытие. Она тихо двигалась на цыпочках, крепко сжимая в руке нож, но, добравшись до верхней ступеньки, пронзительно закричала, и ее истощенный вопль дважды повторило гуляющее в пустом доме эхо; там, наверху, на площадке лестницы, в свете одинокой лампочки лежал труп с содранным с костей мясом, пустыми глазницами и обнаженными белыми зубами и костями черепа, на которых лишь кое-где болтались изорванные куски окровавленной кожи, будто бы тело было изъедено крысами, пока лежало там в луже засыхающей крови.

Не переставая кричать, Барбара выронила нож и, спотыкаясь, побежала вниз по лестнице. Окончательно потеряв голову от ужаса и давась подступающей рвотой, она кинулась ко входной двери, влекомая единственным желанием — убраться поскорее из этого дома и никогда больше в него не возвращаться. Сознание Барбары металось на грани полного безумия, она трясущейся рукой отперла дверь и бросилась в темноту, уже не думая о последствиях.

Внезапно ее ослепил яркий свет — она инстинктивно вскинула руку, пытаясь защититься от него, — но тут раздался громкий скрип, и не успела она сообразить, что случилось, как прямо перед ней на лужайке вырос богатырского вида мужчина.

— Так ты одна из них? — злобно прокричал он.

Барбара, застыв от неожиданности, молча смотрела на него.

Стоявший перед ней человек только что выпрыгнул из небольшого грузовика, который за секунду до этого остановился посреди лужайки, заскрипев тормозами и ослепив ее светом фар.

Барбара продолжала молча смотреть на него.

— Ты одна из них? — опять закричал он. — Ты на них похожа! — Мужчина поднял руку, собираясь ударить ее, и Барбара испуганно вздрогнула.

Она никак не могла разглядеть его лица, поскольку тот стоял спиной к слепящему свету фар.

Вдруг человек, сидевший под деревом позади грузовика, поднялся и сделал несколько шагов в их сторону. Барбара пронзительно закричала и отшатнулась назад, а водитель резко повернулся навстречу приближавшемуся незнакомцу, который тотчас же остановился и стал молча смотреть на них.

В конце концов приехавший на грузовике схватил Барбару за плечи и втолкнул обратно в дом с такой силой, что и сам не устоял на ногах и повалился на нее. Барбара закрыла глаза и приготовилась встретить свою смерть.

Однако мужчина тут же вскочил, захлопнул дверь и запер ее на замок. Затем приподнял занавески и выглянул наружу. Казалось, он не слишком интересовался Барбарой, и ее первоначальный испуг понемногу прошел; она приоткрыла глаза и стала незаметно следить за ним.

В руке водитель держал монтировку. Он оказался чернокожим, на вид около тридцати лет, и был одет в широкие спортивные брюки и свитер. Но самое главное — он совсем не походил на ее преследователя. Хотя на лице его и застыло напряженное выражение, лицо это было на редкость добрым и приятным. Он выглядел настоящим Геркулесом, и роста в нем было не меньше двух метров.

Барбара медленно поднялась на ноги, все еще не спуская с водителя глаз.

— Все в порядке, — дружелюбно сказал он. — Все о'кей. Я не такой, как эти твари. Меня зовут Бен. И я не причиню тебе вреда.

Барбара без сил упала в глубокое кресло и тихо заплакала, а Бен начал деловито изучать окружающую обстановку. Первым делом он направился в соседнюю комнату и проверил запоры на окнах. Затем включил лампу и, убедившись, что она работает, опять погасил ее. И только потом, уже из кухни, заговорил с Барбарой:

— Да не бойся ты эту тварь снаружи! Я с ней в два счета управлюсь. Их, правда, может стать здесь гораздо больше, когда они все узнают про нас. А у меня, как на зло, кончился бензин, и насосы во дворе заперты. Где тут у вас лежит ключ?

Барбара не отвечала.

— У тебя ключ есть? — повторил Бен, пытаясь сохранять дружелюбный тон.

Но Барбара снова ничего не ответила. События последних двух часов привели ее в состояние почти полного оцепенения.

Бен подумал, что она, может быть, не расслышала его, поэтому вернулся в гостиную и вновь обратился к ней:

— Я говорю, колонки во дворе заперты. А нам нужен бензин. И потом, тут есть что-нибудь съестное? Я бы приготовил сначала поесть, затем надо отбиться от той твари во дворе и попытаться найти бензин.

Барбара продолжала безутешно плакать, закрыв лицо руками.

— Я думаю, ты уже пробовала позвонить? — спросил Бен и, не ожидая больше ответа, снял телефонную трубку. Но аппарат молчал. С минуту он вертел трубку в руках, потряс ее, а потом бросил на место. Посмотрев на Барбару, он увидел, что та сильно дрожит.

— Телефон не работает, — грустно и даже как-то виновато улыбнулся он. — С таким же успехом мы могли бы испробовать две консервные банки и веревку. А ты вообще-то здесь живешь?

Девушка молчала, со страдальческим видом уставившись на верхнюю площадку лестницы. Бен проследил за ее взглядом и, решив посмотреть, в чем там дело, зашагал по ступенькам, но уже на половине пути увидел труп — мгновение он смотрел на него, а потом отвернулся и стал медленно спускаться назад в гостиную.

Взглянув на Барбару, он понял, что ее состояние граничит с глубоким шоком, но ему не оставалось ничего другого, как только снова приняться за дело.

— Нам обязательно надо выбраться отсюда, — поста-

рался как можно мягче сказать он.— Мы должны найти других людей — кого-нибудь с ружьями или с чем-нибудь еще.

Потом он отправился на кухню и принялся что-то там искать, раскрыв настежь холодильник и оба кухонных шкафа. Затем достал откуда-то большой пластиковый пакет и начал торопливо наполнять его припасами из холодильника, подгребая все, что только попадалось под руку.

Неожиданно подняв глаза, Бен увидел, что Барбара стоит рядом с ним.

— Что происходит? — спросила она слабым шепотом, так тихо, что он еле расслышал. Барбара стояла, широко раскрыв глаза, как ребенок, ждущий ответа.

Бен с удивлением посмотрел на нее.

— Что происходит? — еще тише повторила она, порывисто повертев головой в испуге и замешательстве.

Внезапно оба они вздрогнули от звука бьющегося стекла. Бен выронил свои припасы, схватил монтировку, подбежал ко входной двери и выглянул сквозь имевшееся в ней маленькое оконце. Звук повторился. Оказалось, что первый убийца уже вернулся и, присоединившись ко второму, вместе с ним только что разбил обе передние фары грузовика.

— Уже двое...— тихо выругавшись, пробормотал Бен, а два человека во дворе начали беспорядочно колотить камнями по кузову грузовика. Однако их удары не имели, казалось, конкретной цели; это больше походило на какое-то бессмысленное разрушение. В действительности они не причиняли машине большого вреда.

Но Бен обернулся с выражением беспокойства на лице.

— Они могут повредить мотор,— озабоченно сказал он Барбаре.— Сколько их там снаружи? Ты знаешь?

Барбара недоуменно отшатнулась от него, и тогда Бен подскочил к ней, схватил девушку за запястья и сильно встряхнул, пытаясь вернуть ее к действительности.

— Сколько? Ну?.. Я знаю, что ты сильно напугана. Но ты не волнуйся — я смогу справиться с теми двумя..

которые сейчас во дворе. Но сколько их там еще?.. Этот грузовик — наш единственный шанс отсюда выбраться. Надо только знать, сколько их будет всего. Так сколько же?

— Я не знаю! Я не знаю! — закричала Барбара. — Что происходит? Я не понимаю, что происходит!

И, пытаясь высвободить свои руки, она разразилась истерическими рыданиями.

Бен отпустил ее, подошел к двери и, подняв занавеску, выглянул наружу. Двое возле грузовика продолжали яростно колотить по нему, явно пытаясь разнести радиатор.

Бен распахнул дверь, спрыгнул с крыльца и начал медленно приближаться к ним. Но когда они повернулись к нему, он испытал неожиданный приступ тошноты от того, что увидел в свете, падавшем из открытой двери дома.

Опухшие лица нападавших были лицами мертвецов. Плоть на них разлагалась и местами стала уже расплзаться. Глаза почти вывалились из глазниц, а кожа была бескровной и мертвенно-бледной. Они двигались с видимым усилием, как будто та неведомая сила, что вернула их к жизни, по какой-то причине не смогла довести свою работу до конца. Но несмотря на это, они были настолько мерзкими и жуткими тварями, что вызвали у Бена бурю чувств, потребовавших всей его способности испытывать страх. Холодный пот струился по его щекам, пока он шел им навстречу, сжимая в руках монтировку.

— Ну, давайте, подходите. Сейчас получите, — бормотал он себе под нос, сосредоточившись на предстоящей атаке и двигаясь сперва медленным шагом, а затем уже почти побежав им навстречу.

Но двое, вместо того, чтобы отступить, ринулись прямо на него, словно влекомые какой-то магической внутренней силой. Бен начал наносить удары, изо всех сил размахивая своей монтировкой. Но его сокрушительные выпады, как бы сильны они ни были, не приносили ожидаемого результата. Они не могли ни остановить этих тварей, ни причинить им ощутимую боль. Это было все равно, что

выбивать ковер. Вновь и вновь Бен отбрасывал их назад, но они приближались опять с каким-то яростным звериным упорством. Однако в конце концов Бен сумел сбить их с ног и долго еще бил по головам и обмякшим телам поверженных, пока не почувствовал нечеловеческую усталость.

Потрясенная Барбара стояла на крыльце и широко раскрытыми от страха глазами молча наблюдала за этим жутким побоищем. Бен работал, как автомат; раз за разом он с уханьем обрушивал увесистый инструмент на мертвые головы, разбивая черепа расprostертых на земле существ. И в конце концов Барбара, не в силах больше вынести жестокости этого зрелища, отчаянно закричала и, обхватив голову руками, в ужасе закрыла глаза. Снова и снова ее крики пронзали ночную тишину, смешиваясь с тяжелым дыханием Бена и звуками монтировки, пробивающей черепа мертвых тварей.

Наконец Бену удалось совладать с собой и остановиться. Шумно дыша, он стоял посреди лужайки, замороженный спокойствием теплой лунной ночи.

Перестав кричать, девушка безвольно опустилась на порог дома и отсутствующим взглядом уставилась на него. Или сквозь него — он уже не мог понять куда. Бен хотел сказать что-нибудь ободряющее, но никак не мог перевести дыхание.

Внезапно он услышал за спиной Барбары какой-то шум и, вскочив на крыльцо, увидел, что из кухни к ней направляется еще одна из этих ужасных мертвых тварей. Каким-то образом ей, вероятно, удалось сломать запор на задней двери.

— Запри эту дверь! — закричал Бен, и Барбара, каким-то чудом взяв себя в руки, закрыла дверь гостиной и заперла ее на ключ, в то время как в кухне последовала еще одна жестокая схватка.

Мертвец, с которым на этот раз начал сражаться Бен, выглядел еще хуже, чем двое предыдущих, как если бы он пролежал в земле дольше их или умер более страшной смертью. Рваные клочья кожи и мяса повсеместно свисали с его лица, а кости рук просвечивали сквозь кожу, как

тело просвечивает сквозь протертые на локтях рукава. Единственный мертвый глаз существа висел, наполовину вывалившись из глазницы, а рот был перекошен и забит грязью и спекшейся кровью.

Бен попытался нанести удар, но мертвец повис на его руке, и монтировка с громким стуком упала на пол. Бен судорожно шарил рукой в надежде поднять свое оружие и, одновременно борясь с этим жутким монстром, сумел, наконец, опрокинуть его на ковер. Из глотки твари исходило страшное зловоние и какие-то хриплые скрежещущие звуки, очень похожие на те, что издавал убийца брата Барбары. Мертвец почти уже дотянулся своими трясущимися костлявыми руками до горла Бена, однако тот уже схватил монтировку и с размаху вонзил ее острие в прогнивший череп.

Попытавшись, Бен тяжело поднялся. Ему пришлось упереться ногой в лицо твари, чтобы вытащить свой инструмент, и мертвая голова глухо ударилась о пол гостиной. Тонкая струйка белой и совсем не похожей на кровь жидкости брызнула из образовавшейся в черепе раны.

Но Бен не успел подумать о том, что это могло означать, поскольку звуки, доносившиеся из кухни, говорили ему, что еще одно существо проникло в дом. Он встретил его в коридоре и несколькими мощными ударами вытолкал на заднее крыльцо, с силой захлопнул дверь и прислонился к ней плечом, удерживая ее закрытой и пытаясь перевести дыхание.

После длительного молчания Бен сказал:

— Теперь они знают, что мы здесь. Это для них больше не секрет. И они убьют нас, если мы себя не защитим.

Он говорил это, обращаясь прямо к Барбаре, в надежде увидеть хоть какие-то признаки понимания и готовности помочь ему в совместной борьбе за жизнь. Но Барбара не слышала его. Ее лицо нервно подергивалось, а широко раскрытые глаза, не мигая, смотрели мимо него.

Взгляд девушки был устремлен на то место, где в коридоре между гостиной и кухней распростерся на полу

мертвый гуманоид. Неестественно изогнувшись, он лежал на спине с застывшей в воздухе правой рукой, пальцы которой были хищно скрючены как бы в попытке что-то схватить.

Вдруг Барбара с ужасом заметила слабое движение этой мертвой руки. Рука чуть заметно подергивалась. И все тело твари тоже слегка шевелилось. А голова на вывернутой, сломанной шее смотрела в потолок остановившимся взглядом единственного остекленевшего глаза.

В каком-то трансе Барбара сделала несколько шагов по направлению к этой лежащей твари. Страх и отвращение исказили лицо девушки напряженной болезненной гримасой. Рука мертвеца снова дернулась. Барбара медленно приближалась к нему, не отводя глаз, влекомая каким-то непреодолимым любопытством.

Мертвая тварь со следами глубокого разложения на лице лежала, подергиваясь и бессмысленно глядя вверх своим вывалившимся глазом. Но Барбара подходила все ближе, не обращая внимания на конвульсивную дрожь мертвеца и его отвратительный остекленевший и бесцветный глаз с мутным неровным зрачком.

Барбару охватывало дикое желание закричать и бежать отсюда, не разбирая дороги, но вместо этого она, как под гипнозом, продолжала пристально смотреть в единственный мертвый глаз отвратительного существа.

И вдруг с громким шорохом тварь сдвинулась с места. И Барбара, очнувшись от транса, отпрыгнула и закричала, не успев сообразить, что это Бен схватил мертвое тело за ноги и потащил его к выходу.

— Закрой глаза, детка, я сейчас вытащу эту штуку отсюда,— спокойным голосом сказал Бен, но пока он тащил труп через кухню, на его лице отражались невыразимая мука и страшное отвращение.

Глаз мертвеца продолжал дергаться. А Барбара стояла, зажав обеими руками рот, боролась с подступающей тошнотой и слушала звуки тяжелого дыхания Бена и его борьбы с мертвым телом. Наконец он подтащил труп к двери кухни, отпустил его ноги, которые тут же глухо сту-

кнулись об пол, и остановился, чтобы передохнуть и подумать.

Даже в тусклом свете, исходившем от включенной плитки, Барбара видела на лице Бена обильную россыпь блестящих капель пота, а шум его тяжелого дыхания, казалось, заполнял всю комнату. Глаза Бена смотрели тревожно и настороженно. Он торопливо повернулся и выглянул на улицу через маленькое окошко в двери. Мертвец все еще лежал, подергиваясь, у его ног.

А снаружи, в тени развесистых деревьев, Бен разглядел еще троих, которые жадно смотрели на дом, свесив свои костлявые руки и устремив неподвижные взгляды выпученных глаз на приоткрытую парадную дверь.

Быстрым движением Бен распахнул дверь настежь и наклонился, чтобы спихнуть с крыльца тело, лежавшее у его ног. Три мерзких создания, ждавших под деревьями, издали отвратительный клокочущий хрип и сделали несколько медленных тяжелых шагов по направлению к дому. Не став дожидаться их приближения, Бен одним мощным движением вытолкнул труп за порог.

Твари на лужайке продолжали наступать, и стрекот сверчков сливался с хрипом и свистом из мертвых легких, который почти заглушал уже все остальные ночные звуки.

Еще одним усилием Бен подтолкнул мертвое тело к краю крыльца.

Изнутри дома Барбара не могла разглядеть, что делает Бен, поэтому она подошла к двери и, пытаясь унять охватившую ее дрожь отвращения, стала ждать, пока Бен вернется на кухню.

Отвратительные создания подходили все ближе, протягивая к дому свои гниющие руки с растопыренными пальцами в желании схватить и разорвать Бена на части. Он нахмурился и порывлся в нагрудном кармане. Нашупав коробок спичек, он зажег одну и прикоснулся ею к грязной, оборванной одежде мертвеца. Тряпье тут же вспыхнуло.

Твари на дворе остановились. Поначалу пламя разгоралось медленно, и Бен тронул одежду спичкой еще в не-

скольких местах. Но так как внимание его было полностью приковано к приближавшимся тварям, он обжег пальцы и со злостью швырнул спичку прямо в лицо упорно не желающего гореть гуманоида. Тяжело дыша, он неторопливо поднялся и ногой спихнул горящий труп с крыльца, глядя, как тот скатился по трем невысоким ступенькам на траву и замер, объятый низким шипящим пламенем.

И тут Бен увидел, что три мертвеца во дворе резко попятились назад, пытаясь закрыть лица своими негнуущимися руками, словно боясь огня. И тогда его пальцы победно сжались в кулак, стиснув узкие алюминиевые перила крыльца, а лицо ощущало уже жар горящего пламени.

— Я еще доберусь до вас, — тихо сказал Бен сам себе, и голос его задрожал. А затем он громко закричал в тишину ночи:

— Я доберусь до вас, суки. До всех! Проклятые выродки!

Бен вызывающе стоял на крыльце, а объятый пламенем труп медленно горел у его ног, источая невыносимое зловоние. Однако твари на лужайке больше не пятились и теперь стояли на безопасном расстоянии, хищно таращась на Бена.

Услышав за спиной внезапный шум, Бен резко обернулся и в дверях кухни увидел Барбару. Встретив ее взгляд, он с горечью отметил пустое и бессмысленное выражение, застывшее на ее лице. Постояв немного у входа, Барбара снова скрылась за дверью. Уверенным шагом Бен вернулся на кухню, захлопнул за собой дверь черного хода и хотел было запереть ее, но запор оказался сломан.

Тогда Бен обхватил руками тяжелый обеденный стол, подтащил его к двери и с грохотом загородил им проход. Его громкое дыхание стало еще чаще. А взгляд метался взад-вперед по комнате, как бы в поисках чего-то. Но Барбара не могла понять, чего именно.

Потом он бросился к кухонным шкафам, распахнул настежь дверцы и принялся рыться в содержимом полок. Они были полны обычной кухонной утвари и всяких съест-

ных припасов. Довольно долгое время Бен молчал, а Барбара, не отрывая глаз, следила за его поисками.

— Посмотри, где-то там должен быть выключатель,— сказал он так неожиданно, что Барбара вздрогнула и отшатнулась к стене. Ее рука нащупала выключатель. Кухня наполнилась ярким светом, который тут же ослепил ее и заставил моргать и прищуриваться, а Бен с громким топотом продолжал энергично носиться по помещению. Девушка все еще стояла, прижавшись спиной к стене и держа руку на выключателе, и не осмеливалась пошевелиться. Она молча смотрела, как Бен вытаскивает из шкафов ящики и вываливает их содержимое на стол или просто на пол.

Наконец он добрался до ящика со столовым серебром, открытого еще с тех пор, как его обнаружила Барбара, и с громким треском, рывком выдвинул ящик до упора. Оттуда Бен вытащил большой хлебный нож и, с шумом втянув в себя воздух, подобрал живот и засунул нож за пояс. Затем он снова порывлся в ящике и вынул из него еще один нож. К удивлению Барбары, Бен резко шагнул в ее сторону и рукояткой впереди сунул нож прямо ей в руку. Она испуганно отшатнулась, и это слегка остудило пыл Бена. Он попытался успокоиться и, с трудом переводя дыхание, мягко, но настойчиво произнес:

— Держи-ка вот это. Может, еще пригодится...

Она поколебалась немного, но в конце концов нож взяла, и Бен вздохнул с облегчением. Барбара выглядела безвольной и апатичной, как будто полностью потеряла контроль над собой или просто решила сдаться без дальнейшей борьбы. Она непонимающе посмотрела на оружие в своей руке, затем ее глаза встретили напряженный взгляд Бена.

— Все хорошо,— сказал он.— Все нормально. Ты только слушай меня, и все будет в порядке. Мы должны защитить себя. А для этого нужно не пускать их сюда, пока мы не найдем способ выбраться из этого проклятого места.

Он не знал, дошли ли до Барбары его слова, но надеялся, что она поняла все правильно. Бен отошел от нее

и продолжил свои поиски, разговаривая лишь иногда, в перерывах между тяжелыми вздохами и теми короткими моментами, когда его внимание было целиком поглощено какой-либо находкой — чем-то, что могло оказаться полезным в их борьбе за жизнь.

Его поиски вовсе не были беспорядочными, как это могло показаться на первый взгляд; на самом деле они велись очень избирательно и преследовали конкретную, осмысленную цель — он искал гвозди и доски или подходящие куски дерева, которыми можно было бы заколотить окна и двери. Бен пришел к выводу, что, на случай возможной решительной атаки тварей, они должны укрепить этот дом как можно надежнее. Опасность такой атаки становилась все более угрожающей, так как число мертвецов вокруг дома непрерывно увеличивалось, и поэтому Бен торопился. Поначалу поглощавшие все его внимание поиски подстегивались только растущим чувством тревоги. Однако постепенно, по мере того как он находил какие-то важные, необходимые предметы, его действия становились все более обдуманными и последовательными.

Бен стал пододвигать тяжелые столы и другие предметы обстановки к дверям и окнам, чтобы загородить ими наиболее уязвимые участки.

По мере того, как эти баррикады придавали их убежищу надежный вид, состояние Бена становилось все менее напряженным, а разум — более спокойным и хладнокровным. Сознание того, что предпринимаются какие-то усилия в направлении безопасности, стало овладевать и Барбарой, постепенно выводя ее из состояния оцепенения и безразличия.

— Все будет в порядке! — подмигнул ей Бен, стараясь, чтобы голос его звучал бодро и убедительно.

А Барбара, по-прежнему не двигаясь, смотрела, как он носится по комнате и, разбрасывая по полу свои находки, вываливает все из ящиков и скидывает с полок. Однако Бен все еще не мог найти ничего такого, что было бы ему действительно необходимо. На пол летели катушки ниток, пуговицы, крем для обуви, маникюрные принадлежности.

И постепенно поиски Бена вновь стали лихорадочно торопливыми.

Наконец в деревянной коробке под раковиной он обнаружил то, что так долго искал. Вывалив содержимое на пол, Бен радостно подпрыгнул и издал победный крик, поскольку из ящика с глухим стуком выпал большой молоток-гвоздодер. Кроме того там нашелся топор и старая жестяная банка из-под табака, в которой оказались гвозди, шурупы и прочая мелочь. Несколько гвоздей со звоном скатились на пол, но Бен наклонился и бережно подобрал их. Он порылся в образовавшейся кучке железок, выбрал самые длинные гвозди и засунул их в карман своего свитера. Тут же он снова сорвался с места и вновь принялся искать что-либо подходящее.

Пробегая мимо, он бросил взгляд на Барбару.

— Посмотри, нет ли там, у камина, каких-нибудь деревяшек покрупнее! — прокричал Бен и отвернулся, чтобы исследовать содержимое картонной коробки, стоящей на холодильнике. По ее весу он понял, что коробка пуста, и сразу отбросил ее в сторону, лишь мельком заглянув вовнутрь, а ноги уже несли его по направлению к шкафчику в углу комнаты, в котором, скорее всего, не было ничего, кроме продуктов. Но в этот момент Бен заметил, что Барбара все еще стоит без движения, и внезапно его гнев прорвался наружу; он в ярости закричал на нее:

— Послушай ты... — Но тут же снова взял себя в руки, улыбнулся и заговорил уже не так грубо: — Послушай... Я знаю, ты боишься. Я тоже боюсь. И боюсь не меньше тебя. Но мы не сможем уцелеть, если будем сидеть сложа руки. Я собираюсь заколотить все двери и окна. Но ты должна мне помочь. Нам надо помогать друг другу, потому что больше помощи ждать не от кого... И тогда все будет в порядке. О'кей? А сейчас я хочу, чтобы ты пошла и посмотрела, нет ли там каких-нибудь досок возле камина.

Он замолчал, все еще тяжело дыша. Барбара виновато смотрела на него и, спустя несколько секунд, начала медленно двигаться, оторвавшись от стены,

— О'кей? — снова спросил Бен, глядя ей прямо в глаза.

После долгой паузы Барбара слабо кивнула.

— О'кей, — успокоившись, полупшепотом повторил Бен и посмотрел вслед девушке, а затем продолжил свои поиски.

Барбара вошла в гостиную, где темнота заставила ее замедлить шаг. Из кухни продолжал доноситься производимый Беном шум. Барбара с опаской оглядела комнату, в которой каждая тень казалась ей подозрительной, и инстинктивно сжала рукоятку своего ножа. Что угодно могло скрываться в этих темных углах, прятаться за мебелью или в больших шкафах.

Неожиданно Барбара вздрогнула.

На обеденном столе, стоявшем в дальнем конце гостиной, виднелся темный силуэт вазы с крупными, округлой формы цветами. И эти цветы зашевелились вдруг от дуновения ветра из открытого окна. В ужасе Барбара бросилась к окну, захлопнула его, заперла на задвижку и остановилась, тяжело дыша от испуга. Она заметила, что, закрывая окно, защемила край белой кружевной гардины. Но уже ничто на свете не заставило бы ее снова открыть это окно. Вздрогнув, она обернулась и увидела появившегося в дверях Бена, который заглянул в комнату, чтобы узнать, что здесь произошло. Барбара понадеялась было, что он останется, но в ту же секунду Бен повернулся и отправился назад в кухню искать дальше.

Снова оставшись одна, Барбара протянула руку и зажгла настольную лампу. Тусклый желтоватый свет озарил окружающее пространство. Комната была почти пуста. Девушка медленно двинулась по направлению к камину. Возле него лежали сложенные штабелем дрова и несколько досок, достаточно крупных, чтобы заколотить ими окна. Все еще сжимая в руке нож, она стала подбирать с пола доски, но неожиданно из дров выскочил паук и побежал по ее руке. И Барбара, пронзительно вскрикнув, с грохотом выронила весь свой груз.

Она подождала немного, надеясь, что Бен придет ей

на помощь, но на этот раз он не появился на шум. С кухни доносился громкий стук молотка, и Барбара поняла, почему Бен не расслышал грохот рассыпанных ею досок. Она опустилась на колени и аккуратно подобрала все, убедив себя больше не пугаться пауков.

Пошатываясь со своей неудобной ношей, Барбара поспешила в кухню и, протиснувшись в дверь, увидела Бена, который молотком отбивал петли с высокой двери стенового шкафа. Заключительный мощный удар, сильный рывок — и со скрежетом выдираемых из дерева шурупов дверь сорвалась с петель. Бен прислонил ее к стене рядом со шкафом, в глубине которого он обнаружил и другие полезные вещи — гладильную доску, три срединных доски от раздвижного обеденного стола и еще какой-то старый лам.

Он тепло улыбнулся Барбаре, когда, подняв глаза, увидел принесенные ею доски, которые она осторожно сложила в углу. Сделав ей знак следовать за ним, Бен подхватил дверь стенового шкафа и понес ее через кухню к черному ходу, на котором был сломан запор. Он пристроил оторванную дверцу шкафа поперек проема черного хода и, прикинув, решил, что с помощью этой же доски можно будет заколотить и небольшое окно рядом с дверью. Подперев доску плечом, Бен стал искать в кармане свитера гвозди. Доска медленно поползла вниз. Она не закрывала полностью окно возле двери, оставляя небольшие просветы сверху и снизу, однако позволяла достаточно надежно укрепить саму дверь и закрывала имевшееся в ней маленькое окошко. Тяжелая доска снова поехала вниз, и Бен поправил ее локтем, продолжая искать гвозди. Неожиданно Барбара пришла ему на помощь, поддерживая сползающую доску и удерживая ее в нужном положении. Бен принял эту помощь автоматически, кажется, даже не заметив и никак не отреагировав, и быстрым точным взглядом окинул дверной проем, определяя, куда забивать гвозди. Затем, вынув из кармана несколько длинных гвоздей, он вогнал их в дерево быстрыми и мощными ударами молотка. Бен вбил два гвоздя на своей стороне, прихватив

доску к косяку у двери, затем быстро перешел на сторону Барбары и вбил еще два. Теперь, когда доска уже прочно держалась, он вогнал гвозди по самые шляпки, затем отступил назад, чтобы посмотреть, и принялся забивать еще. Бен старался расходовать гвозди экономно, вбивая их только там, где они могли бы принести наибольшую пользу, поскольку не располагал неограниченным запасом.

Потом он подергал за укрепленную дверь, и она показала ему достаточно прочной. А как только эта первая мера безопасности была предпринята, к Бену стали возвращаться уверенность и относительное спокойствие. И хотя он по-прежнему был встревожен и продолжал работать весьма торопливо, тот факт, что он имел все необходимые для работы инструменты и план, каким образом уберечься от опасности, давал ему ощущение не совсем уж полной беспомощности. Теперь он почти уже не сомневался, что сможет позаботиться должным образом о себе и об этой девушке.

— Готово! Ей-богу! — наконец воскликнул он в приливе оптимистической радости. — Здесь они не проберутся. На это у них сил не хватит — так-то вот!

И он вогнал еще пару гвоздей в оконную раму, снова испытал укрепление на прочность и остался вполне доволен.

— Сквозь это они не пройдут, — произнес Бен, заключительными ударами утопив шляпки гвоздей в дереве.

Он внимательно осмотрел те части окна, которые остались незакрытыми, и пришел к выводу, что они не настолько велики, чтобы в них смог пролезть человек.

— У меня не так уж много гвоздей, — объяснил он Барбаре. — И я оставлю это так. Гораздо важнее укрепить другие места, где они могут пролезть.

Барбара ничего не ответила, не высказав ни одобрения, ни своего мнения на этот счет, и Бен бросил в ее сторону сердитый взгляд. Потом еще раз осмотрел кухню. Там больше не было ни дверей, ни окон, кроме единственной внутренней двери, ведущей в гостиную.

— Ну ладно... здесь уже вполне безопасно, — сказал

он после тщательного осмотра и снова взглянул на Барбару, ожидая хоть какого-то знака одобрения или поддержки, но она по-прежнему молчала, и тогда Бен продолжил, немного повысив голос, чтобы смысл его слов лучше дошел до девушки.— Теперь... если что и случится...

Барбара неподвижно стояла на месте и смотрела на него безо всяких признаков понимания.

— Если что случится... мы побежим отсюда. И без промедления, иначе останешься там и будешь сама с ними разбираться. Если они вдруг прорвутся в дом, мы закроемся на кухне и забаррикадируем эту дверь.— Он указал на дверь между гостиной и кухней, которая в это время была открыта.

Барбара наблюдала, как он закрыл ее, проверил на прочность, затем открыл снова. Потом Бен отобрал несколько толстых досок и прислонил их к стене рядом с дверью, чтобы в случае опасности можно было быстро заколотить ими вход в гостиную.

Ощупав свой карман, он обнаружил, что запас гвоздей быстро уменьшается, и отправился к полке, на которую было высыпано содержимое банки из-под табака. Бен полностью опустошил банку, разыскал в куче все самые длинные гвозди и только их сложил обратно. После этого протянул банку Барбаре.

— А ты держи вот это,— сказал он тоном, не допускающим возражений.

Барбара мгновенно среагировала и взяла банку из рук Бена. Она подождала, пока он собрал огромную охапку досок — сколько мог унести — и направился в комнату. Ей не хотелось оставаться одной, и поскольку Бен не сказал, чтобы она оставалась на кухне, Барбара молча пошла вслед за ним, держа банку с гвоздями перед собой.

Они прошли в гостиную.

— Это долго не продлится,— тяжело дыша, сказал Бен.— Они обязательно попытаются прорваться сюда. Но пока они боятся, мне так кажется... или, может быть, еще не проголодались...

Он сбросил свою ношу посреди комнаты и направился

к большим фасадным окнам, разговаривая на ходу. Речь Бена стала вдруг напряженной и торопливой.

— Они боятся огня. Я знаю это.

Барбара по-прежнему молча стояла в середине комнаты, держа в одной руке нож, в другой банку, и смотрела, как Бен, подойдя к окнам, на глаз пытается оценить их размеры. Он внимательно осмотрел комнату, и наконец его взгляд упал на широкий обеденный стол. Бен быстрым шагом направился к нему, продолжая вслух вспоминать:

— Их было пятьдесят, а может, и целых сто, этих тварей, там, в Кабрии, когда первый раз объявили об опасности.

Барбара смотрела на него, пораженная. При упоминании о числе этих существ в ее глазах отразилось изумление и испуг, смешанный с любопытством. Бен с видимым усилием оттащил массивный стол от стены, обошел вокруг него, прикидывая размер, а затем, приподняв стол за край, перевернул его на бок. Ухватившись за одну из ножек, он попытался выломать ее. Это потребовало больших усилий, но наконец с громким хрустом ножка отломилась. Бен бросил ее на ковер и продолжал говорить, тяжело дыша от напряжения, и время от времени прерывая свой рассказ, чтобы выместить весь гнев на столе, выламывая одну за другой его ножки.

— Я увидел большой бензовоз, там... возле закусочной Бикмана. А я как раз слушал радио — у меня в машине есть приемник...

Бен принялся выламывать вторую ножку. Она громко хрустнула, но не поддавалась. Тогда он пошел за молотком, продолжая на ходу свой рассказ:

— Этот бензовоз выскочил на дорогу со стоянки возле закусочной. И его преследовали, должно быть, десять... или пятнадцать этих упырей... Но в тот момент я их еще не видел — они были с другой его стороны. И это выглядело очень странно — то, что он вылетел на такой скорости, вместо того, чтобы не спеша выехать со стоянки.

Двумя мощными ударами молотка Бен отбил вторую

ножку, и она со стуком упала на пол. Отбросив ее в угол, он сразу же принялся за третью.

— Сначала я увидел только этот большой бензовоз. И мне показалось смешным, что он ехал так быстро,— продолжал Бен, натужно кряхтя.— А потом уже я заметил и кучу тварей — тот грузовик немного замедлил ход, и они уцепились за него... старались залезть, запрыгивали... Они хватали водителя за горло.

Еще одна ножка, упав, стукнулась о ковер. Бен тяжело дышал. А Барбара слушала его рассказ, одновременно напуганная и завороженная.

— И бензовоз поехал поперек дороги — прямо на тротуар. Мне пришлось изо всех сил ударить по тормозам, так что шины завизжали, а бензовоз врезался в большую вывеску, а потом в колонки заправочной станции. Я слышал звук столкновения. И эта огромная машина загорелась... Но она все еще продолжала двигаться и ехала прямо на здание станции — и я в ужасе остановился. И тогда я увидел, что все эти твари... они стали отступать... некоторые побежали... или пытались бежать... Но они и бежали-то как бы ползком. Во всяком случае, они отступали. Было похоже... было похоже, что они бегут от огня. А парень в бензовозе так и не смог выбраться — его кабина до половины ушла в стену станции. И он начал гореть там живьем — его крик до сих пор стоит у меня в ушах...

Глаза Барбары потемнели, а лицо тревожно нахмурилось. Продолжающийся кошмар становился для нее все более запутанным.

Бен с треском выломал последнюю ножку, и крышка стола начала падать. Она оказалась довольно тяжелой. Но он удержал ее и с трудом поволок через комнату. Барбара подошла к нему и тоже взялась за край, однако доска была слишком тяжелой, чтобы девушка могла оказать заметную помощь.

— Я не знал, что произойдет,— продолжал Бен.— Я думал, заправочная станция взорвется... и разлетится на куски. Или еще что-то случится. И я просто поехал прочь, стараясь оказаться подальше от этого места на случай

взрыва... а парень в бензовозе все кричал и кричал... и через некоторое время затих.

Бен опустил на пол крышку стола и стер со лба капли пота, а потом вытер руку о рубашку. Он все еще тяжело дышал от напряжения. В его широко раскрытых глазах застыл гнев, вызванный воспоминанием о событиях, которые он только что описывал, и в то же время казалось, что он вот-вот заплачет.

— И повсюду там были эти существа,— говорил Бен.— Они толпами стояли на обочинах дороги и глядели так... будто только что вышли из могилы. Их было полно и возле закусочной, а на стоянке рядом стояло много машин и автобусов с выбитыми стеклами. И я подумал, что они, должно быть, прикончили в закусочной всех людей. И тогда я погнал свой грузовик прямо на них, и тут-то мне удалось их как следует рассмотреть: я впервые увидел их в свете своих фар, а затем... я начал давить их своими колесами, стараясь сбить, уничтожить как можно больше этих грязных, мерзких уродов. И двое из них от удара отлетели по воздуху футов на пятьдесят. Но остальные продолжали стоять. Они даже не пытались бежать. Они не захотели даже сойти с дороги. А некоторые из них, наоборот, стали приближаться, как будто бы могли схватить меня. И мой грузовик давил их и давил, как... как сборище клопов...

Увидев в глазах Барбары сильный страх, Бен замолчал. Ее глаза были широко раскрыты, на лице написано отвращение, а руки все еще держались за крышку стола.

Бен переключил свое внимание на эту крышку и принялся поднимать ее к окну. Барбара осталась практически неподвижной, и когда Бен потянул стол на себя, ее руки безвольно упали. Он с трудом подтащил стол к окну, которое хотел заколотить. А Барбара молча смотрела в сторону безо всякого выражения на лице.

— Я... у меня есть дети,— сказал Бен, вытирая рукавом мокрый лоб.— И я надеюсь, что с ними ничего не случится. Они уже большие и могут позаботиться о себе. Но они ведь всего лишь дети... а я уехал, и...

Он оборвал себя на полуслове, поскольку Барбара не

отвечала, а он не знал, что сказать дальше. Бен опять взялся за крышку стола и прислонил ее к стене.

— Я собираюсь сделать все, что в моих силах,— сказал он, стараясь, чтобы голос его звучал уверенно.— Я сделаю все, что могу, и я вернусь. Я снова увижу моих ребят. И все будет хорошо. Мы выберемся отсюда...

Бен стал повторяться и, почувствовав, что начинает бормотать уже совсем бессвязно, замолчал. Девушка выжидательно смотрела на него. Бен сделал над собой усилие и стал говорить немного медленнее. Его голос стал принужденно-спокойным и монотонным. Ведь невзирая на свой страх и усталость, он был смелым человеком и поэтому решил, несмотря ни на что, не терять веру в свои силы. Бен знал, что девушке сейчас очень нужна его поддержка, чтобы совладать с ситуацией. И хочет он этого или нет, его жизнь в какой-то мере зависит от нее и от того, насколько хорошо он сможет помочь ей преодолеть страх.

— С ними тоже теперь все будет в порядке,— убежденно сказал он.— Мы их не пропустим. Я имею в виду... с ними вполне можно справиться. Нужно только не терять голову и не слишком пугаться. Ты сама посмотри — мы двигаемся быстрее их, и они гораздо слабее взрослого мужчины. Так что мы с ними справимся. О'кей?

Девушка не отвечала.

— Все, что нам нужно,— это не терять головы,— добавил Бен.

Какое-то время они смотрели друг на друга, затем Бен повернулся и снова взялся за стол. Но как только он начал поднимать его, Барбара заговорила тихим, слабым голосом:

— Кто они такие?

Бен остановился, все еще держа тяжелую крышку в руках, и с удивлением посмотрел в обеспокоенное лицо Барбары. Постепенно до него дошло, что девушка еще практически ничего не знает о том, что произошло. Она совершенно не представляет себе ни степени опасности, ни ее причины. Она не слышала никаких объявлений по

радио, никаких сводок, а все это время находилась в состоянии непроходящего шока.

И Бен недоверчиво вскрикнул:

— Так ты ничего не слышала?!

Барбара беспомощно посмотрела ему в глаза. Ответом было ее молчание.

— Ты хочешь сказать, что не имеешь даже никакого представления о том, что происходит?

Барбара хотела кивнуть в ответ, но вместо этого у нее начался приступ нервной дрожи. Она дрожала все сильнее, ее уже стало трясти, и тогда она обхватила голову руками и разразилась громкими рыданиями. В панике она начала кругами ходить по комнате, отчаянно и бесцельно.

— Нет... нет... нет... Я не... что происходит... что происходит с нами... Почему? Скажите мне! Скажите! — рыдала Барбара.

Выведенный из себя этой истерикой, Бен схватил ее за плечи и сильно встряхнул, пытаясь привести в чувство. Рыдания прекратились, однако Барбара продолжала бессмысленно смотреть куда-то сквозь него. Казалось, что ее взгляд направлен в какую-то отдаленную точку позади Бена. Но речь, по-прежнему беспорядочная и отрывистая, стала все же более связной:

— Мы были на кладбище... я... и Джонни... мой брат, Джонни... Мы привезли цветы для... А этот... человек... он бросился на меня... И Джонни... сражался с ним... а теперь он... он...

— Ладно! Ладно! — прокричал Бен прямо ей в лицо. Его не оставляло чувство, что если он немедленно не выведет ее из этого состояния, она может решиться на необдуманный поступок — попытается убить себя или сделает что-нибудь еще, что в конечном итоге будет стоить жизни им обоим. Он крепче сжал ее запястья, и Барбара начала вырываться.

— Убери свои руки! — закричала она.

Улучив удобный момент, девушка вывернулась и бросилась убежать. По пути она споткнулась об одну из валявшихся на полу ножек стола и едва удержалась на ногах.

удержать ее руки и прижать Барбару грудью к стене, лишив возможности шевелиться. Наконец он с грубой силой швырнул ее в глубокое кресло, но она тут же вскочила на ноги и с криком ударила его по щеке. Бену пришлось снова сдвинуть ее своей медвежьей хваткой и зажать в углу. Затем — ему было крайне неприятно делать это — он поднял над ней свой тяжелый кулак. Однако девушка вовремя отдернула голову, и удар не достиг своей цели — не привел ее в чувство. Но он заставил ее испуганно сжаться и затихнуть, достаточно долго, чтобы Бен успел ударить ее еще раз, теперь уже точно. Глаза Барбары жалобно и обиженно посмотрели на него, и девушка начала медленно оседать, а он подхватил ее за руку, не давая упасть на пол.

Обеими руками поддерживая Барбару, Бен молча оглядел комнату и увидел у противоположной стены диван. Он осторожно подхватил девушку за талию, подвел к дивану и уложил на него ее обмякшее, безвольное тело, поудобнее устроив голову на подушке.

Затем, отступив на шаг, Бен посмотрел на нее, и ему стало ужасно стыдно за то, что он только что сделал. Барбара лежала так тихо и спокойно, будто и не было вовсе никакой опасности. Ее светлые волосы, однако, были в полном беспорядке, а лицо — мокрым от слез. На скуле, в том месте, куда пришелся удар, образовался синяк.

Бен поежился. Ему страшно хотелось верить, что ради них обоих он сумеет найти правильный выход. Но это было очень непросто.

Да, это было совсем непросто.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Рядом с диваном, на котором лежала Барбара, стоял большой радиоприемник, из тех, что выпускались еще в тридцатые годы. Бен нажал кнопку, и желтоватая шкала за

помутневшим от времени стеклом сразу же засветилась. Бен поискал глазами банку с гвоздями, которую передал недавно Барбаре. Банка лежала на полу, в том месте, где девушка уронила ее. Он отобрал несколько крупных гвоздей и положил их в карман. В этот момент из приемника послышалось громкое шипение и треск. Бен принялся крутить ручку настройки. Поначалу не было ничего, кроме помех, но затем его слух уловил что-то, похожее на обрывок фразы, и Бен попытался точнее настроиться на эту станцию. И наконец из приемника донесся монотонный металлический голос:

«...Аварийной радиосети. Передачи регулярного вещания временно прекращены. Для получения экстренной информации оставайтесь настроенными на эту волну. Органы охраны правопорядка призывают вас не покидать ваши дома. Все двери и окна должны быть заперты и по возможности заколочены. Экономно используйте пищу, воду и медицинские препараты. Силы гражданской обороны пытаются овладеть ситуацией. Оставайтесь возле приемников, настроенных на эту волну. Не пытайтесь пользоваться автомобилями и не покидайте свое жилище. Все двери и окна должны быть закрыты».

Затем наступила долгая пауза, в течение которой слышалось лишь мерное сухое потрескивание, но спустя какое-то время сообщение начало повторяться:

«Через несколько минут наши дикторы будут в прямом эфире передавать информацию из штаба гражданской обороны. Вы слушаете трансляцию аварийной радиосети. Передачи регулярного вещания временно прекращены. Для получения экстренной информации оставайтесь настроенными на эту волну...»

Услышав повторение текста, Бен раздраженно махнул рукой и отошел от бесполезного приемника к тяжелой крышке стола, стоявшей у стены возле окна гостиной. Стараясь держаться в тени, он осторожно отогнул угол занавески и выглянул наружу, напряженно всматриваясь в темноту.

Там, в тени деревьев, Бен насчитал уже четыре злое-щих фигуры. А металлический голос диктора продолжал неустанно повторять одно и то же сообщение.

Темные неподвижные силуэты за окном походили на изваяния, но, приглядевшись получше, можно было различить и изорванную в клочья одежду, и спутанные косматые волосы этих бесчувственных мертвых тварей. Вдруг какое-то непонятное движение заставило Бена вздрогнуть. От дороги к дому направлялась еще одна тварь. Мерзкие создания прибывали с каждым часом. Конечно, это не было для Бена полной неожиданностью, однако при каждом новом подтверждении его опасений сердце у него начинало бешено колотиться.

Если число этих уродов будет постоянно расти, то рано или поздно они наверняка нападут на дом, пытаясь сломать все преграды и проникнуть внутрь.

Бен отвернулся от окна, шагнул к камину и достал из кармана коробок спичек. На маленьком столике рядом с диваном, на котором лежала Барбара, он заметил стопку старых журналов. Бен сгреб их, вырвал с десятков страниц и, скомкав, бросил в камин. Туда же он положил щепу для растопки и несколько крупных поленьев, затем чиркнул спичкой и поджег скомканную бумагу. Пламя начало неохотно поедать отсыревшие страницы.

На камине стояла небольшая баночка с керосином. Бен тут же схватил ее и побрызгал в огонь. Пламя тотчас же ярко вспыхнуло, едва не опалив ему лицо. Крупные поленья медленно занялись, и только тогда Бен вернулся к окну, уже не обращая внимания на надоевшее радио:

«...Охраны правопорядка призывают вас не покидать ваши дома. Все двери и окна должны быть заперты и по

возможности заколочены. Экономно используйте пищу, воду и медицинские препараты. Силы гражданской обороны пытаются...»

Бен взгромоздил крышку стола на подоконник, прислонил к окну и, с трудом удерживая ее в таком положении, принялся вбивать гвозди. Им двигала сила отчаяния. Еще один гвоздь... еще один... Наконец крышка укреплена, и Бен, наскоро проверив ее прочность, бросился к соседнему окну. Он снова приподнял край занавески и выглянул на улицу.

На лужайке стояло уже пятеро тварей.

Бен отвернулся, опустил занавеску и двинулся назад к камину, в котором уже ярко горели даже самые крупные поленья. Он сорвал с заколоченного окна занавески, схватил с пола две выдорманные ножки стола и накрутил на их концы полоски материи. Затем смочил ткань керосином и сунул в огонь, получив таким образом два жарко горящих факела. Взяв их в обе руки, Бен направился к выходу, одновременно толкая перед собой коленом большое мягкое кресло. Потом он переложил оба факела в одну руку, а другой чуть отодвинул занавеску и посмотрел через маленькое окошко в двери.

Темные фигуры на лужайке стояли по-прежнему неподвижно, молча уставившись на дом.

Бен обрызгал керосином кресло и тронул его факелом. Обивка моментально вспыхнула, и языки пламени принялись жадно лизать ее, озаряя зловещим багровым светом бледные стены комнаты. Лицо Бена обдавало почти нестерпимым жаром, но он не оставлял попыток одной рукой открыть замок и наконец справился с ним и распахнул дверь настежь.

Горящее кресло бросило на лужайку жутковатый мерцающий свет, и твари в темноте попятились и насторожились.

Бен вытолкнул кресло за дверь, пододвинул его к краю крыльца, а потом ногой спихнул вниз, и горящая

масса скатилась со ступенек на траву. Заметались высокие языки пламени, тысячи искр взвились в воздух вместе с горящими кусками набивки и, светясь, полетели прочь, подхваченные ночным ветром.

Огромный костер с треском запылал в высокой траве.

Какое-то время Бен с удовольствием наблюдал, как твари под деревьями испуганно пятятся назад, а потом вернулся в дом, захлопнул дверь и запер ее на замок и засов.

В гостиной по-прежнему звучал монотонный голос диктора:

«...Силы гражданской обороны пытаются овладеть ситуацией. Оставайтесь возле приемников, настроенных на эту волну. Не пытайтесь пользоваться автомобилями...»

Поспешив к окну, Бен забил еще несколько гвоздей в крышку стола, понадежнее укрепив ее, затем отступил назад и медленно оглядел комнату, отмечая про себя наиболее уязвимые места — еще не заколоченное большое окно слева от двери, другое — поменьше — в боковой стене, еще одно — выходящее на другую сторону дома, в столовой, и входная дверь — она была заперта, но никак не укреплена.

Бен повернулся, продолжая свой осмотр, и вдруг его глаза широко раскрылись от удивления.

Девушка сидела на диване. Но встревожило Бена не то, что она пришла наконец в сознание, а ее странное поведение. На лице у Барбары образовался огромный синяк, но она, не обращая на это никакого внимания, молча смотрела в пол остановившимся взглядом. Радио продолжало однообразно бубнить все то же сообщение, отблески пламени играли на лице Барбары и отражались в ее глазах, которые смотрели в одну точку и почти не мигали.

Бен снял с себя свитер и, подойдя к ней, накинул его

на плечи девушки и с сочувствием посмотрел ей в глаза. Она продолжала молча глядеть в пол. Бен почувствовал себя глупым и беспомощным, желая прекратить ее истерику, хотя в тот момент это, может быть, и действительно было необходимо. Несколько минут он ждал от Барбары какой-то реакции, возможно, вспышки гнева или обиды, но та по-прежнему никак не проявила себя. Тогда он с несчастным видом направился к куче деревянного хлама в центре комнаты, выбрал доску побольше и потащил ее к тому из окон, которое оставалось еще незаколоченным.

Бен не обращал уже никакого внимания на несмолкающий металлический голос:

«...Будут в прямом эфире передавать информацию из штаба гражданской обороны. Вы слушаете трансляцию аварийной радиосети. Передачи регулярного вещания временно...»

Он надежно укрепил два оставшихся окна в гостиной, а затем подошел ко входной двери, держа в руках гладильную доску. Бен прислонил доску горизонтально поперек дверного проема, прибил ее несколькими гвоздями к косяку и проверил на прочность. Укрепление казалось довольно надежным, чтобы сдерживать неминуемый натиск тварей. Однако Бен на этом не успокоился и продолжал упорно работать, стремясь сделать дом как можно более надежным укрытием.

В столовой он заметил две закрытых двери. Проверив одну из них, Бен обнаружил, что она заперта.

На двери не было наружной щеколды и Бен решил, что кто-то, должно быть, запер ее ключам. «По-видимому, это вход в чулан», — подумал Бен, дернул несколько раз за ручку, но дверь так и не поддавалась. Поэтому он счел ее не представляющей опасности и оставил в покое, решив, что она, очевидно, заперта хозяйкой дома, которая теперь лежит мертвая на верхней площадке лестницы.

Вторая дверь оказалась открытой, и, распахнув ее, Бен обнаружил за ней рабочий кабинет с несколькими окнами. Огорченный этим дополнительным источником угрозы, Бен глубоко вздохнул и задумался, оглядываясь по сторонам. Наконец он вышел из кабинета, закрыв его за собой и заперев с помощью ключа, найденного в замке с внутренней стороны. Он решил попросту забить эту дверь вместо того, чтобы укреплять в кабинете каждое окно.

Но ключ, торчавший в двери кабинета, навел Бена на мысль, и он вытащил его из замка с намерением им же попробовать открыть и ту дверь в столовой, которой он интересовался несколько минут назад. Но его ждало разочарование — основательно повозившись с замком, Бен понял, что ключ явно не тот. Тогда он оставил свою затею и положил ключ в карман.

Вернувшись в гостиную, Бен бросил взгляд на неподвижную, унылую фигуру девушки. Та даже не пошевелилась, когда он вошел. Бен снова склонился над кучей дровяшек и с трудом выбрал подходящую, чтобы забить дверь кабинета. Запасы досок на глазах уменьшались. Но в тот момент, когда Бен уже поднял молоток, чтобы вбить первый гвоздь в косяк двери, ему в голову пришла еще одна мысль; он вновь открыл кабинет и вошел внутрь. Там оказалось несколько стульев, большой письменный стол и комод. Бен подошел к столу и стал рыться в ящиках. Он вытаскивал бумаги, ручки, карандаши, а также множество всевозможных случайных предметов и ненужных безделушек. Еще один ящик — и новая сотня практически бесполезных вещей. В комодке оказалась в основном одежда. Бен выдвинул два больших ящика, вывалил их содержимое на пол, а сами ящики с грохотом выбросил через открытую дверь в столовую. Затем он задумчиво осмотрел комод и, внезапно найдя ему применение, обхватил руками и принялся толкать вперед, пытаясь протиснуть этот огромный и тяжелый предмет в проем двери. С трудом Бену все же удалось это сделать, отчего на дверном косяке остались полосы содранной краски. За комодом в столовую последовал и тяжелый старомодный письменный стол. Это по-

требовало новых усилий, но Бен хотел сохранить все, что могло бы ему пригодиться, прежде чем начать окончательно забивать дверь кабинета.

В стенном шкафу он обнаружил массу старой одежды, отыскал для себя куртку и пальто для девушки и перекинул их через плечо. На верхних полках шкафа виднелось нагромождение старых коробок, чемоданов и даже зонтов. Бен поколебался немного, прикидывая, какую ценность могут представлять для него все эти вещи, и что полезного может оказаться в коробках и чемоданах. Затем посмотрел вниз — беспорядка там было еще больше: в огромную кучу кто-то свалил покрытые пылью щетки, жестянки, рваные ботинки и тапочки. Бен взял в руки пару женских туфель без каблучков, осмотрел их и, подумав о босоногой девушке, сидящей на диване, зажал туфли под мышкой.

Когда он уже поворачивался, чтобы уйти, что-то блестящее в глубине шкафа вдруг привлекло его внимание — в куче старого тряпья там лежал какой-то предмет из полированного дерева. Бен с нетерпением протянул руку и вытащил именно то, что так надеялся найти с самого начала — винтовку. Он бросил все, что уже держал в руках, и с еще большим нетерпением стал рыться в шкафу, разбрасывая ненужные вещи по всей комнате. В картонной коробке от ботинок он обнаружил старые письма и открытки. Зато в жестянке из-под сигар вместе со щеточкой и жидкостью для прочистки курительных трубок лежало руководство по эксплуатации винтовки и упаковка патронов.

Бен раскрыл ее и с удовольствием обнаружил, что она почти наполовину полна. Он аккуратно пересчитал патроны — их было двадцать семь.

Винтовка оказалась «Винчестером» 32 калибра. Хорошее, мощное оружие. Бен передернул затвор, чтобы освободить магазин, и один за другим на пол выпали еще семь патронов и, тихо звеня, покатались к окну. Бен торопливо подобрал их, сложил в коробочку вместе с остальными, а инструкцию сунул в задний карман брюк. Затем, зажав под

мышкой жестянку с патронами, взял одежду и туфли и вышел из кабинета.

Оказавшись в столовой, он сложил свои находки на комод и через открытую дверь посмотрел на Барбару, сидевшую в соседней комнате. Она по-прежнему оставалась неподвижной, пребывая в той же позе, что и десять минут назад. Это слегка расстроило Бена.

Он с улыбкой обратился к ней:

— Ну, теперь все в порядке. Здесь стало уже вполне безопасно. К тому же я нашел тут ружье и немного патронов к нему.

Бен с ожиданием смотрел на Барбару, но она, казалось, не слышала его слов. Тогда он повернулся, поднял молоток и доску, которой намеревался заколотить дверь кабинета, и продолжал говорить, надеясь хотя бы случайно найти те слова, которые вызовут со стороны девушки хоть какой-нибудь отклик.

— Теперь у нас и радио есть,— сказал он.— А рано или поздно кто-нибудь обязательно появится и вытащит нас отсюда. К тому же у нас тут полно еды — по крайней мере, на несколько дней. А еще я нашел тебе туфли — сейчас мы посмотрим, подойдут ли они — и кое-что из теплых вещей...

Бен приложил доску поперек двери кабинета и начал вбивать гвозди. Некоторое время единственными звуками в доме были удары молотка да скрипучий металлический голос из приемника, повторяющий то же самое записанное на пленку сообщение. Последний гвоздь, проверка на прочность, и Бен снова повернулся к девушке.

«...Органы охраны правопорядка призывают вас не покидать ваши дома. Все двери и окна должны быть заперты и по возможности заколочены...» — вещал диктор.

Барбара не подавала никаких признаков жизни. Ее широко раскрытые глаза пристально смотрели куда-то в

пол и лишь изредка она переводила взгляд в какую-то бесконечно удаленную точку.

— Эй, слышишь? Это про нас,— заметил Бен.— Наши окна уже заколочены. Так что мы все делаем правильно.

Он попытался улыбнуться, но так как девушка не смотрела на него, эта улыбка не произвела никакого эффекта. Тогда он сгреб винтовку, коробку из-под сигар, пальто и туфли, найденные для Барбары, в одну охапку и, присев перед девушкой на корточки, выложил все эти находки к ее ногам. Взяв в руки туфли, Бен протянул их ей и сказал:

— Конечно, они не слишком красивы, но ноги все же согреют.

Но, посмотрев на Барбару, он поймал себя на мысли, что ему все труднее продолжать говорить, не получая никакого ответа. Бен не представлял себе, как вывести девушку из этого оцепенения. Он старался обращаться к ней как можно мягче, но она никак не реагировала, и это одновременно и озадачивало Бена и расстраивало его.

Бен подержал одну туфлю возле ее ступни, ожидая, что Барбара наденет ее. Наконец, взяв девушку за лодыжку, он стал сам аккуратно обувать ее. Это оказалось непростым делом, отчасти из-за того, что туфли были слегка малы, но в основном из-за ее безвольного, расслабленного состояния. Изрядно помучившись, он все же надел одну туфлю, осторожно поставил ногу Барбары на пол и принялся надевать вторую.

Когда наконец с обуванием было покончено, Бен поднял голову и выжидательно заглянул ей в глаза. Девушка рассеянно смотрела на свои туфли и молчала.

— Как в той сказке про Золушку,— сказал он, пытаясь пошутить.

Никакой реакции. Бен потянулся было к карману за сигаретами, но вспомнил, что отдал свой свитер Барбаре.

— Эй, ты знаешь, у тебя мои сигареты,— виновато улыбнулся он и еще раз наклонился к ее лицу, но опять не получил никакого ответа.

Тогда он молча протянул руку к девушке и нащупал пачку сигарет в кармане свитера, висевшего на ее плечах. Тут только Барбара посмотрела на него, но от этого взгляда Бену стало не по себе.

— У тебя мои сигареты,— еще раз произнес он таким мягким тоном, словно он объяснял что-то несмышленому ребенку, и с этими словами осторожно вытащил пачку сигарет из кармана свитера. А потом, отступив немного назад, снова опустился на корточки, вынул сигарету и закурил, стараясь не смотреть на Барбару.

Ее отсутствующий взгляд был все еще прикован к его лицу.

Радио продолжало монотонно бубнить, и от этого молчание Барбары угнетало Бена еще сильнее. Он был бы счастлив услышать сейчас нормальный человеческий голос, который хоть на время заглушил бы эти лишние всякого выражения металлические звуки.

«...Оставайтесь настроенными на эту волну. Органы охраны правопорядка призывают вас не покидать ваши дома. Все двери и окна должны быть заперты...»

Бен сделал первую затяжку и выпустил дым через нос.

— Мы все делаем правильно,— повторил он.— Все двери и окна укреплены. А теперь, может быть, ты приляжешь? Кстати, ты не куришь? — С надеждой он протянул ей сигарету.

Но взгляд Барбары снова уперся в пол. Бен еще раз затянулся и быстро выпустил дым.

— Может быть, тебе...

Он оборвал себя на полуслове. Это было все равно, что говорить в пустоту. Лучше потратить время на то, чтобы как следует укрепить старый дом на случай атаки.

Бен поднял с пола винтовку и боеприпасы, сел в кресло напротив Барбары и начал методично заряжать патроны в магазин.

— Я не знаю, слышишь ты меня или нет. Но я собираюсь на второй этаж. О'кей? Здесь, внизу, уже все укреплено. И сюда никто не прорвется... По крайней мере, сразу. Я хочу сказать, что они, конечно, способны прорваться, но на это им потребуется много времени, я успею услышать шум и, надеюсь, смогу их удержать. Попозже я укреплю все еще лучше, и тогда уже они вообще никак не смогут проникнуть в дом, но пока и этого вполне достаточно, так что тебе здесь ничего не грозит.

Говоря это, он продолжал заряжать винтовку, а сигарета свисала с его нижней губы, и дым, попадая в глаза, заставлял Бена прищуриваться.

— Теперь они могут проникнуть сюда только через второй этаж. Поэтому я поднимаюсь туда, чтобы как следует его укрепить.

Бен вложил последний патрон в магазин и собирался уже вставать, когда его взгляд снова упал на девушку, и он в последний раз попытался добиться от нее какого-нибудь ответа.

— С тобой все в порядке? — спросил он уже безо всякой надежды в голосе.

Барбара молчала. Бен встал, подхватил винтовку, сгреб в охапку столько досок, сколько мог унести, и направился к лестнице. Напоследок он обернулся и заметил, что Барбара мельком взглянула на него, но не остановилась, и ее взгляд последовал за ним.

— Я пошел наверх. С тобой все будет в порядке. Как только я что-нибудь услышу — сразу же прибегу.

И Бен начал медленно подниматься по лестнице.

На верхней ступеньке он опять увидел изуродованный труп с обезображенным лицом. Бен задержал дыхание. Труп этот принадлежал, судя по остаткам одежды, довольно пожилой женщине, все тело которой было изодрано в клочья и покрыто толстой коркой запекшейся крови. Почти все мясо было буквально обглодано с костей. Голова едва держалась на прогрызенной до позвоночника шее.

Бен выронил свою ношу, и его чуть не стошнило при

виде обезображенного тела. Он попытался не смотреть на него. Труп лежал на насквозь пропитанном кровью покрывале, а в нескольких футах от него валялось еще одно покрывало с вышитыми шелком восточными узорами и бахромой. Бен схватил этот второй коврик и оторвал от него кусок бахромы. Затем, взяв винтовку, обвязал один конец бахромы вокруг ствола, а другой — вокруг узкой части приклада. Сделав это, он перекинул винтовку через плечо и почувствовал себя увереннее, поскольку теперь он все время мог носить оружие с собой.

Затем он склонился над трупом, взялся за край покрывала, на котором тот лежал, и потащил его по полу, время от времени давясь и задерживая дыхание от невыносимой вони гниющего покойника. Задышавшись, он упорно тащил это жуткое, изуродованное тело по затемненному коридору, в котором оказалось несколько закрытых дверей.

Оставив свою отвратительную ношу возле одной из них, Бен резким ударом ноги распахнул эту дверь и отскочил назад, вскинув винтовку, в ожидании, что кто-нибудь обязательно бросится на него из этой темной комнаты. Дверь громко ударилась о стену и замерла.

Но никто не выскочил ему навстречу.

Тогда Бен осторожно шагнул внутрь, держа винтовку наготове.

Комната была пуста, по-видимому, уже очень долгое время. На полу валялись пожелтевшие от времени газеты, по углам висела паутина.

Здесь стоял большой шкаф, и Бен медленно открыл его, держа дверцу шкафа на прицеле, чтобы в любой момент иметь возможность выстрелить.

Однако и в шкафу ничего не было, кроме пыли, которая, свалившись большими комками, перекатывалась по пустым полкам и заставила Бена несколько раз чихнуть.

Потом он подошел к окну и выглянул наружу, осмотрев с высоты лужайку перед домом. Сквозь густую листву окружавших дом кленов он смог разглядеть зловещие фигуры дьявольских тварей, которые по-прежнему стояли под ветвями деревьев, смотрели и ждали, лишь изредка

переминаясь с ноги на ногу. Но теперь их было уже шесть, насколько он смог подсчитать в темноте.

Стояли они и рядом с грузовиком, однако больше не обращали на него никакого внимания. Наверное, теперь, когда фары были разбиты, они решили, что машина им больше не угрожает. Грузовик просто перестал для них существовать, и они реагировали на него не сильнее, чем на деревья или кучу кирпичей.

С содроганием Бен вдруг осознал, что для этих проклятых тварей уже ничто в мире не имеет ровно никакого значения, кроме самих человеческих существ, которыми они интересуются только чтобы убить их, разорвать на куски и превратить в таких же мертвецов, как и они сами.

Бену внезапно захотелось разбить окно, выставить наружу ствол винтовки и начать стрелять по этим мерзким созданиям, тупо стоящим на лужайке перед домом. Но, сделав над собой усилие, он все же взял себя в руки. Не было никакого смысла столь безрассудно расходовать патроны. Бен очень хорошо представлял себе, как необходимы они будут в случае решительного наступления мертвецов.

Он отошел от окна и вернулся к труп, лежавшему у порога комнаты. Взявшись за покрывало и вновь задержав дыхание, он втащил тело внутрь. После этого вышел из комнаты и с силой захлопнул дверь, намереваясь позже заколотить ее. Бен подумал было о дверце стоящего в комнате шкафа, которую можно снять и использовать для этой цели. Но он не мог заставить себя вернуться за ней. Он не хотел больше никогда входить в эту комнату.

В запачканном кровью коридоре оставалось еще три двери: одна в самом конце и две — напротив пустой комнаты с трупом. Та, что в конце, вероятно, вела в ванную. Бен открыл ее и убедился, что так оно и есть. Остальные две комнаты, по-видимому, были спальнями.

С винтовкой наперевес, готовый в любой момент выстрелить, Бен приоткрыл одну из этих дверей, и тут же отскочил назад, испугавшись собственного отражения в высоком, в полный рост, зеркале, висевшем напротив двери. Успокоившись, он пошарил рукой по стене и нашел

выключатель. Комната оказалась детской. Простыни на кровати были скомканы и покрыты пятнами крови. Было похоже, что ребенок цеплялся за них, пытаясь удержаться, когда его стаскивали с кровати. Однако тела в комнате не обнаружилось. С тревогой думая о том, что он может найти, Бен поискал вокруг кровати и под ней, заглянул в шкаф и увидел там одежду мальчика лет десяти или двенадцати. Кроме одежды в шкафу нашлась пара бейсбольных бит, а на нижней полке — потертый и ободранный футбольный мяч.

Бен решил, что мальчик наверняка уже мертв. Скорее всего, его тело вытащили из дома те же самые твари, которые стояли теперь и ждали снаружи. А мертвая женщина, лежавшая в коридоре, безусловно, была его бабушкой.

Мысль об этом заставила Бена вновь осознать весь ужас происходящего и обострила то чувство опасности, которое ему удавалось слегка приглушить, пока он был занят работой.

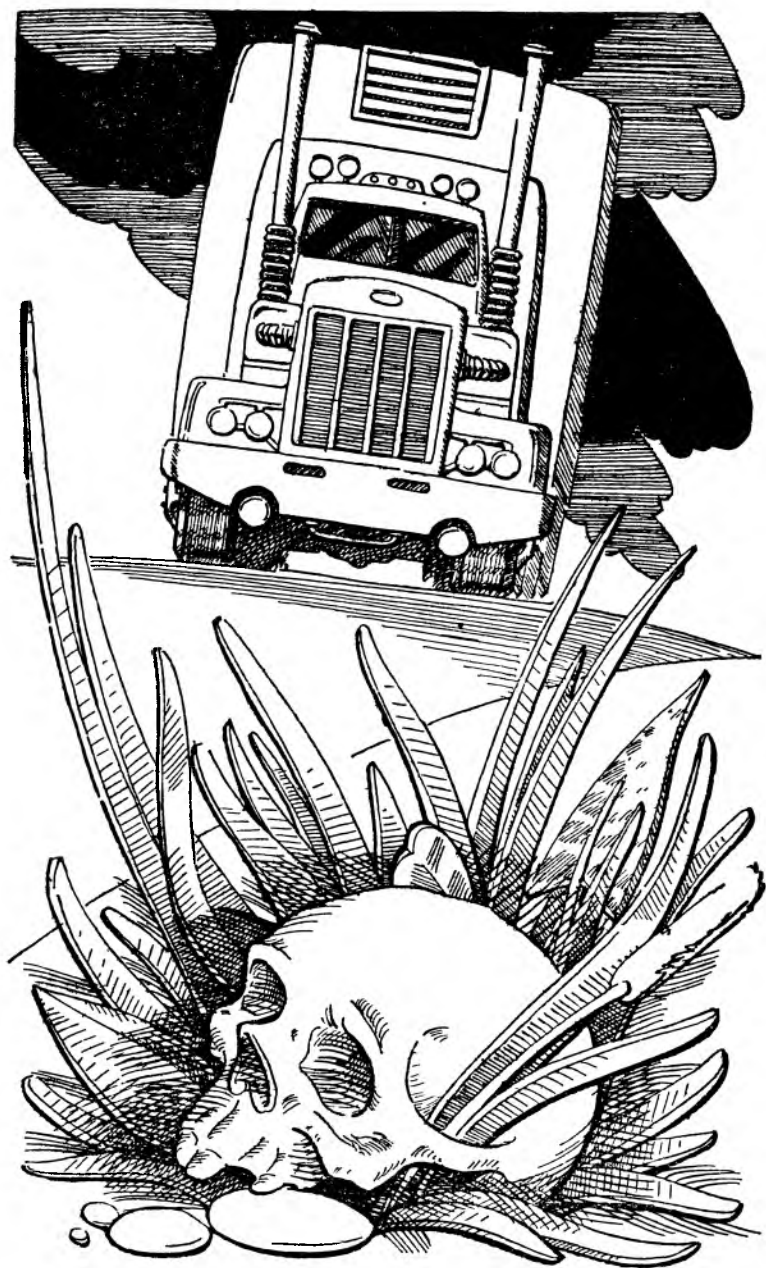
Бен с тревогой подумал о своих детях — двух мальчиках, девяти и тринадцати лет. Жены у него больше не было. Она умерла несколько лет назад, оставив его воспитывать детей в одиночку. Это было не так-то легко. Он всем сердцем любил своих сыновей, но работа то и дело заставляла его уезжать из города, и очень часто Бену приходилось надолго оставлять их на попечение бабушки, пока сам он старался заработать достаточно денег, чтобы содержать всю семью. Он как раз возвращался домой из очередной поездки, когда все это началось. Из-за срывов в работе транспорта, вызванных начавшимся бедствием, его поезд был отменен, и Бену не оставалось ничего другого, как выйти голосовать на шоссе, чтобы на попутках поскорее попасть домой.

Но никто не останавливался, ни один водитель не захотел подвезти его, и пока Бен уныло брел по предместьям маленького городка, ему на глаза стали попадаться первые признаки смерти и разрушения. Поначалу это озадачило его и даже привело в замешательство. Он почувствовал нешуточную тревогу. А потом в закуской Бен

услышал последнюю сводку новостей и понял, что ему необходимо немедленно возвращаться домой. Но он не смог ни дождаться автобуса, ни поймать такси. Бен пытался даже взять напрокат машину или заплатить кому-нибудь, кто довез бы его до места. Наконец, когда он снова голосовал на шоссе, его подобрал какой-то одинокий фермер и подбросил достаточно далеко, но потом высадил где-то на краю света, посреди незнакомой Бену сельской местности. На лужайке возле одного из домов Бен увидел небольшой грузовик, водитель которого был уже мертв — он лежал здесь же, рядом, на краю грязной проселочной дороги. И Бен решил воспользоваться этой машиной.

Сидя за рулем угнанного таким образом грузовика, Бен всю дорогу продолжал слушать радиосводки новостей и теперь знал о происходящем ровно столько же, сколько и все остальные. То есть, в сущности, очень мало. Но он хорошо понимал одно: он хочет выжить и вернуться к своим сыновьям и их бабушке. Хотя что-то подсказывало ему, что они, скорее всего, находятся сейчас в гораздо лучшем положении, чем он сам. По крайней мере, они в городе, где вокруг много людей, полиция, запасы продовольствия и, если потребуется, медицинская помощь. А бабушка была человеком, на которого вполне можно положиться. Так что парни, видимо, будут в порядке. Бен изо всех сил пытался убедить себя в этом, но сделать это было очень непросто, глядя на пропитанные кровью простыни и матрас ребенка, который был убит в этой комнате всего несколько часов назад. И старый деревенский дом начал теперь казаться ему скорее тюрьмой, чем убежищем для него и для девушки, имени которой он даже не знал и, кажется, ничем больше не мог уже ей помочь, а она не хотела или не могла позаботиться о себе сама.

Бен покинул детскую и открыл другую дверь. Здесь находилась спальня старой женщины. Еще не включив свет, Бен увидел край застеленной кровати и различил в полутьме смутные очертания громоздкой мебели. Он щелкнул выключателем и, оглядевшись вокруг, не увидел в



комнате ничего необычного. Тут была лишь кровать да пара шкафов для одежды. Сложенное стеганое одеяло лежало поверх простыней, и было видно, что в постели еще никто не спал. Видимо, женщина сперва уложила ребенка и уже готовилась ко сну сама в тот момент, когда на них обоих напали.

Бен вошел в комнату и принялся вытаскивать мебель в коридор. Он собирался вытащить из обеих спален все вещи, которые могли бы представлять для них с Барбарой хоть малейшую ценность, а потом уже заколотить все двери на втором этаже.

Бен не знал, лазают ли мертвецы по стенам и могут ли они вообще проникать в дома через окна вторых этажей. Но он не хотел ни в чем полагаться на судьбу. А кроме того, работа придавала ему уверенности и не оставляла времени ни на волнения, ни на жалость к самому себе.

И звуки молотка вновь наполнили старый дом.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Барбара по-прежнему сидела на диване в состоянии глубокого оцепенения.

Отблески пламени освещали ее лицо. Дрова в камине громко потрескивали и шипели, но Барбара, казалось, не замечала вокруг себя ничего. Из полумрака выступали неясные очертания окружающих предметов, на полу дрожали длинные тени, и вся атмосфера в комнате словно застыла и омертвела. Но если раньше Барбара в такой обстановке почувствовала бы беспокойство или тревогу, то сейчас ей было уже все равно. События нескольких последних часов отбили у нее всякую способность реагировать. По сути, мертвые твари уже сделали Барбару своей жертвой, поскольку они ввергли ее в состояние шока и таким образом лишили возможности думать и чувствовать.

«...Передачи регулярного вещания временно прекращены. Для получения экстренной информации оставайтесь настроенными на эту волну...»

Внезапно передача прервалась, и из приемника послышался шорох и треск помех. Затем в эфир прорвалась какая-то мешанина звуков студии, подобная той, что слышал брат Барбары, пытаясь настроить радио в их автомобиле. Но на этот раз в шуме и свисте уже можно было отчетливо разобрать стук пишущих машинок, телеграфных аппаратов и приглушенные голоса где-то вдалеке.

Однако Барбара даже не шелохнулась, будто вовсе не заметила никаких изменений в передаче, хотя радио прекратило повторять прежнее объявление, и в студии явно должно было что-то произойти.

Неожиданно из приемника раздался громкий голос:

«Э... леди и джентльмены... Да, да... да, я получил... Что?.. Еще одно?.. Передай по центральному... О'кей, Чарли, я уже в эфире... Так вот:

Леди и джентльмены, прошу внимания, мы только что получили последние сводки...»

Голос диктора звучал устало, он начал читать сообщение без всяких эмоций, передавая только факты, с выражением профессионального комментатора, который освещал события в течение последних сорока восьми часов и уже не интересовался их дальнейшим развитием.

«...По самым последним сообщениям... Нашествие... Первые признаки которого были зарегистрированы в районах среднего запада, распространилось по всей стране и, по некоторым данным, носит всемирный характер. Медицинские и научные консультанты были приглашены на сове-

щение в Белый дом, и наши корреспонденты в Вашингтоне передают, что президент намеревается обнародовать результаты этого совещания в своем обращении, которое будет передано через аварийную радиосеть службы гражданской обороны...»

Ничто из сказанного не вызвало у Барбары никакой реакции. Она не сдвинулась с места, не встала, чтобы позвать Бена, который мог бы услышать сейчас что-нибудь полезное для них обоих, возможно, какой-то совет, который помог бы ему эффективнее защищать себя и ее.

«...Странные... существа, которые появились в большинстве областей страны, по нашим сведениям, имеют вполне предсказуемые особенности поведения. За те несколько часов, что прошли со времени первых сообщений о случаях насилия, убийств и жестоких нападений на застигнутых врасплох мирных граждан, было установлено, что эти пришельцы подобны людям во многих физических и поведенческих аспектах. Гипотезы об их происхождении и целях, которые они преследуют, к настоящему времени столь различны и столь многочисленны, что мы можем лишь сообщить, что пока ответы на эти вопросы неизвестны. В распоряжении врачей и ученых уже имеются трупы нескольких агрессоров. И эти трупы сейчас тщательно изучаются в поисках фактов, которые могли бы подтвердить или опровергнуть существующие теории. Самый ошеломляющий факт состоит в том, что эти существа силами различной численности проникают в города и сельские районы буквально по всей стране. И если они еще не обнаружили себя в вашей местности, это ни в коей мере не говорит об отсутствии опасности подобного нападения. Поэтому мы просим вас принять все возможные меры предосторожности. Нападение может произойти в любое время, в любом месте, без всякого предупреждения. Повторю основные факты из предыдущих сообщений: существует агрессивная сила... армия...

человекообразных существ неизвестного происхождения, которые появились во всех уголках земного шара... И эти существа абсолютно агрессивны... Они иррациональны в своей жестокости. В настоящий момент подразделениями гражданской обороны принимаются все необходимые меры по обеспечению безопасности населения, а ученые проводят исследования с целью выяснить происхождение и намерения этих существ. Всех граждан мы призываем быть крайне внимательными и принимать всевозможные меры предосторожности, чтобы защитить себя от коварной чужеродной силы. Эти существа сравнительно слабы в физическом отношении и легко отличимы от людей благодаря своей уродливой внешности. Они, как правило, не вооружены, но, по-видимому, способны держать оружие. По имеющимся сведениям они не представляют собой какой-либо организованной армии и не имеют никакой видимой цели и плана действий. По всем признакам эти существа пребывают в состоянии постоянной одержимости или транса и, по-видимому, абсолютно не способны мыслить. Их можно... Я повторяю: **их можно остановить, только лишив способности двигаться**, то есть ослепив или расчленив. Они, в среднем, физически слабее, чем взрослый мужчина, но их сила — в их числе и в той неожиданности и жестокости, с которой они нападают, а также в том, что их поведение совершенно не укладывается в рамки наших привычных представлений. Существа, о которых идет речь, по всей видимости, полностью лишены разума и способности к общению... И должны безусловно считаться нашими врагами в данной ситуации, которая может быть охарактеризована как состояние... национального бедствия. При встрече их нужно избегать или уничтожать. Ни при каких обстоятельствах не допускайте, чтобы вы или ваши близкие оставались в опасной близости от преобладающих сил агрессоров. Эти существа плотоядны. Они **пожирают плоть** убитых ими людей. И главной чертой этого нашествия является именно их безумный, извращенный поиск человеческой плоти. Я повторяю: **пришельцы пожирают плоть своих жертв...**»

И тут Барбара с пронзительным криком вскочила с дивана, будто бы слова комментатора проникли наконец в ее оцепеневший мозг и заставили осознать, что же в действительности произошло с ее братом. Она, как наяву, вновь услышала звуки разрываемой плоти и увидела перед собой зловещую фигуру твари, которая убила Джонни, и диким, иступленным криком Барбара отчаянно пыталась стереть из памяти весь этот невероятный кошмар. Она в ужасе бросилась через комнату и всем телом с силой ударилась о входную дверь.

Вздвогнув и схватив винтовку, Бен ринулся вниз по лестнице. Девушка, вцепившись руками в доски, пыталась прорваться сквозь них наружу и рыдала в неистовом, безумном отчаянии. Бен бросился к ней, но она вывернулась из его рук и побежала назад — туда, где в столовой, возле двери, которую Бен так и не смог открыть, виднелось беспорядочное нагромождение всевозможной мебели.

Неожиданно эта дверь открылась и оттуда — из-за скопления мебели — чьи-то сильные руки схватили Барбару за живот. Она в ужасе завизжала, а Бен мгновенно оказался возле нее и замахнулся прикладом своего «Винчестера».

Тот, кто схватил Барбару, сразу же отпустил ее и ловко увернулся от удара. Приклад с грохотом ударился о старый комод. Бен тут же вскинул винтовку и его палец лег на спусковой крючок.

— Нет! Не стреляйте! — раздался испуганный голос, и Бен едва успел удержаться от выстрела.

— Мы из города, мы не... — произнес человек.

— Мы не из этих тварей, — проговорил второй голос, и Бен увидел, что еще один незнакомец появился из приоткрытой двери, которая раньше была заперта.

Человек, прятаящийся за комодом, медленно встал, будто бы опасаясь, что Бен все еще может выстрелить. Он оказался совсем молодым парнем — лет, примерно, шестнадцати, в синих джинсах и такой же куртке. Второй был вполне уже зрелым мужчиной, около сорока лет на вид. Он был лыс и одет в белую рубашку и брюки. На шее у этого

типа болтался измятый галстук со слегка ослабленным узлом. Мужчина держал в руке тяжелую металлическую трубу.

— Мы не пришельцы,— повторил лысый.— Мы попали в такую же переделку, как и вы.

Барбара снова опустилась на диван и время от времени тихо всхлипывала. Трое мужчин молча смотрели на нее, как будто она была тем объектом общей заботы, который мог убедить их в добрых намерениях друг друга. Наконец юноша подошел к Барбаре и с сочувственной улыбкой заглянул ей в лицо.

Бен сгоял, ошеломленный внезапным появлением чужаков.

Голос по радио продолжал передавать информацию о нашествии.

Лысый мужчина нервно попятился, не сводя глаз с винтовки Бена, присел на корточки возле приемника и стал жадно слушать, продолжая сжимать в руке свою трубу.

«...Периодические сводки по мере того, как информация будет поступать в нашу студию, а также рекомендации по выживанию и список пунктов неотложной помощи, которые примут столько людей, сколько будет возможно с имеющимся оборудованием и персоналом...»

Бен все стоял, молча глядя на двух незнакомцев. На его лице начала проступать обида и раздражение, как будто эти непрошеные гости вторглись в его маленькую личную крепость. Однако обижало Бена не столько их присутствие, как тот факт, что они, по-видимому, все это время были в доме и не сделали ничего, чтобы помочь ему или Барбаре. Он не знал, почему они решили обнаружить себя именно сейчас, и не был уверен, что им можно вообще доверять.

Наконец лысый оторвался от радиоприемника.

— Незачем на нас так смотреть,— сказал он Бену.— Мы не мертвецы, как те, во дворе. Меня зовут Гарри Купер. А парня — Том. Мы прятались в подвале.

— Между прочим, я бы не отказался от чьей-нибудь помощи,— с плохо скрываемым раздражением сказал Бен.— И как же давно вы, ребята, сидите там?

— Это же подвал! Там самое безопасное место в доме,— ответил Гарри Купер таким тоном, будто каждый, кто не желает в подобной ситуации прятаться в подвале,— просто круглый идиот.

Том, сидевший на корточках возле дивана и пытавшийся как-то утешить Барбару, поднялся и подошел к двум мужчинам, вступая в их не слишком любезный разговор.

— Похоже, вы здесь неплохо все укрепили,— обратился он к Бену дружеским тоном.

Тогда Бен набросился на него.

— Послушай, парень, ты хочешь сказать, что вы не слышали шума, который мы тут подняли?

Купер гаденько усмехнулся.

— А как нам было узнать, что здесь творится? — начал защищаться он.— Шум могли производить и эти твари, пытаясь проникнуть в дом. Ничего другого нам и в голову не приходило.

— Но ведь девушка же кричала,— с гневом и негодованием произнес Бен.— Ее-то крики вы должны были различить! Ведь эти сволочи не издают таких звуков. Каждый порядочный человек догадался бы, что здесь кому-то нужна помощь.

Том попытался оправдаться:

— Оттуда очень трудно понять, что здесь происходит. Стены очень толстые. Почти ничего расслышать нельзя.

— Да, один раз нам показалось, что наверху кто-то кричит,— добавил Купер.— Но ведь это могло означать, что твари ворвались в дом вслед за нею.

— И вы не вышли, чтоб ей помочь?! — Бен презрительно повернулся к нему спиной.

Парню, казалось, было стыдно, но Купера презрение

Бена не тронуло. Видимо, за свою жизнь он привык находить оправдания собственной трусости.

— Ну... если бы... нас было побольше...— сказал юноша и, покраснев, отвернулся, не найдя, что еще придумать в свое оправдание.

А Купер продолжал упорствовать.

— По звуку было похоже, что дом пытаются взломать. Как же мы могли в такой ситуации...

Но Бен оборвал его:

— Сначала вы сказали, что ничего не слышали. А теперь говорите, что подумали, будто дом взламывают. Лучше уж скажите все прямо, мистер.

Купер взорвался.

— К черту! Я вам тут не обязан давать отчет и выслушивать всю эту чушь и ваши оскорбления. Мы нашли безопасное место в подвале. И ни вы, ни кто другой не заставит меня рисковать моей жизнью, когда я нашел себе надежное убежище.

— Ладно... Почему бы нам не присесть?..— начал Том. Но Купер не дал ему договорить. Он продолжал, правда, теперь уже более спокойным тоном, настаивать на своей точке зрения.

— Как видите, мы все-таки вышли. А теперь я предлагаю всем нам спуститься вниз, пока кто-нибудь из этих тварей не обнаружил, что мы здесь.

— Они не смогут сюда проникнуть,— сказал Бен таким безапелляционным тоном, будто был в этом совершенно уверен. В действительности у него было множество сомнений, но ему не хотелось обсуждать их с этими двумя незнакомцами, один из которых был совсем еще мальчиком, а другой, как убедился Бен,— трусом.

— Неужели вы все здесь заколотили? — изумился Том. Он был настроен немного скептически, но старался не проявлять свой скепсис, чтобы найти с Беном общий язык.

— Почти,— хмуро ответил Бен, стараясь говорить ровным, рассудительным тоном.— Все, кроме второго этажа. Местами, правда, слабовато, но будет нетрудно укрепить все как следует. У меня достаточно материала, и я...

Купер опять перебил Бена. Его голос вновь зазвучал на высокой ноте:

— Да вы с ума сошли! Здесь вы никогда не будете в безопасности. Подвал — единственное надежное место во всем этом чертовом доме!

— Я же сказал, что они еюда не прорвутся! — закричал на него Бен.

— А я вам говорю, что эти твари перевернули нашу машину! Нам чертовски повезло еще, что мы сумели унести ноги — и теперь вы пытаетесь убедить меня, что они не сломают какие-то вшивые деревяшки?

Некоторое время Бен смотрел на него, не зная, что сказать. Он понимал, что подвал имеет некоторые преимущества. Но он не мог допустить, чтобы ему говорил об этом кто-то вроде Купера, проявившего себя самым обыкновенным трусом. Бен знал, что пока он и сам справлялся неплохо, и ему не хотелось связывать свою судьбу с человеком, который в случае опасности может поддаться панике.

Том воспользовался паузой в разговоре, чтобы сообщить еще один факт, который, как он надеялся, мог смягчить Бена и прекратить спор между ним и Купером:

— Там, внизу, жена и ребенок Гарри. Причем ребенок ранен, и довольно серьезно. И Гарри не хочет подвергать их какой-либо опасности и риску снова подвергнуться нападению.

Эта новость оказалась для Бена неожиданной. Он немного смягчился и глубоко вздохнул. Какое-то время все трое молчали, затем Бен шумно сглотнул слюну и произнес:

— Ну ладно... Но мне все же кажется, что нам будет лучше здесь, наверху.

Внимательно оглядев баррикады, Том осторожно подержал его:

— Мы действительно могли бы укрепить здесь все как следует, мистер Купер. — И посмотрел на него с надеждой, ожидая, что тот согласится хотя бы немного помочь Бену.

Бен продолжал убеждать их, делая упор на сильные стороны своей позиции:

— Если мы немедленно и все вместе примемся за работу, то сможем укрепить этот дом так, что ни одна тварь сюда в жизни не проберется. У нас есть продукты. Кухонная плита. Холодильник. Камин. И еще у нас есть радио.

Купер гневно сверкнул на него глазами.

— Парень, да ты спятил! Все, что здесь есть, мы можем взять с собой вниз. А здесь у тебя миллион окон. И ты надеешься, что все они выдержат?

— Эти твари слабы, как дети,— сквозь зубы отвечал Бен, едва сдерживая свой гнев.— Я уже прикончил троих и еще одного вытолкнул за дверь. И поэтому не хуже вас знаю, с кем мы имеем дело!

— Я же говорю тебе, что они перевернули нашу машину вверх колесами! — фыркнул Купер.

— О, черт! Да любые пятеро мужчин смогли бы это сделать! — взорвался Бен.

— Я об этом и говорю! Только их будет не пятеро — их будет двадцать... тридцать... может быть, сотня! Как только они узнают, что мы здесь, это место будет просто кишеть ими! — истерично заверещал Купер.

На это Бен спокойно ответил:

— Ну, если их так много, то они доберутся до нас, где бы мы ни были.

— Дверь в подвал запирается и закрывается изнутри на засов,— сказал Том.— Она очень прочная. Я не думаю, что кто-то сможет ее сломать.

— И кроме того, это будет единственная дверь, которую нам придется защищать,— добавил Купер уже не таким визгливым тоном.— А все эти окна и двери... Да мы просто не будем знать, с какой стороны ожидать их нападения в следующий раз.

— Однако у подвала есть и один большой недостаток,— заметил Том.— Оттуда нельзя убежать. Я имею в виду, что если уж они прорвутся туда, отступить нам будет уже некуда. И тогда можно считать нас всех покойниками.

Купер посмотрел на него, широко раскрыв от удивления рот. Он не мог поверить, что Том согласится покинуть их убежище, поскольку сам он больше всего хотел оставаться там, где, как ему казалось, его никто не мог тронуть, — как крыса в своей норе.

— Я думаю, сперва мы должны как можно лучше укрепить весь дом, а подвал оставить на всякий случай, как последний вариант, — сказал Бен, подводя черту. — Тогда мы сможем укрыться в подвале, если все другие преграды будут уже сломаны. Но зато до самого последнего момента мы будем знать, что происходит вокруг.

— А что? Пожалуй, в этом есть смысл, — сказал Том. — Я, конечно, не знаю, мистер Купер, но мне кажется, он прав. Я думаю, мы и правда должны остаться здесь.

— Второй этаж — такая же ловушка, как и подвал, — продолжил свои рассуждения Бен. — Там три комнаты, и все их тоже надо забить. А твари эти довольно слабы. Мы вполне сможем их удержать. К тому же теперь у меня есть винтовка... А ведь раньше ее не было, и то я справился с троими. И кроме того, — тут Бен на секунду задумался, — со временем мы должны будем попытаться выбраться отсюда самостоятельно, поскольку нет никакой гарантии, что кто-нибудь придет к нам на помощь... А скорее всего, никто и не знает, что мы здесь. А если даже кто и придет, а дом будет полон этих тварей, то мы все равно не сможем открыть дверь подвала, чтобы дать о себе знать спасательному отряду.

— А сколько их сейчас возле дома? — спросил Том.

— Я думаю, шесть или семь, — ответил Бен. — Точнее сосчитать невозможно из-за темноты и деревьев.

— Ладно, вы двое можете делать, что хотите, — мрачно сказал Купер. — А я отправляюсь обратно в подвал, так что вы лучше решайте сразу, потому что я собираюсь закрыть дверь, и я не сумасшедший, чтобы открывать ее снова, что бы там ни случилось.

— Подождите немного, мистер Купер, — воскликнул Том. — Давайте подумаем хотя бы минуту. Ведь жизнь

каждого из нас зависит от того, что мы сейчас решим.

— Нет. Я уже принял свое решение. А вы принимайте свое. И если вы решите остаться здесь — можете вариться в собственном соку сколько вам будет угодно.

Встревоженный этим заявлением, Том принялся отчаянно спорить:

— Да подождите же вы, черт возьми, давайте подумаем хоть немного — мы же можем в любую минуту спуститься в подвал. А если мы решим там остаться, то нам понадобятся кое-какие вещи отсюда. Давайте хоть об этом подумаем...

Бен добавил:

— Если вы запретесь в подвале, а дом будет полон этих тварей — всем вам крышка. А здесь, по крайней мере, у вас есть шанс... Вы ведь уже убежали от них однажды, иначе бы вас здесь сейчас не было...

Взволнованный и все еще не принявший окончательного решения, Том подошел к окну и выглянул наружу сквозь просвет между прибитыми к раме досками.

— Да, вроде шесть или, может быть, восемь их там стоят, — сказал он, и после этой попытки подсчета в его голосе зазвучала возросшая тревога.

— Это больше, чем было час назад, — согласился Бен. — Но тогда еще несколько тварей стояли на заднем дворе, если, конечно, это не те же самые, которых ты только что видел.

С этими словами он устремился в кухню, но тут импровизированный ремень из полоски бахромы, на котором висела винтовка, оборвался и оружие начало падать. Бен нагнулся, пытаясь удержать сползающий «Винчестер» на спине и перехватить его рукой. Сосредоточив все внимание на винтовке, он не видел окна, к которому приближался. Когда же, поймав, наконец, приклад, Бен поднял глаза, сердце его похолодело: через широкую щель между досками, которыми было заколочено окно, сквозь разбитое стекло, к нему тянулись две руки — посеревшие, со следами гниения на мертвой коже — они скребли доски, вытягивались, пытались схватить. А позади этих рук виднелось

безобразное, нечеловеческое лицо. Заграждение, однако, выдерживало нагрузку достаточно хорошо.

Бен размахнулся и изо всех сил ударил прикладом винтовки по омерзительным конечностям. Раз, другой... Приклад с глухим стуком припечатал полуразложившиеся кисти к оконной раме. Одна из рук соскользнула и отдернулась назад, со звоном выбив остатки стекла, другая же, не чувствуя никакой боли, продолжала судорожно цепляться за раму.

Бен перевернул винтовку и просунул в щель между досками ствол. Его палец лег на спусковой крючок. И в тот же момент еще две мерзких синюшных руки ухватились за ствол, а позади этих рук появилось распухшее землистое лицо мертвой твари. Гниющая плоть на его скулах свисала, отслоившись от костей. Глядя сквозь прорезь прицела, Бен встретил взгляд мергвых помутневших глаз и ему стало нехорошо. Он отчаянно пытался прицелиться, а зомби с другой стороны окна стремился вырвать винтовку из его рук. На короткий момент дуло «Винчестера» оказалось направленным прямо в эту мерзкую рожу, и в тот же миг звук выстрела разорвал воздух. Безжизненная тварь отлетела далеко назад, и ее тело со снесенным наполовину черепом и вытянутыми вверх руками тяжело рухнуло на землю.

Но новые руки мертвецов тут же уцепились за доски взамен отброшенных.

Том вбежал в кухню на звук выстрела, а через минуту и Гарри осторожно приблизился к двери. Вдруг издалека послышался голос. Это жена Гарри, Элен, звала его из подвала:

— Гарри! Гарри! С тобой ничего не случилось?

— Все хорошо, Элен. С нами все в порядке! — отозвался Купер слегка дрожащим голосом, который с головой выдавал весь его страх и тревогу и вряд ли мог кого-нибудь успокоить.

Том сразу же ринулся на помощь Бену, который изо всех сил колотил прикладом по мертвой руке, пытавшейся подлезть снизу под доски. Но эти мощные удары не прино-

сили почти никаких результатов — рука, не обращая на них внимания, продолжала упорно тянуться вперед. Том подскочил к заколоченному окну, схватил полуразложившееся запястье обеими руками и стал с силой выворачивать его, пытаясь сломать, однако оно было каким-то раскисшим и омерзительно податливым. Лицо Тома передернуло от отвращения. Он полоснул холодную мертвую конечность о край разбитого стекла, и его неприятно поразило полное отсутствие крови, когда острый длинный осколок глубоко врезался в зеленоватую зловонную плоть. Внезапно другая рука схватила Тома за кисть и стала сильно тянуть наружу. Он громко вскрикнул, и Бен сразу же повернул ствол винтовки в направлении твари, с которой боролся Том. Но в этот момент еще одна рука дотянулась до Бена и схватила его — пальцы судорожно вцепились в рукав и разорвали рубашку, но Бен освободился и отступил назад, пытаясь прицелиться. Еще один точный выстрел — и руки, державшие Тома, отдернулись и исчезли в темноте. Потрясенный, Том смотрел сквозь широкую щель между досками. Бен тщательно прицелился и снова нажал на спуск. Пуля разорвала грудь мертвеца, оставив огромную зияющую дыру, однако тварь продолжала стоять на ногах и вновь стала медленно приближаться.

— О, Боже праведный! — воскликнул Том, напуганный тем, что винтовка оказалась неэффективной.

А кошмарная тварь, источая невыносимую вонь, вплотную подошла к окну, не обращая никакого внимания на то, что почти половина ее торса была только что снесена мощным выстрелом.

Бен поднял винтовку и выстрелил снова. На этот раз пуля угодила в бедро мертвеца чуть ниже таза. Тварь отшатнулась и, попытавшись перенести вес тела на другую ногу, рухнула на землю, потеряв равновесие. Том и Бен смотрели, не веря своим глазам. Зомби продолжал двигаться к окну, загребая руками и отталкиваясь своей единственной здоровой ногой.

— Матерь Божья! Да кто же они такие?! — вырвалось у Тома.

Он отшатнулся к стене, взглянул на Гарри и увидел на его лице плохо скрываемое выражение ужаса.

Бен вытер губы, глубоко вдохнул и задержал воздух в легких, еще раз старательно прицеливаясь. Грянул выстрел, и пуля снесла череп ползущего мертвеца, опрокинув его навзничь.

— Проклятые чертовы твари! — выдохнул Бен. Голос его слегка дрожал.

Распростертое на лужайке тело, лишившись вместе с половиной черепа обоих глаз, продолжало делать руками беспорядочные движения, все еще пытаясь ползти.

Из подвала снова слышалось:

— Гарри! Гарри!

С трудом переведя дыхание, Бен отвернулся от заколоченного окна.

— Нам придется получше укрепить это место, — сказал он и собрался уже приняться за работу, как вдруг заговорил Гарри:

— Вы сошли с ума! Через минуту они будут уже возле каждого окна и каждой двери! Надо срочно спускаться в подвал!

Бен резко повернулся в его сторону и посмотрел на Купера глазами, полными нескрываемой ярости. В приступе гнева он буквально взревел решительным, не допускающим возражений голосом:

— Убирайтесь к чертовой матери в свой проклятый подвал! И чтоб я вас тут больше не видел!

Крик на мгновение остановил Гарри, но затем страх снова взял над ним верх. Купер знал, что, приняв свое решение, он, если придется, спустится в подвал и один, но на этот случай хорошо бы взять с собой кое-какие припасы, если ему не помешают. «Возможно, в этом замешательстве, — подумал он, — удастся прихватить с собой кучу вещей без всякого спроса». Он направился к холодильнику, но Бен остановил его.

— Даже не прикасайтесь к этим продуктам, — предупредил Бен.

Он крепче сжал в руке винтовку, и хотя ее ствол не

был направлен на Гарри, тот со всей ясностью почувствовал мощь этого оружия.

Гарри боязливо отдернул руку от дверцы холодильника.

— Раз уж я остаюсь здесь,— сказал Бен,— я буду драться за все, что тут есть — за эти продукты, за радио и все остальное. А вы совершаете большую ошибку, вы поняли? Но если вы все-таки собираетесь в свой подвал — скатертью дорога, убирайтесь отсюда и не попадайтесь мне больше на глаза.

Купер повернулся к Тому, ища в нем поддержки.

— Том, этот человек сумасшедший! Он просто спятил! А продукты понадобятся и нам, внизу. Мы тоже имеем на них право!

Бен посмотрел Тому прямо в лицо.

— Ты тоже собираешься с ним? Хватит ходить вокруг да около! Говори прямо — ты остаешься или нет? Это твой последний шанс.

После долгого молчания Том повернулся и, неловко улыбнувшись, извиняющимся взглядом посмотрел на Гарри Купера, поскольку его выбор был в пользу Бена.

— Гарри, мне кажется, он прав...

— Значит, ты тоже сошел с ума,— был ответ.

— Но мне правда кажется,— что здесь будет лучше.

— Вы все тут рехнулись! — заорал Купер.— А у меня там дочь. Она не вынесет всего этого шума и вида этих чудовищ, лезущих через окна. Мы будем счастливы, если она вообще выживет.

— О'кей,— сказал Бен.— Вы отец ребенка. И если вы настолько глупы, чтобы пойти и умереть в этой западне, это ваше дело. Но я не такой идиот, чтобы пойти вместе с вами. Жаль только вашу дочь, что ей достался такой глупый отец. А теперь можете убираться в свой чертов подвал и хозяйничать там. А здесь главный я! И вы не притронетесь ни к этим продуктам, ни ко всему остальному, что здесь лежит.

— Гарри, мы дадим вам еды,— сказал Том.— Если вы хотите остаться внизу, то мы...

— Вы ублюдки! — прервал его Гарри.

Из подвала продолжали доноситься крики его жены:

— Гарри! Гарри! Что происходит, Гарри?

Купер направился в подвал, но Том остановил его.

— Позовите сюда Джуди, — сказал он. — Ей лучше остаться здесь со мной.

Бен с удивлением посмотрел на Тома. Никто не говорил ему, что в подвале есть еще кто-то, кроме жены и дочери Гарри.

— Это моя девушка, — объяснил Том. — Джуди — моя девушка.

— Ты должен был сказать мне, что она там, — покачал головой Бен.

Тем временем Купер повернулся и начал спускаться по лестнице, а затем послышался звук более легких шагов, и вскоре из двери подвала появилась девушка.

Она обняла Тома и робко посмотрела на Бена. Девушка была примерно того же возраста, что и ее друг, и одета так же, как он — в синие джинсы и куртку. Она оказалась довольно хорошенькой блондинкой, и Бен подумал, что вскоре она, по всей видимости, станет для них такой же проблемой, как и Барбара. Вместе с Томом она подошла к закрывавшейся двери подвала, сквозь которую было слышно, как Гарри запирает ее изнутри.

— Знайте, что я не открою эту дверь снова! — кричал он. — Я ведь предупреждал!

— Но мы можем неплохо устроиться и здесь, наверху! — крикнул в ответ Том. — С вашей помощью, Гарри, мы могли бы...

— Оставь его, — тихо сказал Бен. — Он уже принял свое решение. Тебе будет лучше забыть о нем.

— Здесь намного удобнее! — еще раз крикнул Том. — Отсюда, по крайней мере, есть куда убежать.

Но из-за двери не последовало больше никакого ответа. Только звук удаляющихся вниз по лестнице шагов Купера.

Бен привязал оборванный кусок бахромы к винтовке и принялся перезаряжать ее, заменяя использованные пат-

роны. Когда магазин был полон, Бен перекинул «Винчестер» через плечо, повернулся и пошел в сторону лестницы, ведущей на второй этаж. Проходя мимо Барбары, он мельком взглянул на нее, поставил ногу на первую ступеньку лестницы, но вдруг передумал и снова подошел к девушке.

Радио опять передавало ту же самую монотонную запись.

Том все еще продолжал упрашивать Гарри, крича в закрытую дверь подвала.

— Гарри, мы бы лучше справились, если бы принялись за дело все вместе! Мы дадим вам продукты, когда понадобится... — Том опасливо покосился на Бена, ожидая порицания за то, что он начал без спроса распоряжаться продуктами. — А когда мы постучим в дверь, если нас будут преследовать твари, вы бы могли и впустить нас...

Гарри по-прежнему не отвечал.

Том подождал еще немного, а потом отошел от двери, настороженный и обеспокоенный происшедшим расколом. Он прекрасно понимал, что если случится худшее, то жизнь каждого из них будет самым непосредственным образом зависеть от действий всех остальных.

Джуди, молча сидевшая в кресле, вопросительно посмотрела на Тома. Но тот ничего не ответил, подошел и погладил ее по щеке.

Бен присел на диван рядом с Барбарой и участливо склонился над ней. Она невидящим взглядом смотрела куда-то в пространство перед собой. Бен был полон сочувствия к девушке, но всякий раз, когда он пытался помочь ей, он ощущал свою полную беспомощность и бессилие.

— Эй... Эй! Ты слышишь меня! — позвал Бен.

Барбара не отвечала. Он откинул с лица девушки волосы, упавшие ей на глаза. Неожиданно она вздрогнула. На мгновение Бену показалось, что девушка готова откликнуться на его заботу, но этого не произошло. И он почувствовал к ней такую же жалость и сострадание, как, бывало, к своим собственным детям, когда тем случалось заболеть. Бен потер ладонью лоб и глаза, ощущая невыносимую усталость от напряжения и страха последних часов.

Затем он укрыл девушку лежавшим рядом пальто, поднялся с дивана и подошел к камину. Подбросив в огонь еще пару поленьев, он пошевелил кочергой угли, чтобы пламя разгорелось ярче. Делая это, он прежде всего заботился о Барбаре. Том подошел к нему сзади, и обернувшись, Бен прочел в его глазах беспокойство по поводу решения Гарри Купера.

— Он просто не прав,— с сожалением развел руками Бен.

Том промолчал.

— Я не собираюсь торчать в подвале,— добавил Бен.— Ведь не исключено, что мы пробудем здесь несколько дней. Так что лучше мы устроим все как следует, а тогда уж он выйдет и присоединится к нам. Он не сможет там долго просидеть. Ему захочется посмотреть, что здесь происходит. Или, может быть, если мы решим выбираться отсюда сами, он выйдет и как-то поможет нам. У меня ведь здесь грузовик... Но нужен бензин. Если бы я смог добраться до тех колонок возле сарая, то, может быть, у нас появилась бы еще одна возможность спастись.

Сказав это, Бен повернулся и начал подниматься по лестнице, чтобы продолжить начатую на втором этаже работу. Он не сомневался, что Том сможет управиться внизу и один.

ГЛАВА ПЯТАЯ

В подвале с серыми бетонными стенами, пылью и беспорядком, было сыро и холодно. Связанные веревкой картонные коробки и старые радиаторы парового отопления грязными пятнами проступали из густой тени по углам, в которые не доходил свет одинокой лампочки без абажура. Коробки занимали почти все свободное место; они различались по размеру от маленьких упаковок из-под продуктов, названия которых уже невозможно было прочесть на

выцветших этикетках, до огромных ящиков, в которых когда-то, должно быть, была привезена в дом мебель. В единственном свободном углу подвала, рядом с самодельной стойкой душа, стояла старая стиральная машина. Веревки для просушки белья были натянуты так низко, что Гарри пришлось пригнуться, пробираясь от лестницы в противоположный конец тесного помещения.

Возле одной из стен стояла пара ржавых баков с водой и старый металлический шкаф. Жена Гарри, Элен, склонившись над краном одного из баков, смачивала холодной водой кусок светлой материи. Когда Гарри вошел, она мельком взглянула на него и продолжила заниматься своим делом. Элен отжала тряпицу, убедилась, что та осталась достаточно влажной, и понесла ее туда, где на дощатом верстаке лежала без движения маленькая девочка — их дочь. На стене над верстаком были развешаны инструменты, а на полу под ним стояли ящики для мелких принадлежностей — шурупов, гвоздей, гаек и прочего. Холод подвала сковывал движения Элен и делал их напряженными и порывистыми. Жена Гарри была одета в легкое платье и свитер, а свое теплое пальто она расстелила на верстаке, и на нем теперь лежала девочка. Полы пальто были заботливо обернуты вокруг ее тела и укрывали ноги и грудь ребенка. Женщина склонилась над своей дочерью и протерла ее лоб влажной прохладной тканью.

Гарри тихо подошел сзади и встал за спиной Элен, наблюдая, как та сосредоточенно ухаживает за их дочерью, стараясь поплотнее обернуть вокруг нее пальто. Даже не посмотрев на мужа, Элен сказала:

— У Карен сильный жар.

Гарри вздохнул, помолчал немного, а потом ответил:

— Там наверху еще двое.

— Двое? — рассеянно спросила Элен.

— Да, — подтвердил Гарри. Затем, как будто оправдываясь, добавил: — Я не хотел рисковать без надобности. Я решил, что мы останемся здесь.

Элен промолчала, хотя прекрасно поняла, что Гарри ждет сейчас какого-нибудь знака одобрения с ее стороны.

— Как мы могли знать, что там, наверху, происходит? — наконец сказал он, пожав плечами и разведя руки в стороны.

Затем он нервно потянулся к нагрудному карману за сигаретой, вытащил пачку, которая оказалась пустой, смял ее в руке и отбросил в сторону. Потом подошел к верстаку, на котором лежала другая пачка, схватил ее, но и она была пуста; Гарри смял и ее и яростно швырнул на пол. Затем он снова посмотрел на свою жену и дочь. Элен продолжала спокойно протирать лоб девочки влажной тканью.

— Ну, как она? — спросил наконец Гарри.

Элен не ответила. Карен лежала без сознания.

На лице Гарри выступили мелкие капли пота. Он подождал немного и, не услышав ответа, переменял тему.

— Они все остались наверху... идиоты! Я говорил им, что мы должны держаться все вместе. А здесь самое безопасное место.

Он взял сумочку Элен, порывшись в ней и нашел еще одну пачку сигарет. Надорвав ее, Гарри вытащил сигарету, прикурил и глубоко затянулся. Дым заставил его слегка закашляться.

— У них там нет никаких шансов,— продолжал он.— Они не смогут сдерживать этих тварей вечно. Там слишком много мест, через которые можно прорваться в дом.

Элен по-прежнему не отвечала, словно потеряв всякий интерес и уважение к идеям своего мужа.

На полу рядом с некрашеной табуреткой стоял маленький транзисторный радиоприемник. Увидев его, Гарри тотчас же наклонился и щелкнул выключателем.

— У них наверху тоже есть радио,— сказал он.— Передавали сводки гражданской обороны или что-то вроде этого... Я думаю, это не только у нас, это происходит повсюду.

Но как Гарри ни старался, крошечный приемник не мог поймать ничего, кроме помех. Он вертел ручку настройки вперед и назад, чертыхался, напряженно вслу-

шивался, но по всему диапазону слышался только хруст и шипение. Гарри поднимал аппарат вверх, поворачивал его вокруг оси, пытаясь добиться приема, непрерывно вращал настройку, но кроме шороха и свиста помех не слышал ничего. Он начал ходить взад-вперед по подвалу, надеясь найти подходящую точку, но все было безрезультатно.

— Проклятая штуковина...— ворчал Купер.

Но из пластмассовой коробочки по-прежнему доносился лишь монотонный пульсирующий шум.

Элен перестала протирать лицо своей дочери, аккуратно сложила кусок ткани и накрыла им лоб и глаза неподвижно лежащей девочки. Нежно положив руку на грудь Карен, она подняла голову и посмотрела на Гарри, который возбужденно вышагивал взад-вперед вокруг верстака и размахивал транзистором, забыв про потухшую сигарету, свисающую с его нижней губы.

Из приемника с переменной громкостью слышался треск и заунывное посвистывание.

— Гарри...— тихо позвала Элен.

Но он упорно продолжал возиться со своей игрушкой, не обращая на жену никакого внимания, как будто это стало его навязчивой идеей. Купер подошел к стене у подножия лестницы, поднял приемник над головой и снова принялся с сопением крутить ручку настройки.

— Послушай! Мы же под землей; здесь все равно ничего невозможно поймать! — не выдержала Элен.

Ее повышенный голос привлек, наконец, внимание Гарри. Он повернулся и посмотрел на жену. Элен, готовая заплакать, закрыла лицо руками. Затем, встряхнув головой, закусил губу и опустил глаза.

При взгляде на жену Гарри почувствовал прилив гнева, который долго копился в его душе и теперь окончательно овладел им, на какое-то время даже лишив его дара речи. Лицо Гарри начало нервно дергаться — переполняющие его эмоции искали выход. Наконец он резко развернулся, с силой швырнул приемник через всю комнату в стену и разразился яростным криком:

— Я что, по-твоему, ненавижу тебя, да? Или, может

быть, я ненавижу свою дочь? Ты думаешь, я хочу, чтобы вы здесь умерли — в этом вонючем месте?! Господи, Элен, да ты даже не понимаешь, что происходит! Эти твари повсюду — стоит только высунуться, и они всех нас прикончат! Ты думаешь, мне доставляет удовольствие смотреть, как наш ребенок страдает? Мне что, по-твоему, приятно смотреть на все это?

Элен резко повернула голову и посмотрела на него с выражением страдания и мольбы на лице.

— Карен нужна помощь, Гарри... Ей нужен врач... Она... Она может умереть здесь. Нам нужно выбраться отсюда. Мы должны...

— Ну да, давай просто поднимемся и выйдем наружу. Мы можем прямо сейчас собирать вещи, а я возьму и скажу этим тварям: «Извините, но моей жене и ребенку здесь неудобно, мы отправляемся в город». Ради Бога!.. Там, наверное, уже штук двадцать этих мертвецов возле дома. И с каждой минутой их становится все больше.

Но сарказм не помог Гарри убедить жену. Наоборот, это только усилило ее отвращение к нему и ожесточило Элен. Однако она прекрасно знала, что отвечать ему тем же не имеет никакого смысла. Был только один способ уговорить Гарри — это постараться внушить ему, что он сам пришел к какой-то новой мысли, тем самым дав ему возможность достойно оставить свою прежнюю позицию.

— Там наверху люди, — начала Элен. — И мы должны держаться все вместе, ты же сам это сказал!.. А эти люди не являются нашими врагами, не так ли? Вверху, внизу — не все ли равно? Зато они, может быть, смогут нам помочь. Давай выйдем отсюда...

Внезапный стук прервал ее уговоры.

Они с Гарри затаили дыхание и прислушались. Звук повторился — это были удары по двери подвала. Элен с тревогой посмотрела на свою беспомощную дочь. Довольно долгое время они были полностью убеждены, что их уже атакуют. Но затем послышался голос Тома.

— Гарри! — крикнул он.

И снова раздался стук. Но Гарри лишь молча смотрел

на дверь и не отвечал на зов. Он был верен своему решению не открывать больше дверь, что бы ни случилось, и не иметь никаких дел с теми, кто остался наверху. Глаза Элен наполнились слезами. Ее переполняло отчаяние и горькое разочарование в своем муже. Стук повторился. Элен с отвращением посмотрела на Гарри. Она поняла, что он трус. Опять стук, затем пауза. Может быть, Том отказался от мысли достучаться до них? Подумав об этом, Элен вскочила и бросилась к лестнице.

— Да-да, Том!

Гарри, кинувшись вслед за ней, схватил Элен сзади за плечи и попытался остановить. Но она принялась вырываться, отчаянно и упорно.

— Гарри,пусти меня!Пусти!

Ее решительность обескуражила Купера и заставила его остановиться. Он отпустил жену и в недоумении посмотрел на нее — она никогда еще не отказывалась подчиниться ему столь открыто и вызывающе.

Сквозь запертую дверь вновь послышался голос Тома:

— Гарри!.. Элен!.. У нас есть продукты, кое-что из лекарств и другие вещи...

Гарри тупо смотрел на дверь, по-прежнему не говоря ни слова. Он неторопливо достал спички и зажег все еще торчащий из рта окурок.

— Через десять минут по радио будет сообщение,— продолжал Том.— Сводки гражданской обороны. Там скажут, что мы должны делать!

Глядя на дверь, Элен прокричала:

— Мы выходим, Том! Мы будем через минуту!

Гарри резко повернулся и сверкнул на нее глазами.

— Ты не в своем уме, Элен. Этим тварям и минуты не понадобится, чтобы схватить тебя и прикончить. Если они ворвутся туда, то передумывать будет уже поздно — тебе разве это не ясно? Неужели ты не понимаешь, что мы в безопасности только пока держим эту дверь на замке?!

— А мне наплевать,— презрительно фыркнула Элен.— Мне наплевать, Гарри! Я больше не боюсь. Я хочу выйти отсюда, подняться наверх и посмотреть, не сможет

ли кто-нибудь нам помочь. И тогда, может быть, с Карен все будет в порядке.

Внезапно успокоившись, она перестала кричать, взяла себя в руки, подошла к Гарри и заговорила уже более мягким голосом:

— Гарри... пожалуйста... всего на минуту! Мы выйдем и посмотрим, как там наверху. Мы послушаем радио и, может быть, найдем какой-нибудь способ выбраться отсюда. Что если мы все вместе сможем это сделать?..

Гарри, чья непреклонность немного ослабла, глубоко затаился, вытащил изо рта сигарету, бросил ее на пол и раздавил каблуком ботинка, тонкой струйкой выпустив дым сквозь плотно сжатые губы.

Неожиданно из-за двери вновь послышался голос Тома и заставил их вздрогнуть.

— Гарри! Эй, Гарри! Бен нашел на втором этаже телевизор! Поднимайтесь — там прямой эфир из штаба гражданской обороны.

Гарри все еще колебался. А Элен говорила ласково и успокаивающе, пытаясь своим мирным тоном смягчить то неприятное ощущение, которое он испытывал, отказываясь от своего прежнего решения.

— Ну пойдем... Давай поднимемся. По телевизору будет передача, там посоветуют, что нужно делать. А ты можешь сказать всем, что это я захотела выйти.

— Ладно,— сдался Гарри.— Хорошо. Но это твое решение. И если мы поднимемся и нас всех прикончат, то ты будешь виновата.

Элен, облегченно вздохнув, повернулась к лестнице и начала подниматься по ступенькам, идя впереди мужа, чтобы люди наверху могли понять, что они выходят по ее инициативе.

Поднявшись на верхнюю ступеньку, Элен без помощи Гарри начала отпирать тяжелую дверь подвала.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Наконец Купер соизволил помочь жене, вытащил тяжелую доску засова, и дверь со скрипом раскрылась. Элен выглянула наружу и окинула взглядом столовую, за которой виднелась полутемная гостиная. Гарри, стоявший позади жены, испытывал острое чувство враждебности ко всем и был зол на себя за то, что отступил от своего решения остаться в подвале. Элен тоже была возбуждена и взволнована — отчасти после напряженного спора с мужем, но в основном из-за того, что ей предстояло встретить совершенно незнакомых людей в этих не слишком приятных обстоятельствах.

Однако в гостиной оказались только Том и Барбара, причем Барбара, обессиленная от нервного напряжения и шока, беспокойно спала на диване напротив камина.

Стараясь держаться по-дружески, Том сказал:

— Я думаю, мы сможем сейчас посмотреть новости — если, конечно, телевизор работает. Мне надо пойти помочь Бену принести его вниз. Джуди на кухне. Я позову ее, и она посидит с Карен, пока вы будете смотреть телевизор.

Элен изобразила на лице благодарную улыбку, и Том сразу же отправился на кухню за своей подружкой.

Элен подошла к камину, желая согреться, и сочувственно посмотрела на Барбару. Потом откинула волосы, упавшие на ее лицо и получше укрыла девушку, натянув пальто ей на плечи.

— Бедняжка... Ей, должно быть, много пришлось пережить, — сказала Элен, ни к кому конкретно не обращаясь.

Гарри в это время бродил по всему дому — от двери к окну, из кухни в гостиную — проверяя степень надежности всех укреплений, которая, по его мнению, практически равнялась нулю. Он ожидал нападения тварей в любой момент.

Том и Джуди появились в дверях кухни. Том сказал Элен:

— Мне кажется, они убили ее брата.— И кивнул головой в сторону Барбары, которая тихонько простонала во сне, словно услышав его слова.

На верхней площадке лестницы показался Бен и крикнул:

— Том! Эй, Том! Так ты поможешь мне с этой штуковиной или нет?

Том вздрогнул и, почувствовав, что он действительно уже слишком замешкался, бросился вверх по лестнице помогать Бену. А Джуди открыла дверь подвала и пошла вниз, чтобы посмотреть за Карен.

Гарри, до сих пор озабоченно бродивший по дому, решительно направился к Элен, которая склонилась над лежащей на диване девушкой.

— Ее брата убили,— тихо сказала Элен, как будто эти слова могли смягчить Гарри и поубавить его эгоизм.

— Это так называемое укрытие — просто курам на смех,— презрительно скривился Купер.— Здесь миллион слабых мест.

Но вдруг, испуганный внезапным шумом, Гарри замолчал и прислушался. К счастью, это оказались всего лишь Том и Бен, которые с трудом стаскивали вниз по лестнице тяжелый ламповый телевизор.

Элен с нескрываемым отвращением посмотрела на Гарри.

— Может быть, ты замолчишь наконец? — гневно спросила она.— У тебя что, шило в одном месте? Почему бы тебе не попытаться помочь кому-нибудь вместо того, чтобы все время жаловаться?

Гарри, не слыша ее, всматривался сквозь просвет между досками, которыми было заколочено окно, в пугающую темноту снаружи.

— Я ни черта не вижу! — воскликнул он.— Там, может быть, уже целый миллион этих тварей, а я ничего не могу разглядеть — вот сколько пользы нам от этих окон!

Бен, который вместе с Томом достиг уже нижней ступеньки лестницы, услышал последнюю часть фразы. Двигаясь под тяжестью своей ноши, он с ненавистью сверкнул

на Гарри глазами, но ничего не сказал. Бен и Том сдвинули вместе два стула в самом центре комнаты и осторожно водрузили на них телевизор. Они поискали розетку и, обнаружив ее, пододвинули телевизор так, чтобы шнур доставал до сети.

Когда Бен наклонился, чтобы воткнуть вилку, Гарри нахально потребовал:

— Разбудите девушку. Если по телевизору будет что-нибудь важное, то она должна услышать это сама. Я не хочу брать на себя никакую ответственность за нее.

Элен с возмущением воскликнула:

— Гарри, немедленно прекрати вести себя так!

Бен поднялся на ноги, в глазах его светилась ярость.

— Я не желаю вас больше слушать, мистер,— ледяным тоном сказал он Куперу.— Если вы остаетесь здесь, то будете слушаться меня! А я вам говорю, чтобы вы оставили девушку в покое. Ей нужен отдых — она чуть не сошла с ума от всего этого. И теперь ей нужно хорошенько выспаться, чтобы все забыть. Поэтому никто не посмеет тронуть ее, пока я не скажу.

Бен пристально посмотрел в глаза Гарри, чтобы убедиться, что тот хотя бы на время стушевался и замолчал. Затем протянул руку к телевизору и включил его. Все, кто был в комнате, расположились перед экраном, заняв наиболее удобные для себя места, и на несколько секунд в комнате воцарилась мертвая тишина — все ждали, действительно ли телевизор прогреется и заработает. Четыре пары глаз были прикованы к экрану. Послышалось нарастающее шипение, и Бен повернул регулятор громкости до отказа. На экране появилась светящаяся полоса, которая стала медленно расширяться, заполняя собой весь экран.

— Он работает! Работает! — воскликнула Элен.

По гостиной прокатилась волна возбужденного шепота, однако телевизор ничего не показывал. Не было ни изображения, ни звука. Лишь матовое свечение экрана и глухой шум. Бен пощелкал переключателем программ.

Гарри беспокойно вскочил со своего места.

— Нужно подправить антенну. Мы должны что-нибудь поймать...

Бен беспорядочно крутил регуляторы яркости, контрастности, гетеродина. И вот на одной из программ он обнаружил, наконец, звук и подстроил изображение. Картинка прыгала. Бен повозился еще немного и через некоторое время добился желаемого результата. Во весь экран возникло лицо комментатора, шел выпуск новостей.

Все, кто находился в комнате, напряженно затихли и стали всматриваться в экран, стараясь не пропустить ни слова.

«...Считают недостаточно правдоподобной теорию, согласно которой нашествие является результатом массовой истерии...» — говорил ведущий.

— Массовая истерия! — проворчал Гарри. — Они что, думают, нам все это приснилось?

— Заткнись! — рявкнул Бен. — Мы хотим слушать, что скажут дальше!

«...Власти рекомендуют соблюдать чрезвычайную осторожность до тех пор, пока ситуация не будет полностью взята под контроль. Все сообщения непосредственных очевидцев событий были тщательно изучены и задокументированы. Останки уничтоженных агрессоров в настоящее время исследуются патологоанатомами. Однако эти исследования сильно затруднены изувеченным состоянием трупов. В городах приняты все необходимые меры безопасности, включая комендантский час и усиленное вооруженное патрулирование. Гражданам настоятельно рекомендуется не покидать свои дома. Те, кто пренебрегает этим предупреждением, подвергают себя серьезной опасности как со стороны агрессоров, так и со стороны вооруженных людей, которые в создавшейся обстановке зачастую сперва стреляют, а уж потом задают вопросы. Сель-

ские и другие отдельно стоящие здания наиболее часто являются объектом интенсивных, ожесточенных атак. Находящиеся в них семьи подвергаются крайней опасности. Попытки прорыва из окружения должны предприниматься только хорошо вооруженными группами и, по возможности, на автомобиле или другом транспортном средстве. Необходимо тщательно оценить ситуацию, прежде чем решаться предпринять такую попытку. Прорвавшиеся группы должны направляться к ближайшему городу. На главных транспортных артериях, ведущих во все города, организованы дежурные посты для защиты беженцев, где им может быть оказана неотложная медицинская помощь. Полиция и вооруженные патрули национальной гвардии в настоящий момент прочесывают все отдаленные районы, проводя рейды по розыску и полному уничтожению агрессоров. Они стараются эвакуировать все изолированные семьи, однако действия по спасению людей существенно замедляются наступившей темнотой и крайней необычностью решаемой задачи. Поэтому помощь оказавшимся в окружении чрезвычайно ненадежна. Не стоит ждать прихода спасателей, если у вас есть хоть какая-то возможность вырваться из окружения самостоятельно. Однако необходимо помнить, что в случае численного превосходства агрессоров вам почти наверняка грозит гибель, если вы будете длительное время оставаться в одном месте. Нападающие существа абсолютно иррациональны и безумны. Их единственным побуждением является жажда человеческой плоти.

Час назад нами было взято интервью у шерифа Конана Маклеллана, возглавившего отдел защиты населения округа. Он беседовал с нашим корреспондентом через несколько минут после того, как им и его отрядом было уничтожено более двух десятков агрессоров. Сейчас мы представляем вам запись этого интервью...»

Изображение комментатора сменилось кадрами репортажа, который был снят ранее этим же вечером. На экране

показался густой лес, грязная дорога, лучи прожекторов, пляшущие между деревьями и люди, которые переходили с места на место и всматривались в темноту. Все это сопровождалось отдаленными звуками выстрелов. Затем камера показала стоявших на посту часовых, охраняющих этот небольшой участок леса. Издалека по-прежнему доносилась беспорядочная стрельба. Некоторые из мужчин курили, другие пили кофе из бумажных стаканчиков или разговаривали, собравшись небольшими группами. Пространство освещал огромный костер. Затем крупным планом появился шериф Маклеллан, который выкрикивал команды, руководя действиями своего отряда, и в то же время пытался отвечать на вопросы корреспондента, расхаживая взад-вперед перед костром, насколько позволял шнур прикрепленного к его груди микрофона.

Маклеллан был крупным грубоватым мужчиной, привыкшим командовать людьми. Одет он был в штатское, однако в руках держал большую винтовку с оптическим прицелом и был опоясан лентой патронов очень внушительного калибра.

На протяжении всего интервью несколько человек из его группы непрерывно подтаскивали к костру трупы и бросали их в огонь. Треск костра, выкрики вооруженных мужчин и другие звуки активной деятельности служили постоянным фоном к комментариям Маклеллана, который добросовестно старался ответить на все вопросы, хотя основной его задачей было руководство своей спасательной группой.

— Дела не так уж плохи,— сказал Маклеллан.— Парни справляются хорошо. Мы только что убили на нашем участке еще девятнадцать тварей; троих последних мы обнаружили, когда они пытались ворваться в заброшенный угольный склад: внутри никого не было, но эти существа колотили в дверь, пытаясь выломать ее. Должно быть, они думали, что там внутри люди. Мы подкрались и пристрелили их.

— В таком случае, каково ваше мнение, шериф? Удастся ли остановить этих тварей?

— В этом нет никакой проблемы, нужно лишь успеть вовремя, пока они не прикончили всех людей, оказавшихся в окружении. Но мои парни справляются с ними отлично. Мы никого не потеряли, никто не ранен. Все, что нужно, — это стрелять им в голову. Можете так всем и передать — все, что нужно сделать, это хорошенько прицелиться и выстрелить прямо в голову или сбить их на землю и обезглавить. И тогда они больше не поднимутся. Затем лучше всего их сжечь.

— Что нужно делать человеку, которого окружили два или три таких существа?

— Если у вас есть хорошая дубина или факел, вы запросто сможете отбиться или поджечь их. Они превосходно горят — загораются как вошенная бумага. Но лучше всего все-таки стрелять им в голову. Вы ведь не захотите подходить к ним слишком близко, если в этом не будет крайней необходимости. И вот еще что: не нужно дожидаться, пока мы придем к вам на помощь. Потому что, если их соберется слишком много, вам крышка. Их сила — в числе. Мы, разумеется, делаем все, что можем, но у нас не так уж много людей, а мы должны еще прочесать сегодня огромное пространство.

— Как вы считаете, удастся ли вам в ближайшее время взять ситуацию под контроль?

— Я думаю — да, по крайней мере, в нашем округе. Теперь они уже у нас в руках. Остальное — это вопрос времени. Мы не знаем, правда, сколько их еще осталось... зато мы точно знаем, что когда нам удастся повстречать их, мы можем без особого труда их прикончить. Так что это уже вопрос только времени. Они слабы, но их чертовски много. И все же я советую жителям не дожидаться никакого спасательного отряда. Лучше вооружитесь до зубов, соберитесь группой и пытайтесь добраться до ближайшего пункта неотложной помощи — это самый наилучший выход. Но если вы один, то вам остается лишь спокойно сидеть и ждать нашей помощи. И мы сделаем все возможное, чтобы добраться до вас раньше, чем это делают они.

— Так кто же такие эти твари? Как, по-вашему,— кто они?

— Они... Это мертвецы. Просто мертвые люди. И больше ничего. А вот что заставило их воскреснуть и действовать подобным образом — одному Богу известно.

На экране вновь появился диктор и начал говорить сухим, лишенным выражения голосом:

«Вы только что слышали интервью с шерифом Маклеппаном из отдела защиты населения округа. Вы смотрите передачи резервного телецентра службы информации управления гражданской обороны. Мы передаем наши сообщения круглосуточно в начале каждого часа. Пока продолжается бедствие, не покидайте ваши дома. Все двери и окна должны быть закрыты. Ни при каких обстоятельствах...»

Бен протянул руку и выключил телевизор.

— Зачем вы его выключили? — взволнованно воскликнул Том.

Бен пожал плечами.

— Диктор сказал, что сообщения передаются только в начале каждого часа. Мы уже услышали все, что нам необходимо знать. А теперь мы должны попытаться выбраться отсюда.

Элен согласилась:

— Они ведь сказали, что в пунктах помощи есть врачи и медикаменты... Если бы мы добрались туда, то они помогли бы, наверное, моей дочери.

Гарри презрительно рассмеялся.

— Ну и как же мы, по-твоему, отсюда выберемся? Среди нас ведь больной ребенок, женщина, потерявшая голову, а вокруг все так и кишит этими тварями.

— Ближайший город отсюда — Уиллард, — сказал Том, не обращая внимания на возражение Гарри. — У них там наверняка есть пункт неотложной помощи. Это примерно в семнадцать милях отсюда.

— Так ты здешний? — возбужденно спросил Бен. — Ты знаешь этот район?

— Конечно, — улыбнулся Том. — Мы с Джуди как раз шли купаться. И тут услышали новости по ее карманному приемнику и решили зайти сюда, чтобы разузнать все подробнее. Но здесь мы нашли наверху мертвую женщину, испугались и спрятались в подвале. А вскоре после этого появился Гарри со своей женой и ребенком. Я сначала боялся, но потом открыл дверь и впустил их в подвал.

— Ладно, я думаю, мы должны тихо сидеть здесь и ждать спасателей, — сказал Гарри. — Тот парень по телевизору не зря ведь говорил, что если вас мало, то у вас нет против них никаких шансов. Мы же не можем тащиться пешком семнадцать миль мимо целой армии тварей...

— Нам не придется идти пешком, — ответил Бен. — Мой грузовик стоит прямо перед домом.

Это заставило Гарри замолчать. Все остальные тоже притихли, в комнате наступила полная тишина, в которой мысль о грузовике дошла до сознания каждого.

— Но у меня почти нет бензина, — добавил Бен. — Правда, на заднем дворе у сарая есть пара бензоколонок, но обе они заперты.

— Ключ должен быть где-то здесь, — уверенно сказал Том. — Там в подвале висит большое кольцо с ключами. Я пойду посмотрю.

В порыве энтузиазма, окрыленный мыслью о возможном близком спасении, он стремительно рванулся к двери подвала и в три прыжка сбежал вниз по длинной лестнице.

Бен повернулся к Гарри.

— Там что — овощной погреб внизу? — спросил он.

— Да, а что?

— Нам понадобится много стеклянных банок. Мы будем делать зажигательную смесь, чтобы отпугнуть этих тварей... Потом мы пробьемся к бензоколонке и заправим грузовик.

— Значит, нам потребуется керосин, — заключил Гарри. — Я, кажется, видел внизу канистру.

— Я и Джуди можем помочь, — откликнулась Элен. —

Мы нарвем простыней и тряпок.— Затем она добавила, понизив голос: — К сожалению, Барбара, наверное, пока ничем не сможет быть нам полезной...

— Откуда вы знаете ее имя? — вздрогнув, спросил Бен.

— Она бормотала его во сне. Ей, кажется, снилось что-то о брате, который все время повторял: «Барбара, ты боишься?..» Должно быть, это случилось перед самой его гибелью...

Внезапно послышался шум, и из подвальной двери выскочил Том.

— Вот ключи, — радостно выкрикнул он. — Те, что от колонки, помечены ленточкой — на них было написано... Я поговорил с Джуди. Она тоже за то, чтобы попробовать бежать отсюда.

— Хорошо, — сказал Бен. — Значит, больше нас ничто не удерживает. Но каждый, у кого есть хоть какие-то сомнения, пусть лучше решает прямо сейчас. Если это действительно тот самый ключ, то можно считать, что мы уже наполовину выбрались. Однако в любом случае надо будет взять лом — вдруг ключ не подойдет. Лом также будет оружием для того, кто пойдет со мной. Но я не хочу проделав весь этот путь, обнаружить, что мы не сможем открыть колонку.

— Я пойду, — вызвался Том. — Вдвоем мы наверняка сможем пробиться. А женщины могут остаться в подвале и позаботиться пока о ребенке. Нам ведь еще понадобятся носилки для Карен — так вот пусть Элен и Джуди ими там и займутся.

Бен повернулся к Гарри и заговорил твердым командным голосом, делая ударение на каждом слове:

— Гарри, ты сперва должен будешь караулить на втором этаже и прикрывать наш отход к грузовику бутылками с зажигательной смесью. После того, как мы разбаррикадуем входную дверь, эти твари легко смогут проникнуть в дом. Однако дверь должна все время оставаться незапертой, чтобы Том и я смогли быстро войти обратно, когда мы приедем с заправки. Поэтому как только мы сядем в

машину и тронемся, ты сразу же спустишься вниз и будешь охранять эту дверь и, при необходимости, отпугивать их огнем. Когда мы вернемся, ты должен будешь немедленно открыть дверь и впустить нас, так как, возможно, за нами будет гнаться целая свора этих уродов. Как только мы снова окажемся в доме, мы тут же как можно скорее забаррикадируем дверь опять. Если же мы не вернемся — ты увидишь все сверху и сможешь сам заколотить дверь, а затем спуститься в подвал, где вы и будете тихо сидеть и дожидаться спасательного отряда, как ты и хотел.

Глядя на Бена, Гарри сказал:

— Тогда мне нужна винтовка. Мне она будет полезнее. У тебя все равно не останется времени, чтобы останавливаться и целиться.

Бен в весьма недвусмысленных выражениях оборвал его:

— Черта с два! Это моя винтовка! И никто другой к ней не прикоснется. Я нашел ее, и поэтому она моя!

Гарри криво усмехнулся:

— А откуда нам знать, что вы с Томом не смоеетесь, заправив свой грузовик?

Бен пронзил его гневным взглядом, пытаясь сдержать свою ярость.

— Это тот риск, на который вам придется пойти, — ледяным тоном сказал он. — Если мы смоемся, у вас останется еще ваш проклятый подвал, о котором вы тут столько кричали.

— Мы все погибнем, если не будем помогать друг другу, — умоляюще сказала Элен.

Бен оценивающим взглядом посмотрел на нее и вполне убедился, что она совсем не трусиха в отличие от своего мужа. Он предпочел бы, чтобы Элен охраняла входную дверь, если бы только она могла сравняться с Гарри по силе.

Бен громко обратился ко всем присутствующим:

— Пора приниматься за дело. Этих тварей вокруг становится все больше с каждой минутой. А нам еще многое нужно успеть, раз мы хотим вырваться отсюда. Если

все пойдет хорошо, то через час или два мы уже будем принимать горячий душ в отеле города Уилларда.

Никто не засмеялся.

Все разошлись, и каждый принялся выполнять поставленную перед ним задачу.

Бен снова включил радио. Оно по-прежнему повторяло записанное на пленку объявление. Было около половины двенадцатого. Оставалось полчаса до полуночи, когда начнется очередная передача аварийного телецентра.

Бен рассчитывал, что это будет примерно в середине их приготовлений. Они смогут уделить время просмотру передачи, и, может быть, там сообщат еще какую-нибудь полезную информацию.

А пока им оставалось только усердно трудиться... и надеяться.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Элен и Гарри Купер спустились в подвал и увидели Джуди, дежурившую возле больной девочки, которая теперь уже, казалось, немного бредила. Она беспокойно металась и вертелась на верстаке, то и дело тихо постанывая.

— Она не звала меня? — с тревогой спросила Элен. — Она вообще что-нибудь говорила?

Гарри наклонился и лучше укрыл свою дочь, обернув вокруг нее пальто там, где она в бреду сбросила его.

— Она все время стонала и плакала, — сказала Джуди. Лицо ее выражало тревогу и беспокойство за девочку.

— Бедная крошка! — вздохнула Элен, потрогала рукой мокрый лоб дочери и отметила повышение температуры.

— Сделай еще один влажный компресс, — сказал Гарри, — пока я буду заниматься носилками. А ты, Джуди, возьми вон ту коробку с пустыми банками и отнеси их наверх Тому. И пусть он спустится сюда за керосином. Нам нужно готовить зажигательную смесь.

Мысль делать что-либо в это роде показалась Джуди немного таинственной, так как подобные вещи она видела только в кино и представляла себе достаточно смутно. Она знала, что бутылки с зажигательной смесью загораются, когда их бросают в танк, но не могла и предположить, как их можно сделать. Она терпеливо ждала, пока Гарри вытащил старую, пыльную коробку с поллитровыми стеклянными банками и передал ей из рук в руки. Коробка была не тяжелой, однако слишком большой, чтобы Джуди могла унести что-нибудь еще.

— Ты должна прислать сюда Тома за керосином, — повторил Гарри. — А мы с Элен будем смотреть за Карен и начнем делать носилки. И скажи Тому, чтобы он заодно принес нам какие-нибудь старые простыни или одеяла.

Гарри проследил, как Джуди поднимается со своей ношей по лестнице, будто она не смогла бы сделать это как следует, если бы он за ней не смотрел.

— Нам чертовски повезет, если у них действительно все получится, — сказал он, повернувшись к Элен. — Но даже для дюжины мужчин было бы очень непросто пробиться через такое окружение.

Элен, которая прикладывала как раз мокрый компресс ко лбу Карен, подняла голову и молча посмотрела на Гарри. Ей нечем было рассеять его пессимизм. Она лишь тихо дрожала. Взглянув на искаженное мукой, пылающее лицо своей маленькой дочки, Элен задержала дыхание и не решалась даже надеяться, что им действительно повезет.

— Помоги нам, Господи, — тихо прошептала она, прерывисто вздохнув.

Гарри, склонившись над скамейкой, принялся стучать молотком, пытаясь соорудить что-нибудь наподобие носилок.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Бен вошел в комнату, где лежал обезображенный труп старой женщины, которая когда-то жила здесь. Это была единственная комната, окна которой выходили на лужайку перед домом, и Гарри должен был расположиться именно здесь, чтобы швырять из окна банки с керосином.

Бен задержал дыхание и старался не смотреть на покойницу, однако он понимал, что ему придется вытащить тело из комнаты. Зрелище, подобное этому, могло стать той последней каплей, которая переполнит чашу терпения Гарри и заставит его страх выплеснуться наружу — и тогда уже он не сможет выполнить поставленной перед ним задачи.

Комнату наполнял тошнотворный сладковатый запах разлагающегося трупа, который пролежал здесь уже более двух часов. Бен вышел на время в коридор, чтобы дать помещению проветриться. Он вошел в ванную и, слегка приоткрыв окно, вдохнул прохладный ночной воздух. Однако к естественным ароматам леса, свежескошенной травы и вспаханного поля примешивался все тот же едва заметный гнилостный запах стоящих под деревьями мертвых существ. Бен закрыл окно и вернулся в ненавистную ему комнату.

Он вытащил труп за дверь и поволок его по коридору к комнате мальчика. Покрытое коркой запекшейся крови покрывало, на котором лежало тело, довольно легко скользило по крашеному деревянному полу, однако тащить его по ковру в детской оказалось намного труднее. Бен едва не подавился, нечаянно вдохнув полной грудью липкое тошнотворное зловоние, и отчаянным рывком втащил тело в комнату, затем перешагнул через него и торопливо вышел в коридор, захлопнув за собой дверь.

Он снова вошел в ванную, приоткрыл окно и жадно втянул в себя «свежий» уличный воздух.

Когда он вернулся в пустую комнату, запах еще сохранялся, но был уже не такой острый, как прежде. Он

подошел к окну, стараясь держаться поближе к стене, где его прятала глубокая тень, протер рукой грязное, запыленное стекло и выглянул наружу.

Внизу на лужайке стояло уже не меньше тридцати мертвецов. А вдалеке, у дороги, можно было разглядеть еще пятерых, и они медленно двигались по направлению к дому.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Барбара проснулась, поднялась и сидела теперь на своем диване возле камина. На ее лице застыло отсутствующее, безучастное выражение, как будто ей было уже все равно, что с ней дальше произойдет.

В углу той комнаты, что была когда-то столовой, Том и Джуди готовили банки с зажигательной смесью. Джуди ножницами разрезала на полосы старую простынь, а Том наполнял банки керосином из канистры. Затем они вдвоем принялись смачивать горючим полоски ткани, окуная их в глубокую тарелку, и вставляя получившиеся фитили в отверстия, которые Том проделал в крышках банок.

Долгое время они работали в тишине, но когда Джуди посмотрела на Барбару, неподвижно сидевшую с болезненно-безразличным видом, она решила заговорить, чтобы хоть как-то нарушить тягостное молчание.

— Том... Как ты думаешь, мы правильно поступаем? — неожиданно спросила она, оторвавшись на секунду от работы и посмотрев на свои пахнущие керосином руки.

Том взглянул на нее и улыбнулся — напряженно, но ободряюще.

— Конечно, дорогая. Я не думаю, что у нас будет много шансов, если мы останемся здесь. А пока ты сидела с Карен, по телевизору советовали всем, кто оказался в такой ситуации, попытаться бежать.

— Но... А как же спасательные отряды?

— Мы не можем рисковать, дожидаясь их помощи. Может быть, никто и не придет, чтобы выручить нас. Подумай, сколько людей, должно быть, оказались в такой же ловушке, как и мы.

Джуди замолчала и снова принялась за работу.

— Я думаю, нам удастся это сделать,— уверенно сказал Том.— Мы не так уж далеко от бензоколонок. И потом Бен говорил, что он уже прикончил сегодня троих таких тварей, а ведь тогда у него еще не было винтовки!..

Том пристально посмотрел на нее, заметив на лице Джуди выражение беспокойства и тревоги, которое ему не так уж часто доводилось видеть за то короткое время, что они были знакомы.

— Но почему именно ты должен идти туда? — наконец спросила она.

— Дорогая, ты сейчас говоришь, как Гарри Купер. Кто-то же должен пойти. Мы ведь не можем просто так сидеть здесь и ждать, пока эти твари прикончат нас. И потом, все будет в порядке — вот увидишь! Мы обязательно прорвемся.

Джуди наклонилась и неловко обняла его, стараясь не дотрагиваться до Тома испачканными керосином руками.

Они уже собирались поцеловаться, когда громкие шаги поднимавшегося из подвала Гарри заставили их вздрогнуть. С хмурым лицом он вошел в комнату и раздраженно спросил:

— В чем дело? У кого-нибудь здесь есть голова на плечах? Сейчас начнется передача!

— Еще пять минут,— тихо сказал Том, посмотрев на свои наручные часы.

— Эта чертова хреновина должна еще прогреться,— огрызнулся Гарри, подошел к телевизору и включил его как раз в тот момент, когда Бен начал спускаться по лестнице.

— Что происходит? — спросил Бен, входя в гостиную.

— Следующая передача,— ответил Том и, чтобы

показать Бену, что он не бездельничает, снова взялся за свои фитили, которые они с Джуди смачивали керосином и вставляли в банки.

Бен подошел к Барбаре и посмотрел на нее, печально покачив головой.

— Черт бы побрал этот телевизор,— проворчал Гарри.— Он будет прогреваться еще сто лет.

Он нервно чиркнул спичкой и зажег сигарету, ожидая, пока экран засветится и появится звук.

— Надо отвести эту девушку в подвал,— добазил Купер, взглянув в сторону Барбары.— От того, что она здесь находится, нет никакого толку ни ей, ни всем остальным.

Никто не ответил на это замечание Гарри. Все затихли, стараясь не пропустить начало новостей. Появившийся на экране комментатор был уже не тот, что час назад, но студия осталась прежней — со множеством настенных часов, показывающих время в разных областях страны, звуками телетайпных аппаратов и приглушенными голосами на заднем плане.

«Добрый вечер, леди и джентльмены. Сейчас полночь по единому восточному времени. Вы смотрите передачи резервного телецентра службы информации управления гражданской обороны. Мы передаем наши регулярные сообщения круглосуточно, в начале каждого часа, пока продолжается бедствие. Для получения экстренной информации оставайтесь настроенными на нашу волну.

Леди и джентльмены!.. Как это ни покажется невероятным, но последние выводы президентской исследовательской группы, работающей в госпитале Уолтера Рида, подтверждают то, что многие из нас уже приняли, как факт, не дожидаясь официального сообщения. Армия агрессоров, которая оккупировала большинство восточных и центральных районов нашей страны, состоит из **мертвых человеческих существ**».

Джуди вздрогнула, когда диктор сделал паузу, чтобы смысл этого утверждения дошел до слушателей, хотя выражение на лице комментатора показывало, что он и сам с трудом в это верит.

— Я вовсе не нуждался в том, чтобы он мне об этом сообщал,— разозлился Бен, ожидавший более содержательной информации и новых конкретных инструкций.

— Тише! — закричал на него Гарри.

«Недавно умершие вновь возвращаются к жизни и начинают пожирать человеческую плоть. Мертвые из моргов, госпиталей... А также многие из тех, кто погиб уже во время нынешнего бедствия, каким-то непостижимым образом вернулись к жизни в искаленном, неполноценном виде, и преследуют теперь единственную цель — убивать других людей и пожирать их плоть.

Белый дом и представители военных властей пока хранят молчание относительно возможных причин этого невероятного явления, однако все предположения на этот счет сконцентрированы вокруг оказавшегося неудачным недавнего запуска космического зонда в сторону Венеры. Этот аппарат, как вы помните, был запущен более недели назад, но не достиг своей цели. Вместо этого он возвратился на землю, принеся с собой таинственное излучение высокой интенсивности. Ученые ведущих лабораторий страны в данный момент пытаются установить, могло ли это излучение стать причиной тех массовых убийств, свидетелями которых мы являемся в настоящее время. В попытках ответить на этот вопрос высказываются самые невероятные предположения, в то время как официальные власти воздерживаются от комментариев и пытаются бороться с нашествием чисто силовыми методами — организацией рейдов по розыску и уничтожению агрессоров. Совещания в Пентагоне и Белом доме проходят при закрытых дверях, а все гражданские и военные специалисты после таких совещаний отказываются давать интервью и отвечать на какие-либо вопросы журналистов.

Однако последние официальные сообщения из Пентагона также подтверждают, что агрессоры являются мертвыми людьми. Они не пришельцы с другой планеты, они люди, недавно умершие здесь, на земле. Но не все из тех, кто умер в последнее время, вернулись к жизни, хотя в некоторых областях страны, особенно на востоке и среднем западе, это явление распространилось шире, чем в других местах. Почему именно средний запад подвергся столь интенсивному нашествию, не могут объяснить даже самые проработанные теории. Космический зонд, как вы помните, разбился в Атлантическом океане, неподалеку от восточного побережья США.

Возможно, мы так никогда и не узнаем точных причин этого ужасного феномена, свидетелями которого мы с вами являемся.

Появилась, однако, некоторая надежда, что ситуация будет, наконец, взята под контроль... В течение ближайших дней или недель. Уже установлено, что агрессоры могут быть уничтожены выстрелом или сильным ударом в голову. Они также боятся огня и легко горят. Все признаки позволяют узнать в этих созданиях мертвых людей... За исключением того, что они не мертвы в обычном понимании этого слова — по неизвестной нам до сих пор причине их мозг был приведен в активное состояние и подчинен навязчивой идее каннибализма.

И последнее: каждый, кто погиб от ран, нанесенных мертвыми каннибалами, может сам затем вернуться к жизни, превратившись в такое же агрессивное, лишенное разума существо. Болезнь, которую несут эти твари, может передаваться через открытые раны и царапины и проявляется через несколько минут после кажущейся смерти раненого человека. Каждый, кто погибает во время этого бедствия, должен быть немедленно обезглавлен или кремирован. Данные меры следует принимать в обязательном порядке при всех случаях неестественной смерти ваших близких, как бы тяжело это ни было. Если вы не в состоянии сделать это сами, вам необходимо срочно обратиться к представителям власти, чтобы указанные дей-

ствия были предприняты за вас. Погибшие от физического контакта с агрессорами не являются мертвыми в обычном смысле этого слова, хотя и представляют собой мертвую плоть. Они чрезвычайно опасны и угрожают всему живому на нашей планете. Повторяю: **они должны быть незамедлительно сожжены или обезглавлены...**»

Дрожь пробежала по телу Гарри, и все, кто был в комнате, посмотрели на него.

— Как был ранен ваш ребенок? — спросил Бен.

— Одна из этих тварей схватила ее, когда мы от них убегали. Я не уверен, но мне кажется, что она укусила Карен за руку.

Все молча с сочувствием смотрели на Гарри, в то же время осознавая, какую угрозу будет представлять для них Карен, если она умрет.

— Пусть лучше кто-то из вас с Элен остается все время с ней, — предупредил Бен. — Если она не выкарабкается... тогда...

Его голос оборвался.

Гарри закрыл лицо руками, пытаясь смириться с мыслью о том, что ему, возможно, предстоит сделать. Сознание того, что его дочь может умереть, уже само по себе было очень тяжелым, но теперь...

Его снова пробрала дрожь.

Все, кто находился в гостиной, избегали теперь смотреть в сторону Гарри, обратив свои взгляды к экрану телевизора.

— Вам придется сказать Элен, чего нужно ждать, — сказал Бен. — Иначе она не будет знать, что делать, если это случится.

Бен подумал о своих собственных детях, и его вновь охватило беспокойство и мучительная тоска по дому. Он попытался переключить все внимание на телевизор в надежде, что тот подскажет ему что-нибудь ценное для решений стоящей перед ним непростой задачи.

Но изображение на экране погасло.

Передача закончилась.

Громыхнув стулом, Том поднялся на ноги.

— Надо начинать собираться,— сказал он.— Нам здесь больше делать нечего.

Бен перекинул через плечо винтовку, наклонился и подобрал с пола молоток и лом. Посмотрев на Гарри, он сказал:

— Ты должен расположиться в пустой комнате наверху. Все женщины останутся в подвале. Как только мы с Томом откроем входную дверь, ты начнешь бросать из окна банки с керосином. Поджигай их как следует и убедись, что они загорелись, а потом кидай их все до одной, но не попади в грузовик. Если тебе удастся поджечь парочку этих тварей — тем лучше. Когда мы услышим твои шаги на лестнице, мы с Томом выйдем наружу. И с этого момента ты должен будешь охранять входную дверь. У тебя остался тот кусок трубы?

— У меня есть вилы.

— Вот и хорошо...

Пока Бен инструктировал Купера, Том сделал себе огромный факел, обернув тканью ножку от стола и смочив ее керосином.

После недолгих уговоров Джуди убедила Барбару подняться с дивана и проводила ее до двери в подвал. Однако Том услышал на лестнице шаги лишь одного человека и обернулся. Джуди стояла, глядя на него из-за полуоткрытой двери подвала, и на лице ее читалась боль и тревога.

Гарри вышел из комнаты со своими банками, а Том начал помогать Бену разбирать укрепление у входной двери.

Джуди с тревогой молча наблюдала, как они принялись за кропотливую работу по разборке баррикады, которую нужно было проделать так, чтобы этого не заметили окружавшие мертвецы. Ломом и гвоздодером Том с Беном медленно и осторожно отдирали одну доску за другой.

Каждый скрип вытаскиваемого гвоздя угрожал привлечь внимание притаившихся за дверью существ. По-

этому приходилось постоянно быть начеку, чтобы не пропустить возможную опасность.

Том зажег факел, передал его Бену, и они встали наготове возле двери, ожидая, когда Гарри начнет бросать банки.

Бен приподнял занавеску и выглянул наружу, оценивая обстановку, в которой они должны будут оказаться через несколько секунд. На лужайке под деревьями виднелось множество неподвижных темных фигур, готовых в любой момент начать наступление. Несколько мертвецов обосновались возле грузовика, что дополнительно усложняло и без того нелегкую задачу для Тома и Бена. А в поле, вдоль всего пути, который грузовику предстояло проделать до бензоколонок, стояло и дожидалось еще больше омерзительных бесчувственных каннибалов.

Малейшая ошибка — и защитникам дома уже не удастся вернуться в него живыми.

Джуди по-прежнему стояла в дверях подвала. Ее полный нежности и тревоги взгляд был прикован к Тому — она хотела видеть его как можно дольше, до самого последнего момента, — ведь как только он выйдет наружу, они могут никогда уже больше не встретиться.

Внезапно с верхнего этажа послышался крик. Окно распахнулось, и первая вспышка огня осветила двор.

Бен распахнул входную дверь и в свете керосиновых сполохов увидел, как твари, издавая отвратительный свистящий хрип, стали медленно пятиться назад, закрывая руками свои обезображенные лица, в попытке защитить их от огня. А сверху одна за другой летели новые банки, со звоном разбивались о землю, и языки пламени подпрыгивали и освещали старый грузовик и стоящих вокруг него мерзких тварей.

Некоторые из мертвецов загорелись и продолжали двигаться, уже объятые пламенем. Их прогнившая плоть горела, зловеще потрескивая и испуская невыносимое зловоние. С громкими хлопками лопалась пропитанная трупным воском кожа на сгибах конечностей, и пламя постепенно пожирало их. Твари падали, лишенные возможности

двигаться дальше, и продолжали корчиться и хрипеть на земле до тех пор, пока не оставалось уже больше плоти, которая могла бы шевелиться...

Самодельные зажигательные бомбы продолжали падать. Поле, простиравшееся позади лужайки, освещалось теперь тусклым желтым огнем, тени деревьев и кустов тревожно вздрагивали и меняли свой цвет с каждой новой вспышкой пламени во дворе.

Бен и Том стояли на крыльце, глядя, как мертвые твари горят и отходят прочь, и держали наготове свое оружие на случай, если кто-то из мертвецов решит атаковать их до того, как они будут готовы совершить свой рывок к машине.

— Это все, Бен, бегите! — прокричал сверху Гарри, хлопнул дверью комнаты и побежал вниз по лестнице.

На успело еще затихнуть эхо его голоса, как Том и Бен выскочили во двор и рванулись к грузовику мимо луж горящего керосина и зловещих фигур, некоторые из которых снова начали приближаться, словно их животная боязнь огня отступила перед жадой человеческой плоти.

Том ударил одного из нападавших ломом и сбил его с ног, однако тварь продолжала цепляться за него, извиваясь и хрипя на земле. Бен ткнул в лицо мертвеца факелом, тот вспыхнул ярким пламенем и стал издыхать, обхватив голову руками.

Гарри подбежал ко входной двери, но было уже слишком поздно, чтобы остановить Джуди, кинувшуюся к выходу.

— Я иду с ними! — прокричала она, когда Гарри попытался перехватить ее. Девушка вырвалась и бросилась наружу, на секунду остановившись на крыльце, когда Гарри захлопнул за ней входную дверь.

Двое упырей сразу же повернулись в ее сторону и начали медленно приближаться. Она уже не могла вернуться в дом, а путь к грузовику был отрезан.

Джуди закричала, и Бен обернулся. Он увидел ее в тот момент, когда Том уже запрыгивал на водительское сиденье грузовика. Одна из тварей успела вцепиться в

него, но Тому удалось освободиться, с силой ударив ее ногой в грудь.

Бен развернулся и ринулся к двум мертвецам, которые уже почти вплотную приблизились к Джуди. Он изо всех сил размахнулся, и приклад «Винчестера» обрушился на головы тварей с леденящим кровь хрустом ломающейся кости. Бен сбил обоих зомби наземь и двумя мощными ударами размозил их мертвые черепа.

Схватив перепуганную девушку и втолкнув ее в кабину грузовика, он махнул рукой Тому и уже на ходу запрыгнул на правое сиденье. Машина резко рванула вперед и на повороте, при выезде на дорогу, ведущую к старому сараю, накренилась, и ее занесло. Несколько тварей, прицепившихся к грузовику и неистово колотящих по кабине, оторвались и упали. Еще одного мертвеца Бен поджег своим факелом, однако тот продолжал лезть в кабину, заполняя ее едким дымом и невыносимой вонью. Бен сильным ударом толкнул тварь с подножки, и зомби, упав наконец на дорогу, был тут же раздавлен задним колесом автомобиля.

Оторвавшись на время от преследователей, Том напрямую погнал грузовик через поле, а мертвые твари, пошатываясь, медленно, но непреклонно брели вслед. Выставив из окна ствол винтовки, Бен аккуратно прицелился и сделал подряд несколько выстрелов, но сразу же осознал свою ошибку — почти все выпущенные им пули не достигли цели, поскольку машина нещадно подпрыгивала, тряслась и раскачивалась на неровностях разбитой грунтовой дороги. Лишь одна тварь упала на землю со снесенным наполовину черепом.

Остальные продолжали упорно двигаться вслед за грузовиком. Когда тот затормозил возле бензоколонок и Бен с Томом выпрыгнули из кабины, уже больше десяти тварей окружали их со всех сторон, а отдельные группы хищников приближались к машине с другой стороны поля. Том принялся возиться с ключами возле запертой на всякий замок колонки, но Бен нетерпеливо оттолкнул его и, торопливо прицелившись, одним выстрелом разнес замок на куски.

Однако пуля пробила бензопровод насоса, и горючее хлынуло на землю в опасной близости от огненного факела в руках Тома, который передал ему Бен, чтобы у того было хоть какое-то средство защиты, поскольку свой лом Том оставил в грузовике.

Широко раскрытыми от ужаса глазами Джуди смотрела сквозь ветровое стекло на поле за спиной Тома, откуда продолжали надвигаться зловещие мертвецы. Некоторые из них были уже на расстоянии менее тридцати ярдов от машины.

Тугая струя бензина продолжала хлестать из пробоины, пока Том отчаянно пытался вставить заправочный шланг в горловину бака. И вдруг факел выпал из его рук на пропитанную горючим землю. Ослепительные языки пламени с гулом взметнулись вверх, и тотчас же огонь перекинулся на грузовик.

Заднее крыло и часть борта загорелись. Бен краем глаза заметил это в тот самый момент, когда, присев на корточки, он взял на прицел ближайшего мертвеца. Отвратительная тварь упала, но уже через секунду вновь встала на ноги, хотя в груди ее, чуть ниже шеи, зияла огромная дыра.

Озверевшие от близости людей каннибалы с громким хрипом стремительно приближались, загребая водянисто-распухшими и блестящими от зеленоватого трупного гноя руками.

Том, оцепенев от страха и неожиданности, смотрел, как языки пламени лижут грузовик, поднимаясь все выше и выше. Бен тоже в ужасе глядел на машину, не зная, что делать. И вдруг Том запрыгнул в объятую пламенем кабину и, пригнувшись к рулю, запустил мотор. Бен с криком бросился к автомобилю, но тот уже резко сорвался с места и помчался через кишашее мертвецами поле, сбив на своем пути нескольких тварей. Том хотел увести грузовик подальше от бензоколонок, чтобы предотвратить разрушительный взрыв зарытой в землю цистерны. Бен истуканно закричал ему вслед, но безрезультатно: пылающий грузовик продолжал уноситься прочь с Томом и Джуди в

кабине. Девушка, потеряв от ужаса дар речи, неподвижно сидела, прижавшись к Тому, на дымящемся под ней сиденье.

Некоторые из тварей были уже совсем рядом с Беном. Он отчаянно отбивался винтовкой и факелом. С ужасом сознавая, что он ничем уже не сможет помочь Тому и Джуди, Бен понимал также, что теперь ему самому предстоит в одиночку пробиваться назад к дому.

После недолгой, но жестокой борьбы Бену удалось поджечь двух атаковавших его упырей и прикладом сбить наземь третьего.

Он побегал через поле, размахивая факелом и винтовкой и ежесекундно оборачиваясь во все стороны, чтобы не быть неожиданно атакованным сзади. Адское зловоние собравшихся толпой зомби становилось просто невыносимым по мере того, как они приближались к Бену, желая схватить его и разорвать на части.

Изнутри дома Гарри не мог ясно видеть происходящее, хотя он беспрестанно метался от двери к окну и, прищуриваясь, вглядывался в темноту через щели в досках, пытаясь точно понять, что происходит снаружи. С его точки зрения, их попытка побега потерпела уже полное поражение; а раз так, то ему хотелось поскорее заделать дверь и бежать в подвал.

Гарри видел, как загорелся грузовик, и Том повел его прочь. Что же касается Бена, то, по мнению Купера, твари давно уже одолели его. Гарри подбежал к другому окну.

Грузовик, почти полностью охваченный пламенем, быстро удалялся от дома по направлению к небольшому холму за дорогой. Зловещим сиянием он освещал свой собственный путь, неистово подпрыгивая и раскачиваясь на ухабах в темном поле. Внезапно машина затормозила. Гарри увидел, как Том выскочил из кабины со стороны сидения водителя и, обжав автомобиль вокруг, стал помогать Джуди выбраться наружу через правую дверь. И вдруг раздался оглушительной силы взрыв. Искореженный корпус грузовика подбросило в воздух, и он тут же утонул в ослепительном огненном шаре. Тяжелый грохот разорвал

тишину ночи и обвальным эхом застонал в кронах деревьев.

Бен поднял голову и содрогнулся, поняв, что случилось с Джуди и Томом. Пламя взорвавшегося автомобиля осветило ему дорогу и позволило еще на десять ярдов приблизиться к дому. Мощными ударами приклада и факела Бен продолжал отбиваться от нападающих на него тварей.

Несколько мертвецов были уже у входной двери и пытались прорваться в дом. Внутри Гарри пребывал в состоянии полнейшего ужаса. Наконец, забыв обо всем на свете, он в панике бросился к входу в подвал.

Однако Бену удалось уже пробиться к крыльцу, и теперь он отчаянно колотил во входную дверь. Резко развернувшись, Бен ногой сбил последнюю тварь с крыльца, затем сильно ударил плечом в дверь. Она с треском распахнулась, и Бен ворвался в дом как раз вовремя, чтобы успеть схватить Купера возле двери подвала.

Однако у него сейчас не было времени, чтобы отплатить Гарри сполна. Требовалось срочно заделать входную дверь. Бен поймал на себе заискивающий трусливый взгляд Купера, презрительно сплюнул, и оба они принялись за работу. Гарри изо всех сил пытался продемонстрировать свое рвение, будто надеялся сохранить хоть какой-то остаток уважения со стороны Бена, помогая ему сейчас. Наконец им удалось забить дверь. На какое-то время дом вновь стал безопасным убежищем.

Они повернулись друг к другу, и Бен посмотрел Гарри прямо в глаза. Тот мелко дрожал от страха. Холодный пот струился по его лицу. Они оба знали, что сейчас произойдет...

Тяжелый кулак настиг Гарри, несмотря на то, что тот попытался увернуться и отдернуть голову. Купер пятился назад, пока Бен, нанося ему удар за ударом, не загнал его в угол. Гарри испуганно прижался к стене и втянул голову в плечи. Бен пристально смотрел ему в глаза и затем заговорил, как бы выплевывая слова прямо в лицо, и при каждом слове ощутимо ударяя Гарри головой о стену:

— Ты... грязный подонок!.. Если еще раз... ты сде-

лаешь... что-нибудь... подобное... я вытащу тебя на улицу... и кормлю... тем тварям!

Бен последний раз с силой припечатал Гарри к стене, и тот начал сползать вниз и через секунду рухнул на пол. Лицо его было сплошным синяком, а из носа текла густая темная кровь.

Бен медленно приблизился к двери подвала:

— Выходите! Это мы... Все кончено... Том и Джуди погибли.

Потом он повернулся и подошел к окну в другом конце комнаты. Выглянув наружу, Бен увидел, что твари подходят к дому все ближе и ближе, и содрогнулся от бес- сильного гнева и отвращения.

Бог знает, что им теперь оставалось делать...

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

К полуночи шериф Маклеллан и его люди разбили лагерь, в котором и собирались провести ночь. Они находились на марше до тех пор, пока не село солнце и не стало невозможным идти дальше. И тогда, по команде Маклеллана, они организовали привал прямо в открытом поле, где любой приближающийся враг мог быть легко обнаружен ввиду полного отсутствия маскирующей растительности. Чтобы быть вдвойне уверенными в своей безопасности, спасатели выставили часовых по всему периметру лагеря.

К счастью, ночь выдалась теплой и без малейшей угрозы дождя. У большинства людей были с собой одеяла или спальные мешки, однако палаток на всех не хватило. Отряд собирали в большой спешке, многие из людей были неопытны и не имели даже необходимого для походной жизни снаряжения. Поэтому к обычным трудностям по снабжению группы продовольствием и припасами добавились еще и бесчисленные досадные проблемы, характерные

для новичков, вроде натертых ног или ожогов ядовитыми растениями.

Маклеллану все время приходилось то подгонять, то притормаживать людей, чтобы поддерживать упорядоченное и равномерное движение отряда, который цепью прочесывал сельские районы в поиске тех, кто нуждался в помощи. Но приход ночи сделал дальнейшее движение совершенно бессмысленным. И только тогда, с большой неохотой, шериф отдал приказ разбить лагерь и принялся руководить его устройством, следя за соблюдением всех мыслимых мер безопасности.

Люди были уже порядком измотаны. Однако тепло костров и горячий кофе в значительной мере восстановили подорванную бодрость духа. А вскоре после полуночи к лагерю подъехал фургон, нагруженный готовыми обедами для всего отряда, чтобы людям не пришлось ложиться спать на голодный желудок. По всему лагерю зажглись свечи и карманные фонари, придавая ему хаотичный, но бодрый вид. Кое-где началась игра в карты, хотя все прекрасно знали, что с рассветом им предстоит уже быть на ногах и без всякого завтрака отправляться дальше.

Маклеллан в одиночестве сидел возле своей палатки, слушая приглушенный шум голосов, к которому время от времени примешивался стук ложек и вилок и другие мирные звуки. На складном столике перед ним были разложены карты местности, освещенные висящим на коньке палатки фонарем, возле которого роилась туча надоедливых комаров. Насекомые раздражали шерифа, и ему не терпелось поскорее закончить с картами, потушить свой фонарь и лечь спать. Однако следовало по всем правилам спланировать операцию на завтрашний день.

Красным карандашом он отметил на карте точку, в которой отряд находился сейчас — привал был устроен в пятнадцати милях севернее маленького городка под названием Уиллард. Еще дальше к северу на протяжении нескольких миль были раскиданы отдельно стоящие фермы и парочка небольших деревень, обитатели которых находились в относительной изоляции и, по-видимому, остро

нуждались в помощи. Хотя о положении любой изолированной семьи в районе, который предстояло прочесать отряду Маклеллана, можно было только гадать из-за полного отказа в системе связи, происшедшего еще на самых ранних этапах бедствия.

Весь округ был разбит на сектора, в каждом из которых патрулирование осуществлялось отрядами добровольцев совместно с подразделениями национальной гвардии. В их задачи входило: восстановить связь в тех районах, где телефонные линии были повреждены или источники электроэнергии вышли из строя; обеспечить безопасность, порядок и законность в деревнях и более крупных населенных пунктах, где гражданам угрожали не только бесчинствующие канибалы, но и простые грабители, насильники и уличные хулиганы, решившие воспользоваться возникшим хаосом; и наконец — организовать спасательные рейды в отдаленные сельские районы, где люди могли оказаться в ловушке в своих собственных домах, не имея возможности защитить себя или позвать на помощь.

Сектор, доставшийся Маклеллану, оказался особенно трудным. В дополнение обычному числу недавно умерших из больниц, моргов и домов, где должны были состояться похороны, здесь разбился полный людей автобус — шофер, испугавшись нескольких зомби, внезапно появившихся на дороге, не смог справиться с управлением, и автобус, не вписавшись в поворот, пробил ограждение и скатился с высокой дорожной насыпи, перевернувшись не менее пяти раз. Все, кто находился внутри, неминуемо должны были погибнуть, однако, когда Маклеллан со своим отрядом нашел автобус, тот был пуст, и лишь несколько тварей бесцельно бродили вокруг и были тут же подстрелены и сожжены. Один из них, из груди которого торчало с десяток сломанных ребер, был в форме водителя автобуса. Поэтому Маклеллан мог с полной уверенностью сказать, что то же самое произошло и с другими пассажирами. Еще задолго до официального объявления шериф и его люди, работавшие в зоне бедствия, поняли, что агрессоры являются обычными мертвецами и что каждый, кто умер,

может вскоре превратиться в точно такое же существо. Хотя многие спасатели имели при себе ножи и мачете, они старались избегать прямых столкновений с каннибалами, предпочитая подстреливать их издалека, чтобы избежать ран и возможного заражения от физического контакта. Затем с помощью крюков для мяса они стаскивали убитых зомби в кучу, поливали их керосином и поджигали. Каждый, кто прикасался к крюку или другому предмету, имевшему контакт с тварями, должен был тщательно вымыть руки сперва водой с большим количеством мыла, а затем чистым спиртом. Никто не знал, были ли эти меры абсолютно эффективными, но по крайней мере они таковыми казались. Да никто и не мог придумать ничего лучшего, что можно было бы сделать в подобных обстоятельствах.

Но как и говорил Маклеллан в своем телеинтервью, в его отряде не было ни погибших, ни раненых за те восемь часов, что они совершали свой рейд.

По пути, который они прошли за весь этот нелегкий день, разбиваясь временами на отдельные группы, люди Маклеллана обследовали довольно большое количество одиноких сельских домов и ферм, сумели помочь многим их обитателям, других же нашли уже мертвыми с обглоданным с костей мясом. Некоторых из них пришлось сразу же застрелить, поскольку хоть они и не казались мертвыми, было совершенно очевидно, что это уже не нормальные живые люди.

Теперь, имея за плечами опыт целого дня, шериф мог трезво оценить стоящую перед ним задачу. Изучая по карте ту обширную территорию, которую оставалось прочесать его отряду, Маклеллан прикинул, что это можно будет сделать за трое или четверо суток, если, конечно, людей как следует поторопить. Он ненавидел подгонять, командовать и понукать подчиненными, однако умел это делать, и в некоторых ситуациях, как, например, в нынешней, это бывало абсолютно необходимым — жизнь слишком многих людей зависела сейчас от того, насколько быстро до них смогут добраться спасатели.

В тот момент, когда шериф хлопнул себя по лбу,

чтобы убить комара, на его складной столик упала тяжелая тень. Он поднял глаза и увидел своего помощника Джорджа Хендерсона.

Джордж был сильным, жилистым мужчиной среднего роста и носил грубый охотничий костюм, который выглядел изрядно поношенным и сидел на нем так, как может сидеть только очень привычная одежда. Он снял с плеча винтовку и почесал заросший густой щетиной подбородок.

— Ты загораживаешь мне свет,— проворчал Маклеллан и еще ниже склонился над картой, будто бы продолжая изучать ее.

Джордж фыркнул, что должно было означать добродушную усмешку, и отошел в сторону, огорченный тем, что не может придумать в ответ никакой подходящей остроты. Помолчав с минуту, он сказал:

— Я проверил часовых. Пятеро ублюдков спало.

— Врешь! — взвился Маклеллан, чуть не опрокинув стол. В эту секунду он готов был пойти и казнить всех пятерых на месте.

— Конечно,— лучезарно расплылся Джордж.

Это означало, что, конечно, он врет. Помощник довольно захихикал, и на этот раз фыркнул уже Маклеллан.

— Все часовые на своих постах,— улыбнулся Джордж.— Я заставил их выпить крепкого кофе, чтобы они не уснули.

— Если хоть одна тварь проберется в лагерь ко всем этим людям в спальных мешках...— покачал головой шериф, не закончив фразы.

— Большинство из них спит, не выпуская пистолетов из рук. А у кого нет пистолетов, держат поблизости свои винтовки или мачете.

— Мы не должны гасить костры,— сказал Маклеллан.— Скажи следующей смене часовых, чтобы всю ночь поддерживали огонь.

— Я уж и без тебя об этом давно позаботился,— усмехнулся Хендерсон.— Так что спи спокойно.

Маклеллан снова фыркнул, будто бы сомневаясь в том, что его помощник мог сам до такого додуматься.

— Не можешь смириться, что не тебе первому пришла в голову эта мысль? — ехидно спросил Джордж, придвинул к себе складной стул и сел на него в нескольких футах от стола. — Я не загораживаю тебе свет? — насмешливо осведомился он.

— Почему бы тебе не пойти выпить чашечку кофе? — был единственный ответ Маклеллана, словно он предлагал это лишь затем, чтобы как-то отделаться от Джорджа.

— А ты сам-то уже пил? — «заботливо» спросил Джордж.

— Нет. А то буду потом всю ночь таращить глаза.

— Ясно. Значит, ты собираешься храпеть, как медведь, пока эти парни будут стоять на часах, а я должен полночи проверять посты, да?

— Если бы ты мог выполнять умственную работу, я с удовольствием уступил бы ее тебе, — ангельским голосом ответил Маклеллан. — И тогда спать должен был бы ты. Но пока именно мне нужно держать голову свежей, чтобы вся эта организация назавтра не развалилась.

— Ха! Неплохо! — воскликнул Джордж. — Но если бы я не тащил на себе всю эту грязную работу, твои часовые сейчас вовсю бы уже резались в карты или давили храпака.

— Я хочу, чтобы все были на ногах к половине пятого, — уже серьезным тоном прервал его Маклеллан.

— Во сколько?

— В полпятого. С рассветом мы должны сняться и двинуться дальше. Каждая минута, что мы здесь торчим, может стоять кому-то жизни.

— Сколько ты наметил на завтра?

— Здесь десять домов, которые я хотел бы обойти еще до полудня. Можешь посмотреть на карту, и увидишь, какие именно. Когда мы это сделаем — прервемся на ленч. Но надо будет заранее передать по радио, где мы остановимся, чтобы туда уже подъехал фургон с едой.

Джордж склонился над картой. Дома, о которых гово-

рил шериф, были отмечены красным карандашом и находились в стороне от дороги, обозначенной, как двухполосное асфальтированное шоссе. Поле, в котором стоял сейчас лагерь отряд, лежало в двух или трех милях южнее дороги. Весь предыдущий день они двигались по направлению к ней с небольшими отклонениями, когда отдельные поисковые группы уходили в стороны, чтобы проверить стоящие на отшибе жилища, а затем вновь примкнуть к основному отряду.

Маклеллан зажег сигарету и глубоко затянулся, пока Джордж изучал пройденный за день маршрут и оценивал то, что им предстоит сделать завтра.

Последним домом на их предполагаемом пути была старая ферма Миллеров, где миссис Миллер — если она еще жива — жила со своим одиннадцатилетним внуком Джимми.

— Надо бы сразу послать туда отдельный патруль, — сказал Джордж, указывая на красный крестик, которым была отмечена на карте старая ферма. — Я знаю миссис Миллер. Она наверняка окажется совершенно беспомощной. Ведь они с внуком совсем там одни.

— Мы прибудем туда до полудня, — уверенно сказал Маклеллан. — И если они еще живы, с ними все будет в порядке.

— Пойду налью себе кофе, — ответил Джордж. — А потом разбужу вторую смену караула.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Несмотря на огромную силу взрыва, грузовик перестал гореть на удивление быстро. После того как пары бензина превратились в смертоносный огненный столб, в баке оставалось уже совсем немного горючего, и когда оно кончилось, пищи для пламени в машине почти уже не

было; лишь обивка сидений и два человеческих тела — внутри и возле кабины.

Металл со вздувшейся и обугленной краской быстро остывал в прохладном ночном воздухе.

И постепенно зомби начали приближаться — сперва медленно и осторожно — плотным кольцом собираясь вокруг грузовика. Запах горелого мяса с неодолимой силой притягивал их к машине. Однако ее раскаленный корпус поначалу не позволял тварям завладеть тем, что так влекло их и было теперь совсем уже близко.

Когда же металл остыл, а дым и смерть перестали клубиться над обгорелым остовом автомобиля, хищные твари, как ястребы набросились на добычу.

Но Том и Джуди уже не могли почувствовать, как их руки и ноги отрывают от мертвых тел. Они не могли слышать, как с хрустом ломаются хрящи и рвутся белесые сухожилия, когда их конечности выкручивают и разламывают в суставах. Они не могли закричать, когда зомби вырывали из их тел сердца и легкие, а сочащиеся зловонной гнойной слизью зияющие провалы почерневших мертвых ртов высасывали их глаза и мозг.

Твари неуклюже дрались друг с другом за обладание еще теплыми человеческими органами. Завладев добычей, они сразу же отходили в сторону, и каждый в уединении склонялся над своим куском, с чавканьем и утробным стоном пожирая то, что ему посчастливилось ухватить. Они напоминали собак, которые с рычанием уносят свою кость в угол, чтобы там долго грызть и обглаживать ее, пока другие животные стоят вокруг и завистливо смотрят голодными глазами.

Некоторые из упырей в поисках удобного места для трапезы, где им не пришлось бы защищать свою добычу от других, нашли прибежище на затемненной лужайке перед домом, спрятавшись в тени высоких старых деревьев.

Оттуда они алчно поглядывали на дом и терпеливо ждали, пожирая свою жуткую добычу. Лязг мертвых челюстей, разрывающих кровавую, человеческую плоть, наполнял ночной воздух. У самих разложившихся мергве-

цов только что проглоченная пища тут же вываливалась через дыры в прогнивших желудках, и они с жадностью набрасывались на новый кусок. А стрекот сверчков по-прежнему раздавался в ночи, смешиваясь с тяжелым, хриплым дыханием мертвых легких, почти заглушавшим все остальные ночные звуки.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

В доме царила атмосфера отчаяния и обреченности. Барбара снова сидела на диване, ее отсутствующий бессмысленный взгляд был устремлен в пространство. Гарри с мрачным видом устроился в кресле-качалке в углу комнаты, откинув готовую лопнуть от боли голову на плетеную спинку, и кресло негромко поскрипывало всякий раз, когда он шевелился, что, впрочем, случалось не так уж часто; лицо Гарри распухло, и к закрывшемуся левому глазу он прикладывал завернутый в тряпочку лед из холодильника. Другой его глаз, подобно часовому, взад-вперед бродящему по своему посту, неотрывно следовал за Беном, который нервно расхаживал по комнате. Когда Бен исчезал из поля зрения Купера, его здоровый глаз делал передышку. Шаги Бена были единственным звуком в гостиной, не считая редкого поскрипывания кресла-качалки.

Бен методично проверял укрепления, но скорее уже в силу привычки, нежели из-за надежды на их особую пользу, винтовка по-прежнему висела на его плече. После того, как попытка вырваться из западни провалилась, он позволил себе впасть в состояние почти полного уныния. Бен чувствовал себя таким же беспомощным, как и все остальные, кто оказался вместе с ним заточенным в этом сумрачном доме. Он не мог найти больше никакого пути к спасению. И в то же время понимал, что, оставаясь здесь, они подписывают себе смертный приговор. Гарри продол-

жал молча следить своим здоровым глазом за тем, как Бен переходит от одного окна к другому и проверяет по очереди все забитые досками двери.

Завершив проверку первого этажа, Бен направился к лестнице, но, уже начав подниматься, передумал, остановился и снова пошел ко входной двери.

Вдруг со стороны подвала послышались шаги, и в комнату вошла Элен.

— Уже без десяти три,— сказала она, обращаясь сразу ко всем.— Через десять минут начнется следующая передача.

Никто не ответил ей.

— Может быть, ситуация, наконец, немного улучшится,— сказала Элен без особой надежды в голосе.

— Вы или Гарри лучше спуститесь вниз и продолжайте смотреть за своим ребенком,— посоветовал Бен.

— Немного погодя,— ответила Элен после долгой паузы.— Я хочу сперва посмотреть новости.

Бен взглянул на нее, собираясь возразить, но так и не сказал ни слова — он был слишком измотан и подавлен, чтобы еще с кем-то спорить. Он лишь надеялся, что девочка не умрет, пока все они будут смотреть телевизор.

Повернувшись спиной к собравшимся, Бен молча приподнял занавеску и выглянул наружу через окно возле входной двери. Внезапно его глаза расширились от ужаса и отвращения, которое внушала открывшаяся перед ним картина. В тени деревьев перед окном пряталось множество тварей. Некоторые из них вышли на середину лужайки и находились теперь гораздо ближе к дому, чем раньше. Обгорелые останки зомби, уничтоженных во время попытки бегства, грязными кучами чернели в траве. По какой-то необъяснимой причине эти существа никогда не пожирали друг друга — они предпочитали свежее человеческое мясо.

И теперь многие из них дорвались до вожака лакомства. Полный ужаса взгляд Бена был прикован к поистине отвратительной сцене: на краю лужайки несколько тварей, освещенные лунным светом, пожирали то,

что когда-то было Томом и Джуди. Они грызли и разрывали на части изуродованные останки человеческих тел. Их вурдалачьи зубы впивались в мертвые ладони и плечи, с хлопанием разжевывали сочащиеся кровью внутренности. Бен смотрел как загипнотизированный, не в силах оторвать взгляд от этого немыслимого зрелища.

Наконец, содрогнувшись от омерзения, он выпустил уголок занавески и, потрясенный, обернулся к остальным находившимся в комнате. На лбу его выступили капли холодного пота.

— Не смейте... не смейте туда смотреть,— сказал Бен, с трудом сдерживая подступившую тошноту.— Ничего хорошего вы там не увидите.

Здоровый глаз Гарри по-прежнему был устремлен на Бена, и сейчас в нем светилось нескрываемое злорадство — Купер радовался минутной слабости этого мужественного человека. Бен подошел к телевизору и щелкнул выключателем.

И вдруг тишину разорвал исступленный крик Барбары. Бен вздрогнул и отскочил от телевизора. Барбара была уже на ногах и кричала пронзительно и отчаянно.

— Мы никогда отсюда не выберемся... Никто из нас! Нам не выйти отсюда живыми!.. Джонни-и-и!.. О-о-о!.. Боже мой!.. Никто из нас... Никто... О, Господи... Помогите...

Но прежде чем Бен успел сделать к ней шаг, крики Барбары прекратились так же внезапно, как начались, и девушка, снова упав на диван, закрыла лицо руками и разразилась безудержными рыданиями. Элен пыталась успокоить ее, но громкий плач словно сам по себе продолжал вырываться откуда-то из глубины ее тела, над которым Барбара потеряла уже всякий контроль. По мере того как она успокаивалась, рыдания постепенно стихали и наконец прекратились совсем, однако девушка продолжала сидеть на диване, сильно ссутулившись и скорбно закрыв руками лицо. Элен заботливо накинула ей на плечи пальто, но Барбара уже ни на что вокруг не реагировала.

Наконец Бен позволил себе медленно опуститься в

кресло перед телевизором. Гарри украдкой перевел свой взгляд с Барбары на Бена. Его глаз следил за винтовкой, которую тот поставил прикладом на пол и прислонил к ногам.

Элен наклонилась к Барбаре и нежно положила руку ей на плечо.

— Поговори со мной, дорогая... Тебе станет легче.

Но Барбара не отвечала. И Элен пересела на другой край дивана.

Бен неподвижно сидел перед телевизором, молча уставившись в мутный экран. Он чувствовал себя совершенно разбитым и потерянным, мучительно обдумывая сложившееся положение: у них больше не было керосина, не было никакого транспорта и кончались патроны для винтовки. Телевизор еще ничего не показывал — Бен включил его слишком рано.

Взгляд Гарри был прикован к винтовке. Бахрому, на которой Бен носил ее, он обмотал теперь вокруг себя.

— А где ваш автомобиль? — спросил Бен, и звук его голоса, раздавшийся в полной тишине, заставил всех вздрогнуть.

Гарри поспешно отвел взгляд, как будто и не смотрел в сторону Бена.

— Мы хотели еще засветло добраться до мотеля, — ответила Элен, — и остановились на обочине, чтобы посмотреть карту... И тогда эти твари напали на нас... Мы бежали... бежали...

— Машина не меньше чем в полутора милях отсюда, — ехидно заметил Гарри, будто ему доставляло удовольствие сознавать, что очередная идея Бена обречена на провал, пусть даже ценой его, Гарри, собственной жизни.

— Мы насилу добрались до этого дома, и больше ничего уже не могли сделать, чтобы спасти Карен, — скорбно вздохнула Элен.

— Как вы думаете, смогли бы мы добраться до машины? — спросил Бен как бы у самого себя. — Есть ли

хоть один шанс, что путь к ней будет свободен, если мы сможем вырваться из этого дома?

— Абсолютно никакого, — безразлично ответил Гарри.

И тут Бен взорвался:

— Ты слишком легко сдаешься, парень! Ты хочешь содохнуть в этом вонючем клоповнике?

— Я уже говорил тебе, идиот, что эти твари перевернули нашу машину вверх дном! — вызверился Купер, на секунду потеряв страх перед Беном.

— Она лежит вверх колесами в кювете у дороги, — подтвердила Элен.

— Но... если бы мы добрались до нее, то, может быть, мы смогли бы что-нибудь сделать... — предположил Бен.

— Ты собираешься сам ее переворачивать? — гаденько усмехнулся Гарри.

— Ключи остались у Джонни... ключи... — тихо бормотала Барбара.

Однако никто не слышал ее, поскольку из телевизора вдруг послышался громкий треск, а затем появились изображение и звук.

«Доброе утро, леди и джентльмены. Вы смотрите передачу резервного телецентра службы информации управления гражданской обороны. Сейчас три часа пополночи по единому восточному времени.

В большинстве областей, охваченных за истекшие сутки этим ужасным явлением, наметились первые признаки того, что ситуация, возможно, вскоре будет взята под контроль. Гражданские власти, действующие рука об руку с национальной гвардией, уже восстановили порядок в ряде пострадавших районов, и хотя действие комендантского часа все еще сохраняется, интенсивность нападений на жителей уже заметно снизилась. Органы охраны правопорядка предсказывают нормализацию обстановки в самом ближайшем будущем. Возможно, в течение следующей недели жизнь войдет в привычное русло.

Однако несмотря на эти слова ободрения, власти призывают по-прежнему поддерживать высокую бдительность и принимать все необходимые меры предосторожности. Пока никто еще не может с уверенностью сказать, как долго мертвые будут продолжать воскресать, и каковы были в действительности причины этого необычного явления. Каждый убитый или раненый при нападении мертвецов-каннибалов представляет серьезную угрозу для живых людей. Мы должны по-прежнему сжигать или обезглавливать все свежие трупы. Доктор Льюис Стэнфорд из медицинского управления округа в своем интервью, которое он дал сегодня в нашей телевизионной студии, постоянно подчеркивает, что это абсолютно необходимо.

Изображение диктора исчезло, и после короткой паузы на экране возникли первые кадры записи. Доктор Льюис Стэнфорд, сидевший за большим письменным столом, отвечал на вопросы ведущего, в руке у которого был микрофон, а на голове — наушники.

«Доктор, можете ли вы или ваши коллеги пролить хоть какой-нибудь свет на причины этого явления?»

Доктор нервно поерзал в своем кресле и встряхнул головой.

«Боюсь, что пока еще рано говорить о даче однозначных и исчерпывающих объяснений. Я не хочу сказать, что мы вообще не сможем ответить на этот вопрос, но на данный момент наши исследования не принесли еще окончательных результатов.

— А что вы думаете насчет упавшего космического корабля?

— Космического корабля?

— Да, сэр.

— Я не специалист в этой области.

— Но именно с ним ученые связывают большинство своих предположений.

— Прежде всего, я не являюсь специалистом в области аэрокосмических исследований. Я также не знаком с этим конкретным экспериментом. Я — врач-патологоанатом...

— Так что же вы все-таки можете сообщить нам, доктор?

— Ну... я чувствую, что наши усилия направлены в нужную сторону. Мы делаем именно то, что хорошо умеем делать... То есть пытаемся обнаружить биологические причины этого явления, которое до сих пор не имело прецедентов в медицинской практике. Мы рассматриваем то, что произошло с этими... умершими... людьми, как болезнь, которая с большой долей вероятности имеет чисто биологическое происхождение; другими словами, она скорее всего вызвана определенными микробами и вирусами, которые ранее были нам неизвестны или не представляли опасности до тех пор, пока не случилось что-то, пробудившее их активность. Связано ли это каким-то образом с космическим зондом или нет, мы можем установить лишь тогда, когда сперва выделим данный вирус или микроб, а затем отправимся в космос и обнаружим, что он там действительно существует.

— Есть ли вероятность того, что микроорганизм, вызывающий эту болезнь, начнет размножаться и станет преследовать нас постоянно? Будем ли мы и дальше сжигать трупы наших близких?

— Я не знаю... не знаю. Однако возможно, что организмы, вызвавшие это явление, окажутся недолгоживущими — то есть все они вымрут в течение короткого времени; они могут оказаться поколением мутантов, не способных к размножению. Мы очень надеемся, что так оно и будет в нашем случае.

— Какие нити к разгадке этой тайны вам уже удалось обнаружить, доктор Стэнфорд?

— Наши исследования еще только начинаются. Вот, например... сегодня, некоторое время назад, мы стали свидетелями такого факта: в морге нашей университетской клиники, в холодильной камере находился труп, все четыре конечности которого были ампутированы. Вскоре после того, как его извлекли из холодильника, он открыл глаза. Этот человек был абсолютно мертв, однако он открыл глаза и начал шевелиться. И теперь наша проблема состоит в том, чтобы получить как можно больше таких необычных трупов для исследований и экспериментов; мы должны просить военных и гражданские патрули не сжигать всех тварей до единой, а доставлять некоторых из них к нам живыми, чтобы мы могли изучать их. Пока же нам не удалось получить достаточного количества таких существ...

— Тогда как это соотносится с вашими словами о необходимости сжигать или обезглавливать каждого, кто умер во время этого бедствия, будь это даже близкий родственник?

— Данная рекомендация остается в силе для всех граждан. Если мы говорим о намерении получить трупы для наших исследований, то при этом имеем в виду, что это будет делаться организованным порядком, то есть так, чтобы они были доставлены к нам в стерильных условиях и с наименьшим возможным риском как для занятых этим людей, так и в смысле предотвращения продления состояния бедствия. Рядовые же граждане-должны по-прежнему продолжать сжигать все трупы. Для этого нужно просто вытащить их на улицу и поджечь. Необходимо помнить, что это всего лишь мертвая плоть, но они крайне опасны...»

После этих слов доктора Стэнфорда на экране вновь появился диктор.

«Репортаж, который вы только что видели, был записан несколько часов назад в этой студии. Повторю вкратце

указания доктора Стэнфорда: по-прежнему для всех граждан является обязательным сжигать или обезглавливать трупы тех, кто умирает во время происходящего бедствия. Это нелегко сделать, но власти предписывают во всех без исключения случаях поступать именно так. Если вы не можете решиться на это сами, вам следует обратиться в местное полицейское управление, и компетентные специалисты сделают это за вас.

А теперь наши камеры переносят вас в Вашингтон, где вчера поздно вечером нашим корреспондентам удалось взять интервью у генерала Осгуда, когда он возвращался с совещания на высшем уровне в Пентагоне...»

И вновь изображение комментатора сменили кадры репортажа...

Но внезапно снаружи раздался оглушительный грохот, и свет погас. Экран телевизора потемнел, и весь дом погрузился в зловещий сумрак.

— Есть там пробки в подвале? — прозвучал голос Бена.

— Это... это не пробки, — заикаясь, проговорил Гарри. — Должно быть, повреждена линия электропередачи!

Бен схватил со стола баночку с керосином и выплеснул содержимое в камин, где догорали последние красные угольки. Пламя сразу же с шумом взметнулось вверх. Он бросил в огонь пачку старых газет, затем, в полутьме, пошире раскрыл дверь в подвал и начал осторожно спускаться по лестнице.

Гарри схватил Элен за руку и, приблизив ее лицо к своему, зашептал:

— Элен, мне нужно это ружье. Мы тогда сможем спуститься в подвал. Ты должна мне помочь!

Он отнял от своего глаза сверток со льдом, и в мерцающем свете камина Элен увидела на перекошенном от страха лице мужа огромный припухший кровоподтек.

— Я не буду помогать тебе,— тихо прошептала она.— Разве тебе не достаточно? Он убьет нас обоих.

— Этот человек сумасшедший! — спорил с ней Гарри, стараясь при этом говорить шепотом.— На его совести уже двое погибших; я должен завладеть винтовкой...

Звуки приближающихся шагов Бена оборвали Гарри на полуслове.

— Это не пробки,— с безнадежностью в голосе объявил Бен, входя в комнату.— Мне пришлось пробираться на ощупь, но там внизу я нашел карманный фонарик. Все пробки в порядке. Я оставил фонарь на верхней ступеньке, чтобы мы могли осветить себе, когда будем спускаться в подвал. А вы лучше прямо сейчас идите вниз и смотрите за своей дочерью. Она...

Внезапно из кухни раздался звон бьющегося стекла. За ним последовал нарастающий шум, громкий натужный хрип, и начались тяжелые ухающие удары. Стены дома угрожающе затряслись. Мертвые твари снаружи перешли в массированную атаку. Некоторые из них уже пробрались в кабинет и теперь с оглушительным грохотом колотили в забитую дверь столовой.

Бен моментально вскочил на ноги и бросился укреплять свои баррикады. Молотком и ломом он сквозь разбитое окно отбивался от тварей, одновременно пытаясь укрепить те доски, которые уже стали шататься под напором агрессоров.

— Гарри! Гарри! Помоги же мне! — стиснув зубы, прорывал Бен. Лицо его исказила гримаса непосильного напряжения.

Купер подбежал к Бену сзади, но вместо того, чтобы помочь, резким движением сорвал винтовку с его плеча. Направив ствол прямо на Бена, Гарри медленно попятился к двери подвала. Бен рванулся было к нему, но в ту же секунду остановился — он не мог сейчас отойти от окна, через которое твари уже влезали в дом.

— Что ты задумал, придурок? Они же вот-вот ворвутся сюда! — перекрывая дьявольский грохот, яростно заорал он.

— Теперь посмотрим, кто кого пристрелит,— мстительно усмехнулся Гарри, пятясь к подвалу и не переставая целиться в живот Бена.— Я отправляюсь вниз и беру с собой этих двух женщин, а ты можешь подышать здесь, сумасшедший ублюдок!

Игнорируя слова Гарри, Бен всем телом привалился к окну, пытаясь удержать доски, которые уже начали поддаваться. За окном было по меньшей мере полдюжины мертвецов, которые остервенело рвались внутрь, сминая на своем пути все преграды.

Гарри на секунду остановился, пораженный звериной яростью атаки и полным безразличием Бена к тому факту, что он не является больше обладателем винтовки. Он ожидал, что Бен начнет умолять пустить его вместе со всеми в подвал.

Намеренно Бен позволил тварям выломать одну из самых больших досок, которая была прибита поперек ближайшего к нему окна гостиной. Когда доска отвалилась, Бен подхватил ее, развернулся и с силой метнул в сторону Гарри. Удар пришелся в приклад винтовки, и ее ствол отклонился в сторону, так что прозвучавший выстрел не причинил Бону никакого вреда. Одним прыжком он настиг Гарри возле двери и после короткой, но жестокой схватки вырвал оружие из его трясущихся рук.

Элен, застыв на месте от ужаса, молча смотрела на своего мужа.

Жутко лязгая зубами, Гарри пятился к подвальной двери, оставляя на полу блестящие мокрые следы — из его брюк текло.

Бен через силу поднял винтовку и, скривившись от отвращения, выстрелил. Гарри вскрикнул. Большое красное пятно проступило на его рубашке, и, схватившись обеими руками за грудь, он начал медленно оседать. Сделав несколько нетвердых шагов по направлению к лестнице, Купер судорожно вцепился в перила, но его слабеющие ноги беспомощно подкосились, и он рухнул головой вниз на каменные ступеньки.

В следующий миг несколько тварей ворвались в ком-

нату через окно и схватили Элен за шею и волосы, царапая и впиваясь в нее своими ногтями. Бен сшиб одного из мертвецов прикладом винтовки, затем прицелился и выстрелил двоим прямо в лицо. Освободившись, Элен с криком бросилась в подвал, но по дороге споткнулась и кубарем покати-лась вниз по лестнице. Она закричала еще громче, когда почувствовала, что упала на что-то большое и мягкое. Это было мертвое тело ее мужа; ладонь Элен стала мокрой и скользкой от его еще не остывшей крови. Затем из темноты кто-то с тихим стоном шагнул к ней и крепко сжал ее руку выше локтя.

— Карен?

Да, это была Карен. Но уже мертвая. Помутневшие глаза девочки зловеще поблескивали в темноте. Она отпустила запястье своего отца, которое только что держала возле губ, обглаживая нежное мясо с внутренней стороны его предплечья.

Элен пыталась разглядеть ее в темноте.

— Карен, доченька!

В руках у мертвой девочки была острая садовая лопатка. Не говоря ни слова, она глубоко вонзила ее в грудь своей матери. Элен упала на спину, истошно крича и зажимая руками рану, из которой хлынул мощный поток горячей крови. А ее мертвая дочь продолжала наносить все новые и новые удары. Леденящие душу вопли Элен, смешанные с другими звуками разрушения, громким эхом разнеслись по старому дому.

Но вскоре крики прекратились. А лопатка продолжала методично вонзаться в тело женщины, разрубая его на куски и кромсая ее окровавленную плоть. Когда орудие наконец выпало из мертвых, испачканных кровью рук девочки, Карен, обнажив зубы, склонилась над своей матерью и глубоко погрузила руки в ее зияющие, сочащиеся раны...

Наверху Бен продолжал изо всех сил сражаться, пытаясь выгнать тварей из дома.

И вдруг в истерическом припадке жажды мщения Барбара с пронзительным визгом тоже бросилась в атаку. Она

швырнула стул в одного из мертвецов, и тот упал. Тогда девушка, не задумываясь о последствиях, оседлала его и стала бить кулаками в лицо. В следующую секунду тварь крепко схватила ее за руки, и они покатались по полу, сжимая друг друга в неравной борьбе. Легко преодолев сопротивление Барбары, мертвец сомкнул свои зубы на ее шее. Бен подскочил к ним и, направив ствол «Винчестера» в лицо твари, выстрелил. Удар выпущенной в упор пули отбросил мертвеца на несколько футов назад, гнойная слизь и осколки раздробленной кости брызнули Барбаре прямо в лицо. Но уже полностью лишившись рассудка, она с криком вскочила на ноги и, истекая кровью, бросилась в самую гущу зомби, прорвавшихся через сломанную входную дверь.

Мертвецы схватили Барбару и потащили ее на улицу. Она оглянулась и, увидев, что с каждой секундой все больше тварей врывается в дом, принялась плевать в них и кусать вцепившиеся в нее смердящие мертвые руки. Одним из нападавших был ее брат Джонни, уже восставший из мертвых. Его зубы были выбиты, а лицо покрыто коркой запекшейся крови и грязи. Зловеще сверкая немигающими глазами, он подбирался все ближе к Барбаре, и наконец его пальцы сомкнулись на горле сестры. Она безумно захохотала и потеряла сознание. Озверевшие твари тащили Барбару в ночную темноту, на ходу впиваясь зубами в мягкие части тела, а некоторые из хищников уже ломали и выкручивали в суставах ее конечности, пытаясь разорвать добычу на части.

Внутри дома Бен продолжал давать бой обступившим его мертвецам. Но в гостиной находились уже по меньшей мере двадцать или тридцать кровожадных созданий. Все укрепления были смяты, и у Бена не оставалось больше никаких шансов победить в этой схватке.

Он медленно отступал вдоль стены к двери подвала. И вдруг Карен набросилась на него сзади, с силой вцепившись в ноги, и потащила Бена вниз по лестнице. Он развернулся, схватил ее за горло и, приподняв щуплое тельце над ступеньками, мощным движением швырнул его через

дверь на самую середину комнаты, сбив им с ног сразу несколько мертвецов. Однако она тут же встала и вновь начала приближаться к нему, хищно протянув руки вперед. Лицо девочки было испачкано кровью ее матери. Остальные твари тоже неумолимо надвигались.

Бен ловко скользнул в дверь подвала, захлопнул ее за собой и одним точным толчком вогнал в кованые стальные петли крепкий засов. Зомби принялись яростно биться о дверь и стены вокруг нее. Бен с трепетом прислушивался к их хриплому дыханию и звукам ожесточенной атаки. Но хотя оглушительный стук продолжался уже довольно долгое время, дверь выдерживала удары, не ослабевая. Тварям оказалось не под силу ее сломать. Бен в изнеможении опустился на верхнюю ступеньку лестницы, совершенно подавленный безнадежностью своего положения и сознанием того, что все, кто находился с ним в этом доме, уже погибли — все, кроме него.

Затем его пальцы нащупали карманный фонарь, который он оставил здесь, когда приходил проверить пробки. Включив его и направив луч перед собой, Бен начал медленно спускаться в подвал.

В свете фонаря он бросил взгляд на свою левую руку и с ужасом заметил, что она кровоточит. Девочка, Карен,— это она укусила его во время схватки.

Застыв на середине лестницы, Бен с содроганием смотрел на глубокие отметины зубов на своей руке. Если он умрет, то превратится...

Он не позволил себе закончить эту кошмарную мысль о том, какая участь может его ожидать.

Удары в дверь подвала постепенно становились слабее и реже.

Хищники, пожиравшие останки убитой ими Барбары и дерущиеся друг с другом за каждый кусок, уходили из дома во двор, где другие упыри уже рвали зубами еще теплое мясо и обгладывали обнажившиеся тонкие кости.

У подножия лестницы луч фонаря выхватил из темноты мертвенно-бледное лицо Гарри Купера и его неесте-

ственно вывернутую руку, которая была прогрызена возле локтя почти до самой кости.

И в этот момент веки Гарри начали едва заметно дрожать... и его мертвые глаза приоткрылись...

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Тишину и спокойствие утреннего леса нарушили звуки проснувшегося лагеря. Холодный туман повис над полем, в котором ночевал отряд, и пока люди, разминая затекшие со сна и натруженные за вчерашний день ноги, медленно сходились к указанной Маклелланом поляне, из их ртов при дыхании вырывался белесый пар. Они почти не разговаривали, однако держались вместе, собравшись в маленькие группы на тот случай, если зомби неожиданно нападут на них из тумана.

Джордж Хендерсон сплюнул на землю и, недовольно поморщившись, сказал, обращаясь к шерифу:

— Просто удивительно, как могло быть так жарко вчера и такой холод сейчас. Того и гляди пойдет дождь.

— Нет,— ответил Маклеллан.— Я слышал метеосводку. Солнце взойдет и рассеет этот туман за несколько часов.

— Будет очень хреново, если начнется дождь и ребятам придется весь день тащиться по грязи,— сказал Джордж.— Тогда кто-то может и не дожидаться помощи...

Пока двое мужчин негромко разговаривали, большой белый джип, натужно рыча, двигался кругами по полю, медленно пробираясь сквозь высокую мокрую траву, а двое парней шли за ним и, время от времени останавливаясь, подбирали сложенные спальные мешки и палатки и бросали их в кузов.

Все костры были уже потушены, и на их месте по всему полю виднелись теперь мокрые от утренней росы

черные круги остывшей золы, возле которых лежали снятые палатки и свернутые спальные мешки.

— Поторапливайтесь, парни! — крикнул Маклеллан. — Как бы вам понравилось, если бы ваши жены или дочери дожидались сейчас, пока вы оторвете свои задницы и придете к ним на помощь?

Люди стали двигаться побыстрее.

Вскоре все они собрались на широкой поляне, где еще совсем недавно стояла палатка Маклеллана.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

По мере того как Бен осторожно опускался по лестнице, пятно света на лице Гарри Купера становилось все ярче. Бен пошевелил фонариком, чтобы осветить всю картину. Гарри лежал мертвый в луже густеющей крови с прогрызенной насквозь рукой. Элен тоже была мертва и лежала неподалеку от него, из ее искромсанной груди торчала садовая лопатка.

Вдруг веки Гарри напряженно вздрогнули, и он широко раскрыл глаза. Затем начал садиться. Держа фонарь в одной руке, а винтовку в другой, Бен подошел почти вплотную к нему и, тщательно прицелившись, с дрожью отвращения нажал на курок. Его всего передернуло, когда пуля снесла верхнюю часть головы Гарри, и оглушительное эхо выстрела ударило в бетонные стены подвала.

Бен опустил взгляд, направив луч фонаря себе под ноги, и испуганно вздрогнул, заметив свежие пятна крови на штанинах своих брюк.

Но затем он вспомнил про Элен и решил посмотреть на нее.

Все тело женщины было покрыто огромными сгустками крови, которая все еще сочилась из ее раскрытого

рта, ноздрей и трещин в черепе. Волосы слиплись в сплошную кровавую массу, а одного глаза не доставало. На боках — там, где мясо было обглодано, — в свете фонаря белели обнаженные кости. Спустя некоторое время она тоже открыла глаза — и Бен выстрелил. Ее тело судорожно выгнулось и передернулось резким конвульсивным движением, когда пуля прошла через мозг.

В безысходном отчаянии Бен отшвырнул винтовку и закрыл ладонями глаза. Горькие слезы катились по его дрожащим щекам, когда он перешагивал через изуродованные трупы. Он обвел вокруг себя лучом фонаря, и невыносимое одиночество навалилось на него всей своей непомерной тяжестью, отнимая и без того скудный остаток душевных сил. Взгляд Бена упал на дощатый верстак, послуживший смертным одром для бедной Карен. В приступе ярости он с грохотом опрокинул его и начал бесцельно слоняться взад-вперед по подвалу, спотыкаясь в темноте о предметы, на которые не падал свет фонаря. Мучительно гнетущая атмосфера этого мрачного подземелья заставила Бена почувствовать себя заживо погребенным.

Наверное, это справедливо. Ведь Том, Джуди, Барбара, Гарри, Элен, Карен — все мертвы.

Все они уже умерли.

Все.

Если бы только грузовик не загорелся тогда...

Если бы...

Если бы...

Немного взяв себя в руки, Бен подобрал винтовку и уже более внимательно огляделся вокруг, одновременно направляя в темноту луч фонаря и ствол «Винчестера». Его глаза искали возможные очаги опасности и уязвимые места подвала. Двигаясь медленно и осторожно, он заглядывал за картонные коробки и в темные углы помещения.

Но никого вокруг не было. Никто не прятался в темноте. Лишь отвратительные останки Элен и Гарри Купера лежали на холодных ступеньках лестницы.

Бен опустился на пол в углу, прижался плечом к бетонной стене и тихо заплакал.

Потом посмотрел на рану в своей руке и пятна крови на штанинах брюк.

Шум тварей наверху полностью прекратился. Но, возможно, некоторые из них еще находились в доме, притаившись где-нибудь в темных комнатах.

От непомерной усталости Бен уронил наконец голову на грудь и провалился в глубокий тяжелый сон.

Его последние мысли были о детях.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Раннее утро.

Пение птиц. Вдалеке слышны голоса и лай собак.

Поднимающееся все выше солнце светит ярко и горячо. Роса сверкает в густой траве на опушке леса.

Голоса приближаются.

Шум вертолета.

Люди с ружьями и собаками на поводках выходят из леса на луг. Крики... Приглушенные разговоры... Собаки с лаем рвутся вперед и натягивают поводки. Отряд шерифа Маклеллана снова двинулся в путь.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Бен вздрогнул и открыл глаза, с тревогой оглядываясь вокруг.

Ему показалось, что он слышал шум вертолета. Хотя, возможно, это ему приснилось.

Он напряженно прислушался.

Тишина.

Но затем вдалеке послышался едва различимый звук мотора и биение металлических лопастей.

Вертолет. Точно.

Бен сжал в руках винтовку и весь обратился в слух. Вокруг больше не было той крошечной темноты, что несколько часов назад, но и по-настоящему светло тоже не стало. Подвал оставался неприветливо-сумрачным и сырым. Те немногие лучи солнца, что проникали сюда через крошечные окошки под потолком, окрашивали все в унылые серые тона.

Шум вертолета приближался... Но затем снова начал стихать. Бен изо всех сил напряг свой слух, однако не мог уловить больше никаких признаков человеческой деятельности.

В конце концов, осторожно ступая по залитому кровью полу, он с содроганием перешагнул через растерзанные тела Элен и Гарри Купера и начал крадучись подниматься по лестнице.

Скрипнула ступенька, и Бен вздрогнул, но остановился лишь на секунду, а затем продолжил свое движение к запертой дубовой двери.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

Группа вооруженных мужчин, двое из которых вели на длинных поводках немецких овчарок, вышли из леса на край залитого солнцем росистого луга. Они остановились и внимательно огляделись вокруг, изучая луг в поисках возможной опасности. Их ботинки и штанины брюк были мокрыми от ходьбы по высокой влажной траве.

Вслед за ними, с трудом переводя дыхание, из зарослей появился шериф Маклеллан. При его солидной комплекции ему было не так-то легко вести людей через чащу, особенно если учесть, что ни у кого из них еще не было

сегодня времени, чтобы поесть или передохнуть. Он был вооружен карабином и пистолетом, а его мощную грудь стягивали тяжелые ленты патронташей. Шериф остановился, глянул через плечо в сторону леса и грязным скомканным носовым платком вытер со лба крупный пот.

Остальные люди все еще пробирались сквозь заросли к опушке. Маклеллан прикрикнул на них.

— Эй, вы! Подтянитесь! Неизвестно еще, что нас тут...

Он замолчал, оборвав себя на полуслове, когда его помощник Джордж Хендерсон подошел к нему и раскрыл рот, чтобы что-то сказать.

Но шериф заговорил первым:

— Ты поддерживаешь связь с дежурными машинами? — спросил он.

Джордж держал в руках автомат, на поясе у него болталась кобура револьвера, а лоб перетягивала широкая повязка от пота. За спиной Хендерсона висела переносная полевая рация. Тяжело дыша, он наклонился вперед и, слегка подпрыгнув, поправил ремни своей увесистой ноши.

— Да... они знают, где мы. Они перехватят нас возле фермы Миллеров.

— Хорошо, — кивнул Маклеллан. — Ребята устали, как собаки. Им бы не помешало передохнуть и выпить горячего кофе... — Затем, обернувшись к лесу, он крикнул тем, кто отстал и только еще подтягивался к поляне:

— Давайте-ка поторопимся — возле дома нас будут ждать машины с кофе и сэндвичами!

Мужчины, ускорив шаг, пересекли широкий луг и через несколько минут уже начали осторожно прокладывать свой путь сквозь узкую полоску леса на другой его стороне.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Стоя на верхней ступеньке лестницы, Бен напряженно вслушивался сквозь дверь в звуки, доносящиеся снаружи.

Уже долгое время ему не удавалось вновь расслышать шум вертолета. Возможно, он приземлился где-то или улетел совсем. Бен подумал, что если бы он был наверху, то смог бы, наверное, выбежать на лужайку и как-то привлечь к себе внимание.

Затем откуда-то издалека до его слуха донесся отчетливый звук — это был лай собаки.

Он долго прислушивался, но больше ничего различить не мог.

Постепенно им начало овладевать сильнейшее искушение отпереть дверь и выйти наружу, чтобы как следует разобраться в обстановке.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

Когда люди Маклеллана миновали узкую полосу деревьев на противоположной стороне луга, их взору открылось сельское кладбище — то самое, куда приехали Барбара и Джонни, чтобы возложить венок на могилу своего отца. Отряд продолжал двигаться дальше, прочесывая густые заросли высоких сорняков между надгробиями.

Подойдя к тому месту, где спуск ведущей к кладбищу грязной проселочной дороги сменялся невысоким подъемом, спасатели нашли автомобиль Барбары с выбитым боковым стеклом. Фары его были включены, но аккумулятор давно уже разрядился. Удивило всех то, что в машине не обнаружилось следов крови и нигде поблизости не было видно трупов.

— Возможно, тому, кто здесь был, удалось спас-

тись,— с надеждой сказал Маклеллан.— Ну, пошли, ребята. Нам здесь нечего делать.

Отряд миновал кладбище и вышел на двухрядное асфальтовое шоссе, где уже стояли в ожидании машины обеспечения. Возле них находились двое полицейских на мотоциклах, один из которых спешился и помахал рукой, приветствуя Маклеллана.

— Привет, шериф! Как идут дела?

Маклеллан, вытирая со лба пот, подошел и протянул полисмену руку. Его люди тем временем продолжали подтягиваться и собирались вокруг машин.

— Чертовски рад тебя видеть, Чарли! — улыбнулся Маклеллан.— Мы всю ночь были неподалеку отсюда, но я все равно не хочу останавливаться, пока мы не доберемся до фермы Миллеров. Пока мы тут крутимся, кто-то там может ждать помощи, так что мы сначала осмотрим дом, а уж затем сделаем привал и выпьем кофе.

— Конечно, шериф,— понимающе кивнул полицейский.

Двое мужчин посмотрели на собирающихся вокруг людей, которые уже заполнили почти все полотно дороги.

— Перебирайтесь через этот забор и идите полем! — скомандовал Джордж Хендерсон.— За ним и увидите старую ферму.

Сам он, не торопясь, снял со спины тяжелую рацию и передал ее одному из полицейских, сидящих в машине сопровождения. А потом во главе группы стрелков направился через поле к дому Миллеров.

Почти сразу же зазвучали выстрелы.

— Твари! Они повсюду вокруг дома! — раздался чей-то взволнованный голос, и грохот стрельбы разорвал утреннюю тишину.

Все больше людей постепенно подтягивались к дому и тоже открывали огонь.

Почуввав трупы, полицейские собаки зарычали и натянули поводки.

Отряд плотной цепью двигался через поле, охватывая кольцом старый дом и гараж с бензоколонками, возле

которых тщетно пытались спрятаться несколько зомби — они были сразу же обнаружены и пристрелены.

Ближе к дому тварей стало еще больше, но стрелки продолжали организованно продвигаться вперед, осыпая мертвецов-каннибалов градом пуль.

Несколько тварей попытались укрыться в кабине сгоревшего грузовика, но и там их настиг сокрушительный шквал свинца. Те из них, кому сразу не попали в голову, пробовали бежать, но несколько метких выстрелов тут же вышибли их смердящие гнилые мозги.

Каждый раз, когда поверженный зомби падал, кто-нибудь их спасателей подходил к нему и с помощью мачете одним ударом отделял простреленную голову от мертвого тела. И тогда уже можно было точно сказать, что поганая тварь никогда больше не поднимется на ноги.

Более получаса эхо выстрелов непрерывно носилось над полем, распугивая птиц в лесу, окружавшем старый дом Миллеров.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

Бен, все еще стоявший на верхней ступеньке лестницы, теперь уже наверняка знал, что снаружи есть люди. Грохот стрельбы не оставлял в этом никаких сомнений. И Бену показалось даже, что он слышал шум подъехавшего к дому автомобиля. Однако он все еще опасался открывать дверь, поскольку несколько тварей могло до сих пор оставаться в доме. И тем не менее он знал, что открыть дверь ему все же придется...

Медленно, стараясь не шуметь, он начал вынимать из петель тяжелый засов.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Шериф выстрелил, и зомби, стоявший в пятидесяти футах от него, судорожным движением прижав руки к лицу, рухнул на землю с глухим стуком, как мешок с картошкой.

Прозвучали еще два выстрела, и пара других тварей тоже упала наземь.

— Эй, ребята! Давайте сюда! — прокричал Маклеллан. — Тут еще трое захотели в костер.

Несколько человек с мачете в руках подошли к шерифу и молниеносно обезглавили поверженных хищников.

Маклеллан и его люди были уже на лужайке перед самым домом. Они почти непрерывно стреляли, уничтожая обступивших дом многочисленных мертвецов.

— Стреляйте между глаз! — крикнул шериф. — Как я вас учил... всегда цельтесь прямо между глаз!

Частый треск выстрелов не прекращался до тех пор, пока отряд не окружил дом со всех сторон.

Затем, когда уже все твари в поле зрения спасателей были уничтожены, наступила звенящая тишина, и люди медленно стали оглядываться вокруг, изучая окрестности в поисках новых мишеней для стрельбы.

Внезапно из дома раздался громкий шум, словно что-то тяжелое и громоздкое упало с большой высоты. Джордж Хендерсон инстинктивно вскинул автомат и приблизился к Маклеллану, начав вместе с ним напряженно прислушиваться и вглядываться в окна.

— Там внутри кто-то есть, — тихо сказал Хендерсон, хотя в этом не было никакой необходимости. — Я слышал шум.

В доме, приготовившись отбиваться до последнего, Бен резким ударом плеча распахнул дверь подвала. Сила инерции вынесла его на середину гостиной, которая оказалась совершенно пустой — тварей в комнате не было. Вокруг виднелись лишь следы тяжелой борьбы и разруше-



ний после недавнего штурма. Бен стал осторожно пробираться ко входной двери, ежесекундно переступая через обломки своих укреплений и перевернутую мебель. В комнате было тихо и сумрачно. Несмотря на то, что солнце давно уже встало, его лучи почти не проникали сюда сквозь густую листву окружающих дом деревьев. Отдельные доски, болтавшиеся на расшатанных, наполовину выдернутых гвоздях, все еще закрывали окна. Бен протянул руку к тому, что осталось от занавески. Он осторожно приподнял ткань и выглянул наружу, но увидеть ничего не успел — в этот момент совсем рядом раздался сухой щелчок, и Бен отшатнулся от неожиданного удара. На его лбу, прямо между глаз, появилось маленькое отверстие.

В ту же секунду Маклеллан свирепо крикнул:

— Какого черта ты стреляешь?! Я же сказал всем быть осторожнее — в доме могут быть люди!

Но человек, опускавший дымящийся револьвер, равнодушно ответил:

— Да нет, вы же видите — твари уже проникли в дом. Значит, каждый, кто был внутри, должен быть мертв. А если он мертв...

Несколько человек во главе с Джорджем Хендерсоном направились ко входной двери. Распахнув ее ударом ноги, они резко отпрянули назад, выставил перед собой оружие, и с опаской заглянули вовнутрь. Напряженные взгляды внимательно исследовали комнату. Полоса света, проникавшего через открытую дверь, падала на неподвижно лежащего Бена. Он был мертв. Вошедшие без особого сожаления посмотрели на него и прошли дальше, к двери подвала. Они не знали, что еще минуту назад он был человеком.

Вслед за группой Хендерсона в дом вошли и другие стрелки, и вместе с ребятами Джорджа принялись тщательно обследовать каждую комнату в поисках прячущихся по углам мертвецов. Два человека с machete в руках подошли к Бену и с безразличным видом стали отрубать его голову.

— Кто-то устроил здесь хорошую драку,— сказал Маклеллан Джорджу Хендерсону, когда они уже потягивали кофе на лужайке перед домом.— Чертовски жаль, что они не смогли продержаться еще немного.

— Я только никак не пойму, кто бы это мог быть...— задумчиво ответил Хендерсон, откусывая свой сандвич.— Уж во всяком случае не миссис Миллер. Мы нашли все, что от нее осталось, в комнате наверху. Но внука ее так и не удалось найти.

— Я думаю, мы никогда этого не узнаем,— тяжело вздохнул шериф.— Как, впрочем, и многого другого об этом чертовом деле...

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

Тело и голова Бена были брошены в костер вместе с другими останками. И руки в резиновых перчатках с усилием выдернули мясной крюк из его груди.

Затем куча мертвых тел и деревянного хлама была обильно полита керосином и прикосновение факела заставило ярко вспыхнуть все это жуткое нагромождение.

Люди смотрели на пылающий жаром костер, наблюдая, как мясо с шипением морщится, обугливается и исчезает, обнажая белые кости, подобно тому, как морщатся и исчезают буквы на чернеющей в пламени странице. Наконец они отошли от огня и направились туда, где можно было освободиться от своих крюков и перчаток и вымыть руки в чистом спирте.

Но невыносимое зловоние горячей плоти еще долго преследовало их.

РАССКАЗЫ

Переводы с английского
Сюзанны Алукард
и Вадима Терещенко

РОБЕРТ·БЛОХ



ВАШ ДРУГ
ДЖЕК
ПОПРОШИТЕСЬ

·1946·







окинул взглядом очередного посетителя. Передо мной стоял истинный англичанин, во всяком случае именно такими их обычно изображают на театральных подмостках. Он посмотрел на меня.

— Сэр Ги Холлис? — поинтересовался я.

— Да, это я. Имею ли честь говорить с мистером Джоном Кэр-моди, психиатром?

Я кивнул и жестом пригласил его сесть. Пока он церемонно усаживался, я успел скользнуть глазами по его фигуре, также заслуживавшей внимания. Сэр Ги был высок, худоща́в и светловолос. Традиционные усы непослушными пучками торчали по обе стороны. И одет он был, естественно, в костюм из твида. Я мог поклясться, что в жилетке у него спрятан монокль, а свой зонтик он оставил при входе в мой кабинет.

Но больше всего меня интересовало, какого черта этого сотрудника британского посольства занесло ко мне, незнакомцу из Чикаго?

Сэр Холлис сел, но дела не прояснил. Он прокашлялся, нервно огляделся и постучал трубкой о край моего стола. И только после этого заговорил:

— Мистер Кэрмоди,— начал он.— Вам когда-нибудь приходилось слышать о... Джеке Потрошителе?

— Об убийце? — уточнил я.

— Вот именно. О самом чудовищном убийце! О том, кто был похлеще Джека Неуловимого. О Джеке Потрошителе, о Кровавом Джеке.

— Да, я слышал о нем,— как можно спокойнее сказал я.

— А вам известна его история?

— Послушайте, сэр Ги,— перебил я англичанина.— Я думаю, нам не стоит перемалывать обывательские сплетни о похождениях известных преступников.

И тут он снова поразил меня: глубоко вздохнув, он решительно заявил:

— Это не обывательские сплетни, а дело жизни и смерти!

И вдруг его словно прорвало. Через минуту англичанин увлекся до такой степени, что остановить его было уже невозможно. Выбора не оставалось — я приготовился слушать. В конце концов, нам, психиатрам, за то и платят, что мы выслушиваем всякий бред.

— Валяйте,— сдался я.— Выкладывайте все!

Сэр Ги раскурил трубку и приступил к своему рассказу:

«Лондон,— объявил он.— 1888 год. Конец лета и самая ранняя осень. Именно тогда все это и началось. Невесть откуда появилась мрачная фигура Джека Потрошителя — жуткое чудовище с ножом в руке. Его зловещая тень витала по Лондону, в Ист-энде. Он незаметно проникал в самые злые уголки Уайтчепеля и Спайтфилдса. Никто не знал, откуда он появился, но он принес с собой смерть. Смерть на острие своего ножа...

Шесть раз опускался этот нож, перерезая горло лондонским потаскухам и проституткам, промышлявшим в трущобах. Седьмое августа — вот дата первого убийства. Ее нашли наутро с тридцатью девятью ножевыми ранами на теле. Сграшное убийство! И тридцать первого августа

было совершено еще одно. Преступником заинтересовалась пресса. Жители трущоб начали волноваться.

Все жаждали узнать, кто этот кровавый злодей, беспрепятственно проникающий под покровом темноты в узкие переулки и творящий свое черное дело. И, что самое важное,— когда он появится вновь?

Он появился восьмого сентября. Скотланд-Ярд выделил специальных сыщиков. Слухи разрастались, люди только и говорили о зверствах неизвестного.

Убийца в совершенстве владел ножом. Сначала он перерезал горло, а потом вырезал из тела определенные органы, уже после смерти. С исключительным старанием он выбирал свои жертвы и место убийства — никто ни разу не видел и не слышал его. Но сыщики, прогуливаясь утром по переулкам Ист-энда, находили изуродованные трупы — дело рук Кровавого Джека.

Кто же он такой: безумный хирург, профессиональный убийца, спятивший ученый, дегенерат, сбежавший из сумасшедшего дома, психически больной дворянин или лондонский полицейский?.. Ответа на эти вопросы не было.

А потом в газетах появилось стихотворение. Анонимный стишок, напечатанный с тем чтобы приостановить слухи, только подогрел интерес к преступнику. Вот это четверостишие:

«Я не колдун и не маньяк,
Не враг и не губитель.
Я не убийца. Знайте, я —
Ваш друг Джек Потрошитель».

И тридцатого сентября он зарезал еще двух женщин».

Тут я на секунду перебил сэра Ги:

— Все это, конечно, очень интересно... — заметил я, но боюсь, что в моем голосе уже слишком явно сквозил сарказм.

Он нервно мигнул, но рассказа своего не прервал:

«Потом в Лондоне наступило затишье. Затишье, пронизанное мучительным страхом. Когда Кровавый Джек появится снова? Его ждали весь октябрь. В каждом темном переулке прятался его призрак. Причем прятался довольно удачно — никто не узнал ничего ни о личности Потрошителя, ни о его намерениях. К началу ноября лондонские проститутки буквально дрожали от страха и неизвестности и каждое утро благодарили бога за то, что еще видят солнце.

И вот наступает девятое ноября. Убитую нашли в ее собственной комнате. Она лежала на кровати мирно и безмятежно, с аккуратно сложенными руками. А рядом с ней так же аккуратно покоились ее голова и сердце. Злодей превзошел самого себя.

В городе началась паника. Но паника эта была уже лишней. И хотя полиция, пресса и все жители Лондона с ужасом ожидали следующего убийства, Джек Потрошитель больше не появился.

Прошел год. Интерес к преступнику начал постепенно стихать, но память о нем осталась. Некоторые говорили, что Джек переехал в Америку, другие утверждали, будто он совершил самоубийство. В те годы многое и говорили, и писали на эту тему. Появлялись самые разные теории, гипотезы, аргументы, выходили даже целые трактаты о нем. Но до сих пор так никто и не знает, кто он — этот Джек Потрошитель. И для чего совершал свои убийства. А также — почему эти убийства неожиданно прекратились».

Сэр Ги замолчал. Очевидно, он ожидал от меня каких-то комментариев.

— Вы прекрасно изложили мне всю историю, — сказал я. — Хотя, на мой взгляд, и с небольшим предубеждением...

— Но у меня есть документы, — возразил англичанин. — Я собрал целую коллекцию данных и тщательно изучил их!

Я встал.

— Ну что ж, — тут я притворно зевнул и потянулся. — Мне понравилась ваша сказка, сэр Ги. Как раз такие и рассказывают перед сном. С вашей стороны было очень любезно оставить все дела в британском посольстве, навестить бедного психиатра и позабавить его милыми анекдотами.

Я знал, что этим только подстрекну его.

— Я думаю, вам будет интересно узнать, почему же я все-таки занялся этим? — резко спросил он.

— Да. Именно это я и хотел выяснить. Почему вас это так интересует?

— Потому что, — многозначительно подняв палец вверх, сообщил мне сэр Ги, — сейчас я попал на след Джека Потрошителя. И у меня есть все основания полагать, что он здесь — в Чикаго!

Я сел. На этот раз заморгал уже я.

— Повторите еще раз, — заикаясь, попросил я англичанина.

— Джек Потрошитель жив! Он здесь, в Чикаго, и я собираюсь его найти.

— Подождите минуточку, — перебил я его. — ПОДОЖДИТЕ МИНУТОЧКУ!

Но он не улыбался. И не шутил.

— Послушайте, — сказал я. — Когда, вы говорите, были совершены эти убийства?

— С августа по ноябрь 1888 года.

— То есть почти шестьдесят лет назад? Позвольте, но если Джек Потрошитель был тогда взрослым человеком, то сейчас он наверняка уже умер. Да даже если бы он только родился в том году, сейчас ему было бы уже пятьдесят семь лет!

— Неужели? — хитро улыбнулся сэр Ги. — Неужели ему было бы пятьдесят семь? Или, можно сказать, ей было бы. Потому что Джек Потрошитель мог оказаться и женщиной. И вообще кем угодно!

— Сэр Ги, — сказал я. — Вы, по-моему, пришли как

раз туда, куда вам надо. Вы несомненно нуждаетесь в помощи психиатра.

— Возможно. Но скажите мне, мистер Кэрмоди, вы действительно считаете меня сумасшедшим?

Я посмотрел на него и пожал плечами. Но пришлось отвечать правду:

— Честно говоря, нет.

— Тогда, может быть, вы послушаете, почему я считаю, что Джек Потрошитель до сих пор жив?

— Непременно.

Сэр Ги глубоко вздохнул.

«Тридцать лет я изучал эти убийства. Я был на местах происшествий, разговаривал с официальными лицами, виделся с друзьями и знакомыми несчастных убитых потаскушек. Целыми днями я бродил по районам убийств с людьми, имевшими хоть малейшее отношение к этому делу. Я собрал целую библиотеку из материалов, посвященных Джеку Потрошителю, проштудировал самые безумные идеи и предположения.

И я кое-что понял. Не так уж и много, но кое-что. Не буду долго утомлять вас своими рассуждениями, однако скажу, что была и еще одна сторона моих исследований, которая тоже принесла свои плоды: я изучал нераскрытые убийства. Я мог бы показать вам вырезки из газет многих городов земного шара — Сан-Франциско, Шанхай, Калькутта, Омск, Париж, Берлин, Претория, Каир, Милан, Аделаида...

Здесь-то я и напал на след, на некую закономерность. Эти нераскрытые убийства... Зарезанные женщины... Когда после смерти были вынуты отдельные органы. Да, я шел по его кровавому следу от Нью-Йорка на запад через весь континент, к берегам Тихого Океана. Оттуда — в Африку. Во время первой мировой войны он находился в Европе. Потом перебрался в Южную Америку. А с 1930 года — снова в США. Я тщательно изучил восемьдесят семь похожих убийств, и, с точки зрения опытного криминолога, все они — дело рук Джека Потрошителя.

Совсем недавно произошли так называемые «убийства с расчленением» в Кливленде. Помните? Страшная цепь преступлений! И, наконец, за последние шесть месяцев — два случая в Чикаго. Один в Южном Дирборне, второй — где-то в Холстеде. Такие же самые убийства, та же технология. Могу вас уверить, что все эти преступления — работа Кровавого Джека!»

Я улыбнулся.

— Что ж, неплохая теория. Я не буду спрашивать, какие у вас есть доказательства и какие дедукционные методы вы применяли... Вы криминолог, вам и карты в руки, и я поверю вам на слово. Но объясните мне только одно. Так, сущую безделицу, но, может быть, о ней тоже стоит упомянуть.

— Что же это такое? — надменно спросил сэр Ги.

— Как же может человек, ну, скажем, лет восьмидесяти пяти, совершать подобные преступления? Ведь если в 1888 году Потрошителю было, допустим, тридцать, то теперь ему никак не меньше восьмидесяти!

Сэр Ги долго молчал. Я уже было вздохнул с облегчением, как вдруг он снова заговорил:

— А что, если он НЕ СТАРЕЛ? — прошептал англичанин.

— Что?!

— Предположите, что Джек Потрошитель не старел. Представьте себе на минуту, что он до сих пор выглядит, как юноша.

— Прекрасно, — сказал я. — Я могу предположить это на минуту. Но ровно через минуту я должен буду перестать предполагать и позвать своих санитаров, чтобы вас связали.

— Я говорю вполне серьезно! — возмутился сэр Ги.

— Все вы серьезные, — с тоской процедил я, глядя в окно. — И это самое печальное. Вам так не кажется? Все сумасшедшие уверены в том, что слышат голоса и видят демонов. Но тем не менее мы держим их в изоляторах.

Это было уже откровенной жестокостью с моей стороны, но на него подействовало. Он встал и заглянул мне в лицо.

— Да, это безумная теория, я с вами согласен,— с жаром воскликнул он.— Но все теории, касающиеся Джека Потрошителя — сумасшедшие. Хотя бы мысль о том, что он был врачом. Или женщиной. Ведь оснований утверждать это не было никаких! Не оставалось ни свидетелей, ни следов. Поэтому моя теория ничуть не хуже прочих.

— Но люди стареют, черт возьми! — не выдержал я.— Врач, маньяки, женщины — все.

— А как насчет некромантов?

— Некромантов?

— Да, все эти чародеи, колдуны, кудесники... Те, кто занимается черной магией...

— Ну и что же насчет колдунов? — насторожился я.

— Я изучал это,— сказал сэр Ги.— Я все изучал. Какое-то время я занимался датами убийств. И выявил закономерность, определенный ритм. Ритм солнечный, лунный и звездный. Так сказать, астральный аспект, астрологическую сторону дела...

Ситуация прояснялась: он явно был ненормальным. Но все же я вынужден был слушать его дальше.

— Представьте себе, что Джек Потрошитель совершал убийства не просто ради самих убийств, как это делают заурядные маньяки, а что ему нужно было приносить жертвы.

— Какие еще жертвы? — спросил я уже с явной безнадежностью в голосе.

Сэр Ги пожал плечами.

— Говорят, что если пролить кровь для нечистых богов, то они одарят вас. Но только, если эта кровь будет пролита в определенное время, когда благоприятно располагаются луна и звезды, и при соблюдении определенного ритуала... Вот тогда они и даруют вам молодость. Вечную молодость...

— Но это же бред!

— Нет. Это — Джек Потрошитель.

Я встал.

— Это весьма занимательная теория, — сказал я. — Но, сэр Ги, теперь меня интересует только одно — почему вы пришли сюда и все это мне рассказываете? Ведь я не специалист по колдовству, не полицейский и не криминолог. Я психиатр и не вижу тут никакой связи...

Англичанин неожиданно заулыбался.

— Итак, вы заинтересовались? — спросил он.

— Ну, хорошо. Я заинтересовался. Допустим, в этом что-то есть.

— Конечно же, есть! Но сначала мне нужно было убедиться, что вы действительно заинтересуетесь. Теперь я могу посвятить вас в свой план.

— И что же это за план?

Сэр Ги пристально посмотрел на меня.

— Мистер Кэрмоди, — торжественно произнес он. — Мы с вами поймаем Джека Потрошителя!

* * *

Так все это и началось. Я специально рассказал о нашей первой встрече со всеми подробностями, потому что считаю ее очень важным моментом: наш разговор проливает свет не только на характер сэра Ги и его манеры, но и позволяет понять, что все, случившееся потом...

Но к этому я еще со временем подойду.

Идея сэра Ги была довольно проста. Это была даже не идея, а своего рода интуитивный толчок.

«Вы знаете здесь массу людей, — сказал он. — Я уже справлялся об этом. Поэтому вы показались мне идеальным человеком для моего плана. Среди ваших знакомых много писателей, художников, поэтов — так называемых «представителей творческой интеллигенции». В сущности — это богема, странные и экзотические люди.

По некоторым причинам — нет смысла их называть — я пришел к заключению, что Джек Потрошитель принадлежит именно к этому кругу людей. Он очень эксцентричен. И я думаю, что если вы познакомите меня со своими друзьями, то вскоре я смогу так или иначе выйти на его след.»

— Ну, я-то согласен,— ответил я англичанину.— Но только как вы собираетесь его искать? Ведь вы утверждаете, что он может оказаться кем угодно. И жить где угодно. А вы даже не имеете представления о том, как он выглядит. Он может быть и стариком, и молодым человеком. Вы же сами только что говорили, что Джек Потрошитель — это внешность на любой вкус: богач, бедняк, нищий, вор, врач, адвокат... По-моему, у вас нет никаких шансов опознать его.

— Посмотрим,— вздохнул сэр Ги.— Но найти его я просто обязан. И причем немедленно.

— А к чему такая спешка?

Англичанин снова вздохнул.

— Потому что через два дня он опять совершит убийство.

— Вы в этом уверены?

— Абсолютно, как в движении звезд. Я же все рассчитал — убийства подчиняются определенному астрономическому ритму. Если, как я предполагаю, он совершает эти убийства для омоложения, то ему нужно принести следующую жертву в течение ближайших двух дней. Вспомните даты его первых убийств в Лондоне: седьмое августа, затем 31 августа, восьмое сентября, тридцатое сентября, девятое ноября. Перерывы идут в 24 дня, 9 дней и 22 дня — тогда он убивает сразу двоих — а потом наступает затишье на 40 дней. Конечно, между этими числами тоже происходили убийства. Так и должно быть. Но они или раскрывались, или же не приписываются ему.

Во всяком случае, руководствуясь своими записями, я смог рассчитать его ритм. И со всей определенностью говорю вам, что в течение двух ближайших дней будет

совершенно еще одно преступление. Поэтому мне надо немедленно разыскать его, прежде чем он успеет совершить очередное убийство.

— И все же мне непонятно, зачем вам понадобился я.

— Возьмите меня в гости,— сказал сэр Ги.— Представьте своим знакомым, свозите на вечеринки...

— Но с кого начать? Насколько мне известно, все мои богемные друзья, несмотря на свою эксцентричность,— вполне нормальные люди.

— И Потрошитель тоже нормальный. Абсолютно нормальный. За исключением некоторых ночей.— И опять в глазах сэра Ги я увидел какую-то пустоту и отчужденность.— И тогда он становится патологическим чудовищем, не имеющим возраста, он ползет вперед с единственной целью — убить. И звезды сияют ему, когда он идет убивать.

— Ну, хорошо,— сдался я.— Хорошо. Я возьму вас на вечеринку, сэр Ги. Я и сам хотел куда-нибудь пойти. В конце концов, мне необходимо выпить после всего, что вы тут нарасказывали.

Мы обсудили план. И в этот же вечер я взял его с собой в студию Лестера Бастона.

Пока мы поднимались в лифте на верхний этаж дома, я успел предупредить сэра Ги:

— Бастон — настоящий сумасброд. И все его гости тоже. Так что будьте готовы ко всему.

— Уже готов,— сэр Ги Холлис был абсолютно серьезен. Он сунул руку в карман брюк и вынул оттуда пистолет.

— Какого черта?! — начал было я.

— Если я увижу его, то должен быть наготове,— прервал меня англичанин. Он не улыбался.

— Послушайте, не можете же вы веселиться на вечеринке с заряженным пистолетом в кармане!

— Не волнуйтесь. Глупостей я не наделаю.

Я задумался. По моему мнению, сэр Ги все же был не вполне здоров.

Мы вышли из лифта и направились к квартире Бастона.

— Между прочим,— прошептал я,— как вы хотите, чтобы я вас представил? Должен ли я им сообщать, кто вы такой и что здесь делаете?

— Мне безразлично. Наверное, лучше сказать всю правду.

— А вам не кажется, что Потрошитель — если вдруг произойдет чудо, и он окажется среди нас — немедленно скроется или замаскируется?

— Мне кажется, что от шока, который произведет мое признание, что я охочусь за ним, он чем-нибудь обязательно выдаст себя,— парировал сэр Ги.

— Из вас получился бы неплохой психиатр,— заметил я.— По крайней мере в психологическом отношении ваша теория — не самая худшая. Но я вас хочу предупредить, что над вами будут подшучивать. Это совершенно безумная компания!

Сэр Ги улыбнулся.

— Я готов,— произнес он.— И кроме того, у меня есть кое-какой план. Поэтому не удивляйтесь ничему, что я сделаю,— предупредил он.

Я кивнул и постучался в дверь.

Бастон открыл дверь сам и молча проводил нас в просторный холл. Глаза у него уже были такого же цвета, как и вишенки, плавающие в его коктейле. Некоторое время он очень серьезно рассматривал нас, мерно покачиваясь из стороны в сторону. Потом прищурился и, придирчиво осмотрев мою фетровую шляпу и усы сэра Ги, громогласно объявил:

— Ба! К нам явились Плотник и Морж!¹

Я представил сэра Ги.

— Добро пожаловать,— просиял Бастон и изысканным жестом пригласил нас пройти в шумную гостиную. Сам он нетвердой походкой двинулся вслед за нами.

¹ Плотник и Морж — герои известной книги Льюиса Кэрролла «Алиса в стране чудес». (Прим. перев.).

Еще из холла я увидел множество людей, спующих по комнате в сигаретном дыму. Вечеринка только началась, но каждый гость уже держал в руке стакан со спиртным, и лица у всех были раскрасневшиеся. В углу кто-то в полную громкость играл на пианино марш из «Любви к трем апельсинам», но это ничуть не мешало азартной игре в кости, которая шла полным ходом в другом углу.

Прокофьев не смог состязаться с любителями поиграть, и костяшки клавиш гремели не громче, чем игральные кости.

Сэр Ги сразу же воспользовался своим моноклем. Он увидел здесь поэтессу Ла Верне Гоннистер, встретился взглядом с Гими Крэликом. Гими лежал на полу и безутешно рыдал до тех пор, пока проходящий мимо за выпивкой Дик Пул не наступил ему случайно на живот.

Англичанин услышал, как коммерческая художница Надя Вилинофф говорила Джону Окдattu, что татуировка на нем просто безобразная и безвкусная, а потом увидел, как Бэркли Мелтон полз куда-то под обеденным столом вместе с супругой Джонни Окдатта.

Эти наблюдения могли бы продолжаться до бесконечности, если бы неожиданно Лестер Бастон не вышел на середину ковра и не разбил большую вазу, чтобы привлечь всеобщее внимание.

— Сегодня среди нас присутствуют почетные гости, — выкрикнул Лестер, указывая пустым стаканом в нашу сторону. — Не кто иные, как Плотник и Морж. Морж — это сэр Ги Холлис, кто-то там из британского посольства. А Плотник, как вам известно, это наш дорогой Джон Кэрмоди, известный фармацевт и продавец мази от либидо.

Потом он повернулся, ухватил сэра Ги за рукав и вытащил на середину комнаты. На секунду мне показалось, что Холлис будет упираться, но он успел подмигнуть мне, и я успокоился. Видимо, он действительно был готов ко всему.

— У нас есть обычай, сэр Ги,— громко произнес Бастон,— подвергать всех наших новых друзей перекрестному допросу. Это просто небольшая формальность наших совершенно официальных собраний, понимаете? Вы готовы ответить на все наши вопросы?

Сэр Ги кивнул и хитро ухмыльнулся.

— Вот и хорошо,— пробурчал Бастон.— Друзья мои, я отдаю вам на растерзание нашего английского гостя. Пожалуйста, ваши вопросы...

И тут началась потеха. Я очень хотел послушать, но в эту минуту меня заметила Лидия Дэр и утащила с собой в вестибюль, как всегда уверяя на ходу, что она ждала меня и только меня целую вечность.

К тому времени, как мне удалось отделаться от нее и вернуться в гостиную, импровизированный допрос был уже в полном разгаре. По реакции толпы я понял, что сэр Ги отлично справляется со своей ролью.

И тут сам Бастон выступил вперед и задал вопрос, который спутал все наши карты:

— Но что же все-таки привело вас сюда, к нам? Какова ваша миссия, милый Морж?

— Я ищу Джека Потрошителя.

Тут, как вполне понятно, в гостиной наступила тишина.

Наверное, все были потрясены сказанным. Так же, как и я, когда впервые услышал от сэра Ги это имя. Я оглядел своих соседей и задумался:

«Ла Верне Гоннистер. Гими Крэлик. Совершенно безобидные люди. Дик Пул, Надя Вилинофф, Джонни Окдэтт с женой, Бэркли Мелтон, Лидия Дэр — все совершенно безобидные.

Но какая натянутая улыбка у Дика Пула! И какая самоуверенная, чуть заметная для окружающих ухмылка на лице Бэркли Мелтона!..»

Конечно, все это было нелепо, я понимаю сам. Но впервые в жизни я посмотрел на этих людей с другой стороны: я задумался об их жизни — о тех секретах, которые они могли иметь за пределами наших вечеринок.

«Сколько же людей могут хранить свои тайны, а перед другими просто притворяться?

Кто из них мог бы поклоняться дьяволу и приносить ему страшные кровавые жертвы?

Даже сам Лестер Бастон запросто мог оказаться «темной лошадкой»!»

Через некоторое время мне показалось, что мое настроение начало передаваться и всей компании. Я увидел вокруг себя вопросительные взгляды.

Сэр Ги стоял в середине, и могу поклясться, что он сознавал, какую заварил кашу, и молча наслаждался этим.

Я рассуждал про себя, почему же он такой странный и непонятный. И зачем ему так понадобился этот Джек Потрошитель? Может быть, ему самому есть что скрывать?..

Как всегда, первым опомнился Бастон и помог разрешить это недоразумение. Он все перевел в шутку.

— А ведь сэр Морж не шутит, друзья мои,— сказал он и похлопал сэра Ги по спине, потом обнял его и произнес: — Наш брат из Англии действительно напал на след известного сказочного убийцы. А вы же помните, я надеюсь, Джека Потрошителя? Это был большой шутник в старые добрые времена, особенно когда выходил на промысел...

Так вот, у Моржа есть кое-какие соображения, и он считает, что Потрошитель еще жив и рыщет сейчас по Чикаго с бой-скаутским ножом в кармане. А известно ли вам,— тут Бастон на секунду замолчал и продолжил уже суфлерским шепотом,— что у него есть все основания полагать, что Джек Потрошитель сегодня находится среди нас?

Как и ожидалось, эта фраза была встречена взрывом смеха и благодарными улыбками дам. Бастон с укором посмотрел на Лидию Дэр.

— А девушкам тоже не надо смеяться,— многозначительно заметил он, погрозив ей пальцем.— Вы же знаете, что Джек Потрошитель может оказаться и женщиной — этаким Джилл Потрошительницей...

— Вы хотите сказать, что на самом деле подозреваете одного из нас? — взвизгнула Ла Верне Гоннистер и нервно улыбулась сэру Ги. — Но ведь этот самый Джек Потрошитель исчез целую вечность назад, разве нет? В 1888 году!

— Ага! — перебил ее Бастон. — Откуда вам так много известно, юная леди? Это подозрительно! Следите за ней, сэр Ги, она может оказаться и не такой уж молоденькой. У этих поэтесс всегда темное прошлое.

Напряжение прошло, общее настроение повышалось, и ситуация переросла в обычную шутку. Пианист смотрел на клавиши, размышляя, что бы повеселее сейчас сыграть, а Лидия Дэр уже поглядывала на кухню, где стояли готовые коктейли.

И тут Бастон сказал:

— А знаете что? У Моржа есть пистолет.

Одной рукой он быстро нащупал в кармане у сэра Ги пистолет и, прежде чем тот успел опомниться, вынул его.

Я уставился на сэра Ги, подумав, что Лестер, очевидно, зашел чересчур далеко. Но англичанин снова подмигнул мне, и я вспомнил, что он просил меня ни о чем не беспокоиться.

Итак, я стал ждать, что же пьяный Бастон придумает дальше.

— Давайте будем честными с нашим другом Моржом, — выкрикнул он. — Он приехал из далекой Англии, чтобы попасть к нам на вечеринку и выполнить свою миссию до конца. Если никто из вас не собирается добровольно сознаться, то я предлагаю дать ему возможность самому выяснить истину.

— Это каким же образом? — спросил Джонни Окдэтт.

— На одну минуту я выключу свет. А сэр Ги будет стоять здесь с пистолетом в руке. Если кто-то из нас — Джек Потрошитель, то у него появится возможность или сбежать, или — ну, скажем, покончить навсегда со своим преследователем. Так будет честно.

С моей точки зрения это было еще глупей, чем прозвуч-

чало. Но почему-то всем затея понравилась. Сэр Ги протестовал, но его уже не было слышно в общем шуме и гомоне, который последовал сразу же за предложением Бастона. И прежде чем я успел подойти к толпе поближе, чтобы высказать свое мнение на этот счет, Лестер протянул руку к выключателю, и все замолчали.

— Никто не шевелится,— произнес Бастон с напускной торжественностью.— В течение одной минуты мы остаемся в темноте, а возможно, что и во власти убийцы. По истечении этого времени я включу свет, и мы посмотрим, все ли остались на местах. Выбирайте своих соседей, дамы и господа!

И тут свет погас.

Кто-то засмеялся.

Я услышал в темноте какие-то шаги и бормотание. Потом чья-то рука провела по моему лицу.

Мои наручные часы затикали особенно громко. Но еще громче доносился до меня другой стук. Это билось мое собственное сердце.

Стоять в темноте в компании подвыпивших идиотов было и совсем уж нелепо. Но тем не менее какой-то настоящий ужас вползал в комнату по этому бархатному мраку.

Я подумал, что так же незаметно входил и Джек Потрошитель. И в руке у этого безумца был нож.

Однако, исходя из человеческих законов, Потрошитель мертв и превратился в прах уже много лет назад.

Но только, когда вы стоите в темноте, все человеческие законы постепенно тают, ибо здесь действуют лишь законы темноты; она прячет и защищает вас, и маска спадает с вашего лица. И вот внутри вас что-то растет, переполняет душу, и появляется какая-то пока еще неосознанная, бесформенная, но непреодолимая жажда, цель, которая сродни только самой темноте...

И тут раздался голос сэра Ги.

После этого я услышал, как что-то упало на пол. Бастон включил свет.

Все вскрикнули.

На полу лежал сэр Ги Холлис, тело его было неподвижно распростерто на ковре. В руке он все еще сжимал пистолет.

Я посмотрел на лица присутствующих и удивился тому, как много всяких выражений может создавать чувство страха.

Все гости были на месте, из комнаты никто не исчез. И тем не менее сэр Ги неподвижно лежал на ковре...

Ла Верне Гоннистер плакала и отворачивалась.

— Все в порядке! — Холлис вскочил на ноги. Он улыбался. — Неплохой эксперимент, а? Если бы среди вас оказался Джек Потрошитель и решил бы, что меня убили, то он наверняка бы чем-нибудь выдал себя в тот момент, когда зажегся свет и все увидели меня на полу.

Поэтому я убежден в полной невиновности вас всех вместе взятых и каждого в отдельности. Это был розыгрыш, друзья мои!

Измученные гости начали медленно обступать его.

— Может быть, нам пора идти, Джон? — спросил он меня. — Мне кажется, уже становится поздно.

Англичанин повернулся и направился к выходу. Я последовал за ним. Никто не проронил ни слова.

В общем, вечеринка после этого стала уже неинтересной.

* * *

Как мы и договорились, на следующий вечер я встретился с сэром Ги на углу 29-й улицы и Южного Холстеда.

После вчерашних событий я был готов уже ко всему на свете. Но сэр Ги выглядел вполне заурядно, он стоял, прислонившись спиной к зданию, и немного сгорбился, ожидая моего появления.

— Ага! — крикнул я и с разбегу наскочил на него. Он

улыбнулся. И только едва заметное движение руки к карману с пистолетом выдало его.

— Все готово для охоты? — весело спросил я.

— Да, — кивнул англичанин. — Я рад, что вы решили встретиться со мной безо всяких расспросов, — сказал он. — Это значит, что вы мне доверяете.

С этими словами он взял меня под руку и повел по улице.

— Посмотрите, Джон, какой сегодня туман, — сказал сэр Ги. — Прямо как в Лондоне.

Я кивнул.

— И довольно холодно для ноября...

Я снова кивнул и передернулся от холода. Было действительно очень сыро.

— Забавно, — удивлялся сэр Ги. — Лондонский туман и ноябрь. И место, и время убийств Потрошителя.

Я усмехнулся в темноте.

— Позвольте вам напомнить, сэр Ги, что это не Лондон, а Чикаго. И сейчас не ноябрь 1888 года; с тех пор прошло уже пятьдесят с лишним лет.

Холлис улыбнулся в ответ, но как-то нехорошо.

— Вот в этом я не совсем уверен, — мрачно проворчал он. — Оглянитесь вокруг. Посмотрите на эти темные переулки. Они так напоминают Ист-Энд! И уж им-то никак не меньше пятидесяти лет.

— Мы сейчас в негритянском районе Саут Кларк Стрит, — оборвал его я. — И мне до сих пор не понятно, зачем вы притащили меня сюда.

— По интуиции, — признался англичанин. — Исключительно по интуиции, Джон. Я хочу побродить по этим местам. Здешние переулки очень похожи на те трущобы, где совершал свои убийства Кровавый Джек. И вот здесь-то, Джон, мы его и поймаем. Да, это произойдет не при ярком свете богемных вечеринок, а именно здесь, в темноте. В темноте, где он сидит и поджидает своего часа.

— Поэтому вы и принесли с собой пистолет? — спро-

сил я, не в силах более скрывать нервного сарказма в голосе.

Все эти разговоры о необходимости поймать Джека Потрошителя, как оказалось, сильно подорвали мое душевное равновесие — гораздо сильнее, чем я мог предположить.

— Возможно, что нам понадобится пистолет,— задумчиво произнес сэр Ги.— И кроме того, сегодня особая ночь.

Я вздохнул. Мы брели по затуманенным пустым улочкам. Иногда нам встречались фонари, освещавшие входы забегаловок, но в других местах было совершенно темно. А мы все шли и шли по темным зловещим переулкам.

Мы ползли сквозь туман, как две жалкие личинки, барахтаясь в его сплошной пелене.

Когда эта мысль посетила меня, я невольно вздрогнул и поморщился; атмосфера начинала действовать мне на нервы. И я подумал, что если не возьму себя в руки, то стану таким же полоумным, как и сэр Ги.

— Неужели вы не видите, что здесь нет ни души? — наконец спросил я, нетерпеливо дернув его за рукав.

— Он обязательно должен появиться,— тихо ответил англичанин.— Его притянет сюда. Именно этого я и жду. Злое место привлекает зло, и он всегда совершает свои убийства в трущобах. Понимаете, это его слабость; у него прямо-таки страсть к бедным районам. И кроме того, женщины, которых он приносит в жертву, все время болтаются без дела в дешевых пивных и забегаловках больших городов.

Я улыбнулся.

— Ну, тогда давайте зайдем в какую-нибудь пивную или забегаловку,— предложил я.— А то я замерз и мне нужно выпить. Этот проклятый туман ломит кости. Вы, англичане, легко его переносите, а я люблю сидеть в тепле, и когда при этом вокруг сухо.

Мы перешли на другую сторону улицы и свернули за угол. Впереди сквозь белые облака тумана я различил

тусклый свет оголенной лампочки, сигнализирующей о близости пивной.

— Давайте попробуем зайти,— опять предложил я.— А то меня начинает знобить.

— Хорошо, ведите меня,— согласился сэр Ги.

Мы двинулись вниз по переулку и остановились перед входом в пивную. Я заглянул в окно.

— Чего же вы ждете? — недоуменно спросил он.

— Я просто смотрю, кто там внутри,— объяснил я.— Это очень опасное место, сэр Ги. Никогда нельзя предсказать, что здесь может произойти. И я предпочитаю обходить подобные места стороной. В этом негритянском районе не очень-то жалуют белых посетителей.

— Это вы правильно решили, Джон.

Через минуту я закончил свой осмотр.

— Похоже, внутри никого. Давайте зайдём.

Мы вошли в темный бар. Одинокая пыльная лампочка слабо мерцала над стойкой, но совсем не освещала внутренние кабины и столики.

За стойкой сидел огромный негр — эдакий черный великан с выступающей нижней челюстью и обезьяноподобным туловищем. Он почти не шевельнулся, когда мы вошли, но глаза его сразу же приоткрылись, и я понял, что он заметил нас и теперь рассматривает.

— Добрый вечер,— сказал я.

Негр не торопился отвечать. Сперва он хорошенько оглядел нас, а потом ухмыльнулся.

— Добрый вечер, джентльмены. Что желаете?

— Джин,— решил я.— Два джина. На улице очень холодно.

— Отлично, джентльмены.

Он налил джин, я расплатился и отнес стаканы к столу. Мы с сэром Ги тут же опорожнили их. Огненная жидкость сразу согрела нас.

Я снова подошел к бару и взял целую бутылку. Мы налили себе еще по одной. Огромный негр опять закрыл глаза и задремал, время от времени приоткрывая один глаз, чтобы следить за нашими действиями.

Часы над стойкой медленно отсчитывали секунды. На улице поднимался сильный ветер, разрывая туман в клочки. А мы с Холлисом спокойно сидели в теплом местечке и попивали свой джин.

Англичанин начал беседу, и вокруг нас собрались тени.

Сэр Ги говорил очень много и страстно. Сначала он повторил мне все, что рассказывал в моем кабинете в первый день нашего знакомства, как будто я должен был услышать это впервые. Бедные больные, которых преследует навязчивая идея, обычно именно так себя ведут.

Я слушал его очень внимательно. Потом налил ему джина. Потом еще раз.

Но алкоголь только сильнее развязал его язык. Как же он распространялся на эту тему! О ритуальных убийствах и продлении жизни неестественным путем — вся эта волшебная сказка вновь прошла перед моим мысленным взором. И конечно, Холлис не забывал добавлять, что, по его мнению, Потрошитель должен встретиться с ним именно сегодня.

Наверное, я поддразнивал его, и он распалялся все больше и больше.

— Ну ладно,— сказал я, не сдерживая нетерпения в голосе.— Давайте представим себе, что ваша теория верна. Даже если для этого нам придется забыть на время о законах природы и уверовать во множество предрассудков.

Но так и быть, ради поддержания разговора давайте допустим, что вы правы. Пусть Джек Потрошитель обнаружил способ продлевать собственную жизнь, принося в жертву людей. Как вы считаете, он долго путешествовал по всему свету, а сейчас находится в Чикаго и собирается совершить очередное убийство. Другими словами, давайте предположим, что все, о чем вы тут говорили — это святая истина. Ну и что из этого?

— Как это «что из этого»? — с возмущением воскликнул сэр Ги.

— Очень просто — что из этого?! — взорвался я. — Если все ваши бредовые рассказы и являются истиной, это еще не значит, что если вы будете преспокойно сидеть в этой чахлой забегаловке, то Джек Потрошитель непременно явится сюда и даст вам либо убить себя, либо выдать полиции. И, честно говоря, я толком не представляю себе, что вы будете с ним делать, если произойдет чудо и вы все же встретитесь.

Сэр Ги чуть не поперхнулся джином.

— Я схвачу эту грязную свинью, — сказал он, — поймаю его и выдам государству вместе со всеми бумагами и доказательствами в документах, которые я собирал много лет. Я потратил целое состояние, занимаясь этим делом, слышите вы, целое состояние! Если я найду его, то будут раскрыты сотни нераскрытых убийств, я уверен в этом.

Говорю вам, дикий зверь еще на свободе! Этот не имеющий возраста вечный зверь, приносящий в жертву темным богам человеческую кровь!

«Готово дело... — подумал я. — Неужели полбутылки спиртного могут вызвать у нормального человека такой словесный понос?» Но это было уже неважно. Сэр Ги налил себе еще. Я сидел и размышлял, что же мне с ним делать. Он быстро приближался к истерическому состоянию пьяницы.

— Вот еще что, — сказал я, но уже скорее для поддержания разговора, чем для получения информации. — Вы так и не объяснили мне, почему вы рассчитываете, что Джек Потрошитель непременно придет сюда.

— Он будет здесь, — уверенно заявил англичанин. — Я ясновидящий. Я это знаю.

Сэр Ги не был ясновидящим. Он был пьяным.

Все это пачинало сильно действовать мне на нервы и порядком раздражать. Мы просидели уже целый час, и все это время я вынужден был выслушивать пьяную болтовню идиота. В конце концов, он не был моим постоянным пациентом.

— Ну хватит, — сказал я и рукой преградил сэру Ги

путь к полупустой бутылке.— Вы и так много выпили. У меня есть предложение: давайте найдем такси и уберемся отсюда. Становится уже поздно, а ваш неуловимый друг, похоже, и не думает появляться.

Завтра я на вашем месте передал бы все бумаги и документы Федеральному Бюро Расследований. Если вы действительно так уверены в своей дикой версии, то они могли бы заняться этим и найти вашего преступника не хуже вас.

— Нет,— заупрямился англичанин.— Никаких такси!

— Но все равно, давайте уйдем отсюда,— сказал я, взглянув на часы.— Уже за полночь.

Сэр Ги вздохнул, пожал плечами и, пошатываясь, поднялся. Подходя к двери, он вдруг достал из кармана пистолет.

— Послушайте-ка, дайте мне его сюда,— шепнул я, чтобы не услышал бармен.— Нельзя ходить по улицам в пьяном виде и размахивать оружием.

Я отобрал у него пистолет и сунул к себе в пальто. Потом взял сэра Ги под руку и вывел на улицу. Негр даже не посмотрел на нас, когда мы уходили.

Через минуту мы стояли на тротуаре и дрожали от холода, не зная, куда дальше идти. Туман усилился. Не было видно даже другой стороны переулка. Было очень холодно, сыро и темно. Несмотря на туман, нам в спину постоянно дул ветер, нашептывая что-то тоскливое и злое. Свежий воздух подействовал на сэра Ги именно так, как я и предполагал: туман и винные пары не очень удачно сочетаются. Он весь подался вперед, будто высматривая что-то во мгле.

Несмотря на свое состояние, он, видимо, все еще ожидал, что из тумана навстречу ему возникнет фигура преступника.

Я посмотрел на него с отвращением.

— Детская наивность,— проворчал я.— Джек Потрошитель, вот уж действительно! Ваше хобби, по-моему, слишком далеко зашло!

— Хобби? — он пристально посмотрел мне в глаза. Сквозь туман я увидел его искаженное лицо. — Вы называете это «хобби»?

— А как же еще? — огрызнулся я. — Какого черта вас так интересует этот мифический убийца?

Я держал его за руку и не мог отвести взгляда.

— В Лондоне, — прошептал он, — в 1888 году, одной из тех потаскушек была моя мать.

— Что?!

Но сэр Ги не слышал меня. Он продолжал:

— Потом меня разыскал отец и усыновил. И мы с ним поклялись отдать свои жизни на поиски Потрошителя. Сначала этим занимался отец. Но он умер в Голливуде в 1926 году, когда уже напал на след негодяя. Говорят, что его зарезали в пьяной драке. Но я-то знаю, кто был этот неизвестный убийца...

Поэтому делом занялся я сам, понимаете, Джон? Я продолжил дело своего отца. И буду продолжать его до тех пор, пока не найду этого мерзавца и не убью своими руками!

Он отобрал жизнь у моей матери и сотни других людей, чтобы жить самому своей дьявольской жизнью. Он питается кровью, как вампир. Как упырь, он живет за счет чужой смерти. Как бешеный зверь, он живет в мире только затем, чтобы убивать. Он хитер, он чертовски хитер. Но я не успокоюсь, пока не разыщу его, никогда не успокоюсь!

И тут я поверил ему: он не сдастся. Это была уже не пьяная болтовня. Он оказался настоящим фанатиком, таким же решительным и безжалостным, как и сам Джек.

Завтра он протрезвеет и будет продолжать свои поиски. Возможно, он отдаст собранные бумаги в ФБР. Рано или поздно, с его настойчивостью и с его серьезными мотивами, он добьется своего. Я с самого начала догадывался, что у него есть своя веская причина.

— Пойдемте, — сказал я, увлекая его в туман.

— Подождите минуточку, — уперся сэр Ги. — Отдайте мне назад мой пистолет.

Он немного пригнулся.

— Я чувствую себя лучше, когда он при мне.

Англичанин всем телом навалился на меня в темноте. Я хотел оттолкнуть его, но он настаивал:

— Ну отдайте же мне пистолет, Джон,— требовал он.

— Ладно,— сказал я и сунул руку в карман пальто. Через секунду я вынул ее.

— Но это же не пистолет,— в ужасе завопил он.— Это нож!

— Знаю.

Я резко схватил его свободной рукой.

— Джон!! — закричал сэр Ги Холлис.

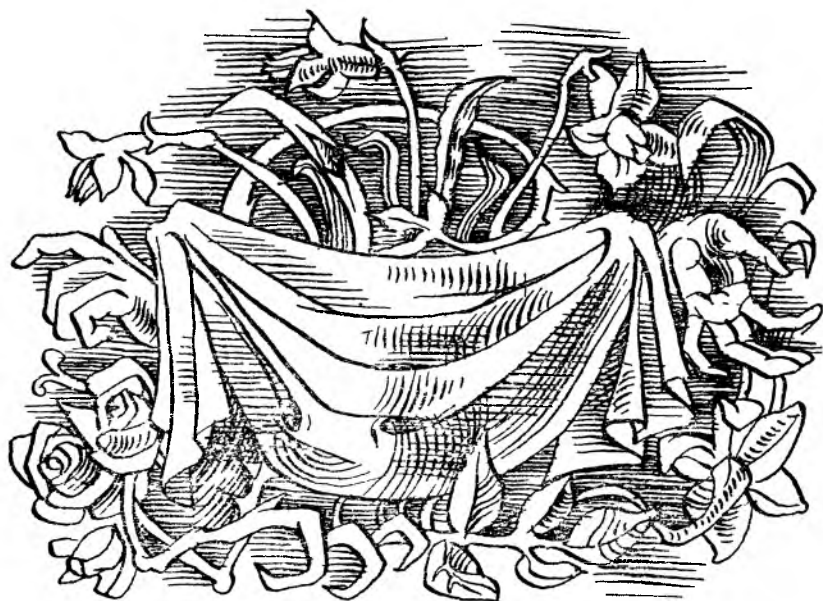
— Да хватит вам называть меня Джоном,— прошипел я и занес клинок над его головой.— Зовите меня просто — Джек.

ЧАРЛЬЗ · БРОНСТОУН



ПОДХОДЯЩАЯ
КАНДИДАТУРА

· 1967 ·







оника Конузэй лениво потянулась на золотистом песке. Летнее солнце ласково согревало ее бронзовое тело, облаченное в светло-голубой купальный костюм. Она провела рукой по обнаженному животу и решила, что он уже достаточно поджарился — ей вовсе не хотелось обгорать и было вполне достаточно темно-коричневого загара.

— Пожалуй, Элен, мне пора ненадолго перевернуться, — сказала она, и ее тонкое гибкое тело перекатилось на засыпанное песком полотенце. Моника закрыла глаза и приготовилась получить очередную порцию тепла. Элен ничего не ответила — она была поглощена изучением газетной рубрики «Требуется»; ее темные зеленые глаза внимательно просматривали одно объявление за другим, тщательно взвешивая все достоинства и недостатки каждого предложения.

— Сделай одолжение, натри мне спину кремом, — промурлыкала Моника. Она должна была увериться, что нигде не обгорит. Мужчины не любят девушек с облезавшей красной кожей, а Моника любила мужчин. Элен вздохнула, что означало, что в газете опять нет ничего подходящего.

— Не думаю, чтобы нам удалось подобрать себе работу на лето,— угрюмо процедила она и отложила газету.

— Ну перестань, что-нибудь обязательно найдем. Дай-ка мне газету на секундочку.

Элен начала втирать жирный белый крем в плечи подруги. Вот уже почти неделя прошла с тех пор, как они закончили педагогический колледж, и впереди у них было еще целых два месяца, прежде чем начиналась работа в школе. Конечно, чудесно было бы провести эти месяцы, валяясь на солнышке, но для этого нужны были деньги, а их-то как раз и не было. Мысль найти работу принадлежала Монике, и поначалу Элен отнеслась к ней без особого энтузиазма, но белокурая подруга в голубом купальнике все же смогла ее убедить.

Элен закончила натирать плечи и спину, и теперь перешла к ногам. Она выдавила на пальцы немного блестящего крема из маленького синего тюбика и не спеша продолжила свою работу. На левой ляжке подруги она тщательно смазала место вокруг белого шрама в виде трех пересекающихся галочек размером с ноготь большого пальца.

— Откуда у тебя этот шрам, Моника? — спросила она.

— Что? А, на ноге? Да это было очень давно, когда я была еще маленькой непослушной девчонкой — бегала и прыгала где попало и в конце концов налетела на стекло. А что, очень заметно? — В ее голосе зазвучала тревога. Она знала, что этот шрам портит ее красоту, а мужчинам редко нравятся девушки со шрамами.

— Да нет, Моника, он совсем крошечный, его случайно и не увидишь. Просто я сейчас дошла до этого места.

Моника ничего не ответила, и Элен поняла, что задела подругу за живое. За десять минут они не произнесли ни слова; и в наступившей тишине было слышно, как над ними перекликались чайки, медленно скользя в знойном воздухе огромными ленивыми кругами. Море сонно плес-

калось о берег, ослепительно пенясь на гальке, а камушки недовольно ворчали и перекатывались вперед и назад.

— Ну, а это что? — прервала молчание Моника. В голосе ее слышалось возбуждение. — «Требуется молодая интеллигентная леди в качестве компаньонки к хирургу, вышедшему на пенсию. Подходящей кандидатуре будет предоставлено жилье. Зарплата оговаривается при встрече. Писать сэру Генри Уорду, поместье Борвуд.» — Глаза у Моника заблестели. Элен не очень-то надеялась на эту работу и так прямо об этом и сказала, но она могла поклясться, что на сей раз Моника всерьез решила попробовать поступить на службу.

Вечером в меблированных комнатах они снова и снова писали письма в разные места по объявлениям, и Элен вдруг осознала, что их трехлетняя дружба несомненно даст трещину, если их пути разойдутся.

Через несколько дней, когда подруги в гробовом молчании отчаянно пытались поймать в своих неумытых тарелках гнутыми вилками и тупыми ножами надоевшую яичницу с беконом, в их комнату проковыляла миссис Уолтон. Криво улыбнувшись, она вручила каждой девушке по письму, немного посопела на пороге и вразвалку двинулась назад. Прочитав письма, девушки поняли следующее: Моника должна была ехать на переговоры к сэру Генри, а Элен приняла на работу официанткой в местный клуб любителей гольфа.

В этот же день, пообещав писать друг другу, подруги расстались. Когда Моника высунула голову из окна уходящего поезда и прокричала последнее «прощай», у Элен появилось неясное чувство, что Монике не следовало бы уезжать, но почему оно вдруг возникло, она сказать не могла.

Через два дня Элен получила по почте открытку: «Дорогая Элен, меня взяли на работу. Сэр Генри — просто прелесть. Купаюсь в роскоши. Платят 20 фунтов в неделю. Привет, Моника».

«Двадцать фунтов в неделю! — с восхищением и недоверием подумала Элен. — Интересно, двадцать фунтов в

неделю — за что?» — Она с горечью вспомнила о своих несчастных семи фунтах. И за них она как проклятая целыми днями носилась взад-вперед с маленьким подносом, уставленным сначала полными тарелками, потом пустыми тарелками, полными чашками, потом пустыми чашками, полными стаканами, потом пустыми стаканами, — и так час за часом, пока ее ноги, руки и спина не вызвали о перерыве и отдыхе. Каждый вечер она бросалась в изнеможении на мягкую постель и просматривала снова и снова колонки «Требуется»: наверняка ведь должен быть более легкий способ зарабатывать себе на жизнь, и она во что бы то ни стало должна его найти!

На пятый вечер Элен едва успела просмотреть половину колонки, как вдруг почувствовала, что кровь застучала у нее в висках, сердце учащенно забилося, а глаза широко раскрылись от изумления. Может быть, ей все это мерещится? Может быть, ее усталость достигла того предела, когда чувства начинают обманывать мозг? Она снова медленно перечитала объявление, губами беззвучно повторяя про себя каждое слово, как школьник, который учится читать: «Требуется — молодая интеллигентная леди в качестве компаньонки к хирургу, вышедшему на пенсию. Подходящей кандидатуре будет предоставлено жилье. Зарплата оговаривается при встрече. Писать сэру Генри Уорду, поместье Борвуд».

Но это же работа Моники! Работа за 20 фунтов в неделю! Неужели Мроника отказалась от двадцати фунтов? Невозможно. И все же объявление написано черным по белому. Может быть, это не та газета? Наверное, недельной давности... Она отыскиала глазами число. Нет, газета сегодняшняя. Тут должно быть какое-то серьезное объяснение. Уж не заболела ли Моника так серьезно, что не может выполнять свою работу? Но Элен не могла успокоиться на этом, она знала: если бы Моника заболела, то вернулась бы назад, или дала о себе знать, или, по крайней мере, прислала бы за своими вещами.

В эту ночь Элен не удалось заснуть, она до самого утра напряженно раздумывала над самыми разными объяс-

нениями, приходящими ей в голову, но, тщательно взвесив все, отбрасывала их одно за другим. К рассвету она так и не пришла к какому-либо определенному выводу, но тут, наконец, сон сжалился над ней, и последнее, что она решила, было стать самой подходящей кандидатурой, устроиться на работу и там уж отыскать Монику.

* * *

— Садитесь, пожалуйста, мисс...

— Ллойд, Элен Ллойд,— подсказала она и уселась в мягкое кресло, обитое зеленой кожей, закинув ногу на ногу так, чтобы были видны ее красивые колени.

— Ах, да! Конечно, Ллойд... Простите, можно я буду называть вас Элен?

— Разумеется! — с готовностью согласилась она и изобразила на лице улыбку, которая должна была означать: «Я именно та девушка, которая вам нужна».

— Прекрасно. Значит, вы будете просто Элен.

Сэр Генри Уорд сидел за большим письменным столом из махагонового дерева. Его белоснежные волосы были безукоризненно зачесаны назад, подчеркивая строгие черты загорелого и все еще красивого лица. Ему было пятьдесят шесть лет, но на вид можно было смело дать лет на пять меньше. Он рано оставил свою профессию, с тем чтобы провести остаток жизни в развлечениях и роскоши, тратя деньги, доставшиеся по наследству. Ясные синие глаза сэра Генри внимательно изучали рекомендательное письмо Элен.

— Ну, Элен,— сказал он наконец, закончив чтение,— позвольте мне сначала рассказать вам кое-что о работе.— Он устался на старинную медную лампу на столе и начал говорить так, будто предлагал работу не Элен, а этой лампе:

— Предполагается, что вы будете жить здесь же в поместье и всячески развлекать меня. Вы должны с умом

обсуждать со мной разные мелочи, терпеливо выслушивать подробности операций, которые я когда-то проводил.— Он замолчал, улыбнулся лампе, потом повернулся в кресле, посмотрел в окно, которое находилось у него за спиной, и продолжил.— Играть со мной в теннис или крикет,— тут он перевел взгляд на бюст Гайдна, стоящий на книжной полке,— и в шахматы или в карты во время ненастья.

Наконец синие глаза остановились на Элен.

— Ну, что вы мне можете на это ответить?

Теперь, в свою очередь, улыбнулась Элен.

— Значит так: я была капитаном теннисной команды в колледже, а между матчами мы часто играли в крикет и в шахматы. Что же касается карт,— тут она на секунду замолчала и по-детски смущенно уставилась на свои туфли,— то я должна признаться, что в моей комнате собирались все картежники после того как объявляли отбой.— После этой исповеди она просияла и закончила.— И я уверена, что буду в восторге от наших бесед, и с нетерпением жду рассказов с подробностями о ваших прошлых операциях.

Наступило молчание. Человек с синими глазами не сразу смог опомниться после такого стремительного и исчерпывающего ответа на все его предложения.

— Грандиозно! Грандиозно! Ну а теперь, Элен, что касается зарплаты: если вы и дальше будете продолжать так же, как показали себя только что, то думаю, что смогу предложить вам 25 фунтов в неделю. Что вы на это скажете?

Пока Элен рассыпалась в благодарностях и улыбках, ее мозг лихорадочно раздумывал о 25 фунтах. Почему на 5 фунтов больше, чем было у Моники? Что она могла делать такого, что было Монике не под силу? Почему, почему Моника отказалась от этой работы? Ведь тут, похоже, деньги швыряют куда попало просто так.

— Ну и хорошо, значит, договорились,— закончил сэр Генри. Он открыл дверь.— Гарпер! А, вот и ты! Покажи мисс Ллойд ее комнату. Она присоединяется к нашему маленькому обществу.

— Слушаюсь, сэр.

Гарпер ей сразу же не понравился. Это был низенький, толстый человечек с черными густыми бровями, нависающими над маленькими, глубоко посаженными глазками. Его сжатый рот с тонкими губами казался жестоким, а из широких ноздрей клочьями торчала седая щетина. Правда, комната Элен оказалась светлой и очень удобной, солнце заглядывало в два больших окна. Она распаковала свои вещи и сразу же почувствовала себя как дома. И в этот момент звук гонга сообщил ей, что пора идти обедать.

Сэр Генри восседал на противоположном конце длинного обеденного стола, покрытого синей льняной скатертью и обильно украшенного старинным серебром. Посередине стола возвышался огромный серебряный канделябр на пять свечей, и их пламя трепетало, освещая уютный зал. Гарпер отодвинул высокий резной стул, обтянутый красной кожей, и помог Элен сесть.

— Я надеюсь, что еда вам понравится.— Голос сэра Генри довольно странно звучал с другого конца стола, и Элен приходилось немного наклонять голову, чтобы улыбнуться ему в ответ.— Смею вас уверить, что Гарпер в кулинарии — настоящий чародей.

«Да уж, чародей,— подумала она.— С такой физиономией ему больше подошло бы сравнение с вурдалаком». Однако позднее Элен почувствовала, что была неправа по отношению к нему. Вытирая уголки рта крахмаленной салфеткой, она поняла, что никогда еще не пробовала столь вкусного блюда. Гарпер готовил и подавал еду просто безукоризненно.

— Очень вкусно! — похвалила она повара, когда тот убирал со стола последние пустые тарелки. Гарпер только слегка кивнул в ответ, но выражение его лица при этом ничуть не изменилось. И опять Элен стало нехорошо, когда она увидела его огромные волосатые руки, орудующие перед самым ее лицом.

— Да, я думаю, Гарпер по праву гордится тем, что умеет делать кисло-сладкие отбивные по-китайски,— засмеялся сэр Генри.— Я же предупреждал вас, что он чародей.

Когда Гарпер ушел, Элен снова почувствовала себя счастливой, и остаток дня они провели у большого камина. Она долго слушала о страшных подробностях искусства хирургии, а потом пожелала сэру Генри спокойной ночи и удалилась в свою комнату.

На следующее утро она проснулась со смутным чувством, что во время сна ей мешал какой-то звук. Но она никак не могла определить, откуда он шел. Может быть, это ей только приснилось, хотя она помнила, что один раз даже проснулась и увидела, как лунный свет, проникавший в комнату, освещал развешенные по стенам картины Джона Констебля. Дерево — вот оно что! Кто-то рубил дерево, ну, конечно же. Кто-то, скорее всего Гарпер, колот за окном дрова, чтобы было чем топить камин. Успокоившись, она оделась и спустилась к завтраку.

Дойдя до большой винтовой лестницы, Элен вдруг остановилась. Как, ночью?! Рубить дрова при лунном свете — это же смешно! Но нужно взять себя в руки. Нельзя, чтобы страх перед Гарпером захватил ее полностью. Конечно же, никому не придет в голову рубить деревья в такое время. Это что-то другое, наверняка что-то другое, но только что?..

— Доброе утро! Боже мой, Элен, я напугал вас? — Она так погрузилась в свои размышления, что не заметила сэра Генри, идущего ей навстречу.

— О, доброе утро, сэр Генри, — быстро ответила она. — Нет-нет! Вы совсем меня не напугали. — «Ну давай же, спроси у него, — говорила она себе. — Не держи все внутри. Спроси его, выскажись. Ты ведь ничего плохого не совершила. А объяснение здесь наверняка самое простое!»

— Я просто... э-э-э... думала, — начала она, сбиваясь. — Ну, мне показалось, что я слышала какой-то... стук. Да, именно стук, ночью. Но я не совсем смогла понять, откуда... — Она запнулась и почувствовала, как краска заливает ее лицо. Она знала, что выглядит сейчас очень глупо. Веселая улыбка сэра Генри моментально погасла, глаза его сузились, и он о чем-то задумался.

— Дорогая моя Элен, — сказал он с явным смуще-

нием, — пожалуйста, простите меня. Это все по моей вине. Если бы я знал, что мешаю вам спать, я бы сразу все прекратил.

— Да нет же, звук был не такой уж и громкий, — воскликнула она, — просто я очень удивилась, вот и все. Пожалуйста, не извиняйтесь.

Улыбка вернулась, и глаза сэра Генри снова стали веселыми.

— Я не могу допустить, чтобы у моей гостьи были какие-то сомнения и догадки, верно ведь? — улыбнулся он. — Пойдемте, милая, Гарпер все равно еще не приготовил завтрак. Что вы скажете, если я предложу вам разгадать эту тайну на голодный желудок?

Элен спустилась вниз. Она знала, что он смеется над ней, но теперь была уверена, что каким бы объяснение ни оказалось, оно должно быть очень простым и естественным, и, возможно, сэр Генри еще не раз будет подшучивать над ней по этому поводу. Все еще посмеиваясь, сэр Генри провел ее через столовую в большую кухню, где усердно работал Гарпер, готовя завтрак.

— Я хочу показать мисс Ллойд мою маленькую игровую комнату, Гарпер, — сказал сэр Генри.

Когда они вошли, Гарпер опустил свои толстые волосатые руки и послушно открыл им металлическую дверь в дальнем конце кухни.

— Спасибо, Гарпер. Вот сюда, мисс Ллойд.

Элен прошла через открытую дверь и случайно коснулась пальцами обезьяньей руки Гарпера. Дрожь пробежала по ее телу, когда она почувствовала прикосновение к своей нежной коже жесткой свалывшейся щетины повара. Она быстро прошла в комнату, чтобы отойти от Гарпера подальше, и там застыла в изумлении.

Она стояла в миниатюрной операционной. Сверкающие стальные инструменты аккуратными рядами лежали на длинных столах вдоль стен. В углу кипел большой стерилизатор, а посередине комнаты под изогнутой лампой стоял — нет, не хирургический стол, а страшный стол мясника для разделки туш.

— Мне не хватило денег, чтобы купить настоящий операционный стол,— засмеялся сэр Генри, следя за ее взглядом и как бы прочитав мысли.— Но мне кажется, что этот тоже не так уж плох.

Элен не верила своим глазам.

— Н-но это же не больница,— наконец выдавила она.

— Конечно же, нет,— ответил сэр Генри.— Но я не хочу терять свое искусство. Видите ли, Гарпер покупает на ближайшей ферме мясо в виде непотрошенных туш. Я хорошо знаю владельца фермы, и он только снимает с животного шкуру, а больше ничего не трогает, оставляя специально для меня. Затем Гарпер кладет купленное в морозильную камеру,— сказал он, указывая на большую дверь в стене.— А потом, когда нам нужно мясо, мы достаем одну тушу, кладем ее на этот стол, и начинается операция,— он похлопал рукой по столу.— Я думаю, ничего страшного в этом нет, ведь животное все равно уже мертвое,— в голосе сэра Генри скользнуло разочарование. Потом он продолжил.— Но мне это помогает; глаз мой по-прежнему точен, и руки еще слушаются.— Он вытянул вперед руку, чтобы показать, насколько у него крепкие нервы.— Неплохо для пятидесяти шести, а? — победно спросил он.

Элен слабо улыбнулась, она никак не могла свыкнуться с обстановкой в комнате.

— В свое время у меня было много работы со скальпелем,— продолжал сэр Генри.— Но если хирург не имеет постоянной практики, то навыки его неизбежно теряются. Поэтому я каждый раз тщательно удаляю сердце, почки и так далее, короче — все, что нужно Гарперу для кухни, а потом...— он подошел к' одному маленькому столику, и Элен нехотя посмотрела в его сторону,— я заканчиваю работу над тушей вот этими штучками,— сказал сэр Генри, поднимая со стола один из блестящих предметов. Элен уставилась на сверкающие хирургические топорики, пилы и большие ножи, похожие на те, которые она видела в лавке мясника.— Затем Гарпер снова кладет мясо в морозильную камеру, а то, что нам не нужно, он сжи-

гает.— Сэр Генри гордо улыбнулся.— Ну, что вы об этом думаете?

Элен прокашлялась.

— Замечательно, просто замечательно,— сказала она и попыталась улыбнуться.— Я думаю, это очень хороший способ... э-э-э... не потерять свои способности.

— Вот и хорошо, я рад, что вам здесь понравилось,— сказал сэр Генри, повернувшись к выходу, и зашагал к двери.— Ну, пойдемте, милая, я думаю, теперь вы с удовольствием позавтракаете.

Элен в последний раз оглядела комнату и поспешила за ним.

— Я так поняла, что этот стук...— Она намеренно не закончила фразу.

— Да, это был я, боюсь, что вы правы,— ответил он.— Ампутация — довольно своеобразная работа, а я очень устал, да и было уже довольно поздно, так что я решил закончить работу просто топором. Надеюсь, дорогая моя, что мое маленькое хобби вас не очень расстроило,— сказал сэр Генри и озабоченно посмотрел на нее.

— Нет-нет, что вы,— успокоила его Элен, почувствовав себя гораздо лучше, как только они вошли в столовую.

— Вот и хорошо,— закончил он.— Но отныне я обещаю вам больше по вечерам этим не заниматься. Я не могу позволить себе обижать или как-либо беспокоить вас.— С этими словами он нежно похлопал ее по руке.— Мы уже готовы, Гарпер,— крикнул он в сторону кухни, и они уселись за стол.

* * *

Для Элен дни в поместье Борвуд неслись с ужасающей скоростью. Она наслаждалась каждой минутой: играла на солнце в теннис, плавала в маленьком подогреваемом бассейне, ела самые изысканные блюда — словом, купалась в

роскоши, и, вдобавок ко всему, ей за это платили. Однако дни шли, и она стала чувствовать, что сэр Генри начал проявлять к ней особый интерес. Сначала он просто дружески пожимал ей руку после теннисных матчей. Потом во время прогулок несколько раз брал ее за руку или за плечи, показывая какие-нибудь достопримечательности пейзажа или летящих птиц. Один раз он даже слегка обнял ее во время такой пешей прогулки по поместью. Элен заметила, как внимательно он рассматривает ее, когда она одета в теннисный костюм или, в особенности, в купальник.

Она начала чувствовать себя неловко. Неужели сэр Генри влюбился в нее? А может быть, он из тех, кто может воспользоваться беззащитностью девушки в доме, когда она меньше всего этого ожидает? Внезапно страшная мысль мелькнула в ее голове: может, именно из-за этого и уехала Моника? Наверное, он сказал ей что-нибудь о своих чувствах, и тогда она высказалась в его адрес. Да, это было очень похоже на правду и становилось понятным, почему зарплата была повышена — зарплата служила приманкой для девушек. Теперь все вставало на свои места. А вчера, когда они плавали в бассейне, сэр Генри вдруг неожиданно нырнул под воду, подплыл к ней сзади и схватил ее за ноги. Что это было — простая шутка, или же он хотел приблизить ее к себе, лишний раз дотронуться до нее? Хотя, несмотря на все, Элен должна была сознаться, что ей было приятно ощутить эти сильные руки, хватающие ее. Ведь он ей тоже по-своему нравился. А почему бы и нет? Многие девушки отдали бы что угодно за то, чтобы выйти замуж за богатого человека с титулом. Ему пятьдесят шесть, но душой он молод и выглядит неплохо. Это просто находка, и если он захочет поделиться с ней своим состоянием, то она не будет против.

Сделав такое заключение, Элен направилась к дому. И вот еще о чем она подумала: «Если я стану его женой, то мне больше не надо будет бояться волосатого Гарпера. Если я захочу, то смогу и уволить его». В этот день за обедом она была необычайно любезна с сэром Генри и недву-

смысленно улыбалась ему всякий раз, когда он смотрел на нее. Он был в прекрасном настроении и смеялся над своими собственными шутками и анекдотами, и Элен еще раз подумала о том, что если он предложит ей выйти за него замуж, то она определенно скажет ему «да».

Гарпер поставил перед ней большое блюдо с отбивной и такое же — перед сэром Генри. Потом, вежливо откашлявшись, сказал:

— Боюсь, сэр, что это последний кусок мяса, сэр.

— Не может быть, — весело удивился сэр Генри.

— Боюсь, что так, сэр, — подтвердил Гарпер.

— Ну, хорошо! Тогда завтра, Гарпер, тебе придется идти на ферму.

— Слушаюсь, сэр. — Гарпер слегка поклонился и удалился на кухню.

Элен отрезала кусочек великолепно приготовленной отбивной. Как всегда, мясо было нежное и вкусное. Оно оказалось настолько вкусным, что Элен молчала все время, пока не съела почти весь кусок.

— Мне кажется, что это самая вкусная отбивная, которую я когда-либо... э... — неожиданно она запнулась. Отрезав последний кусочек мяса от толстой подрумяненной кожи, она откинула кожу на тарелку, та перевернулась, и перед глазами Элен появился знак в виде трех пересекающихся галочек размером с ноготь на большом пальце.

Нож и вилка со звоном выпали из ее трясущихся рук, кровь прихлынула к голове и застучала в висках, рот беззвучно раскрывался и закрывался. Она сидела на стуле, как парализованная, и не видела перед собой ничего, кроме трех пересекавшихся галочек на куске прожаренной кожи. Откуда-то издали доносились голоса, ее окутал черный туман.

— Гарпер, скорее сюда. Мисс Ллойд!

— Что с ней случилось, сэр?

— Не знаю. Она смотрела в тарелку.

Сильные руки подхватили ее и унесли прочь, подальше от недоеденной отбивной с расплывшимся беле-

сым шрамом. Эти руки резко бросили ее на что-то твердое. Сквозь туман она смутно увидела над собой вспыхнувший яркий свет. Потом волосатые руки начали снимать с нее одежду. Она хотела остановить их, но не могла. Затем она почувствовала, как сильные гладкие руки хватают ее за разные части тела, как хватали тогда ее ноги в бассейне. И снова голоса:

— Прекрасный экземпляр, Гарпер!

— В самом деле, отличный экземпляр, сэр.

— И не надо утром идти на ферму, Гарпер.

— Вы правы, сэр.

— Тогда начинаем?

— Все готово, сэр.

— Отлично, грандиозно! За работу...

— Скальпель!

— Вот скальпель, сэр.

— Большую пилу!

— Большая пила, сэр.

— Элен, Элен, проснись! — Голос, доносившийся из темноты, показался знакомым. Она приоткрыла глаза и замигала в приглушенном красноватом свете. Оголенная красная лампочка бросала тусклый алый свет на стены большой незнакомой комнаты. Здесь она раньше не была. Затуманенный мозг лихорадочно силился припомнить все, что было до того, как она потеряла сознание. Ее передернуло при воспоминании о прикосновении к телу отвратительных волосатых рук Гарпера. И опять тот же голос:

— Элен, это я, Моника, я здесь, у стены.

Элен повернула голову и попыталась всмотреться в красную темноту.

— Моника! — с облегчением воскликнула она. — А я думала, что ты умерла. О, Моника, как я счастлива, что ты жива!

— Ну-ну. Может быть, ты и счастлива, но я-то уж точно нет. Да и ты тоже после сегодняшней ночи перестанешь быть счастливой. Взгляни-ка на меня, еще разок.

Удивленная таким ответом, Элен попробовала еще раз напрячь зрение, чтобы получше разглядеть подругу. Уви-

дев Монику полностью обнаженной, она вскрикнула. Потом ее крик перешел в задыхающийся вопль: она рассмотрела ее — та была похожа на Венеру Милосскую из Парижа. Обе ее руки были ампутированы по самые плечи, а ноги — выше колен. Моника висела на стене, поддерживаемая толстым кожаным ремнем, продетым под грудью.

— Боже мой, Моника,— застонала она.— Что они с тобой сделали?

Моника ничего не ответила, а просто отвернулась. Только теперь Элен почувствовала, как что-то удерживает ее около живота. Инстинктивно она хотела убрать это «нечто» рукой, и тут же увидела что-то белое, невысоко взметнувшееся сбоку. То, что она увидела, заставило ее забыть о животе. Там, где должна была находиться ее правая рука, в красном свете виднелась лишь торчащая из плеча забинтованная культия. Она пронзительно закричала, увидев, что такая же культия торчит и с левой стороны. Кровь прилила к голове и застучала, а она все кричала и кричала, и молила, чтобы только ей очнуться от этого кошмара. Тело ее содрогалось от рыданий, она взглянула на свою голую грудь, и там, ниже кожаного ремня, перехватывающего талию, увидела вместо ног два забинтованных обрубка.

Глаза ее были полны слез, когда яркий свет неожиданно залил всю комнату. Сквозь пелену она разглядела смутные силуэты доктора Уорда и его маленького мерзкого слуги Гарпера.

— Боже мой, Элен, вы не должны так расстраиваться, милая моя,— донесся до нее голос сэра Генри.— Вы должны быть храброй, как Моника. Скоро вы привыкните к этому, правда же, Моника?

Она услышала, как в ответ Моника разразилась потоком ругательств, но голос доктора оставался таким же спокойным и невозмутимым:

— Пока я займусь с мисс Ллойд, ты, Гарпер, отстегни Моника и отнеси ее ко мне в спальню.

— Обязательно, сэр.

В углу комнаты послышалась возня. Когда слезы не-

много просохли, Элен увидела, что она находится наедине с доктором Уордом. Он начал аккуратно срезать с нее бинты маленькими блестящими ножницами, а Элен, обезумевшая от потрясений, молча смотрела на него, как загипнотизированный зверек.

— Видите ли, Элен, в течение нескольких месяцев вы находились под сильным наркозом, поэтому некоторое время вы будете ощущать легкую слабость.— Его голос звучал на редкость спокойно, как будто он рассматривал воспаленное горло.— Отлично! — воскликнул он.— Все прекрасно зажило.

— Вы мясник! — яростно крикнула ему Элен.

— Ну-ну, полноте, успокойтесь, милая. Я думаю, что более подходящее здесь слово — «художник», вы не считаете?

— Мясник, головорез, убийца!! — кричала Элен изо всех сил.

Сэр Генри насмешливо улыбнулся и похлопал ее по горячей щеке.

В этот момент появился Гарпер.

— Устроена в кровати и ждет, сэр,— выкрикнул он в дверях.

— Замечательно, превосходно! Спасибо, Гарпер. Я думаю, что мисс Ллойд готова для тебя, можешь снимать пробу. Спокойной ночи, Элен, спокойной ночи, Гарпер.

Когда сэр Генри уходил, Гарпер почтительно поклонился и произнес ему вслед «Спокойной ночи, сэр». Но когда он снова поднял голову, в глазах его был уже новый блеск, которого раньше Элен никогда не видела. В отчаянии она прижала голову к каменной стене, закрыла глаза и завизжала. Розовые культи беспомощно завертелись в воздухе, а волосатые руки Гарпера погладили ее кожу, и он расстегнул толстый кожаный ремень.

БЕЗИЛ·КОППЕР

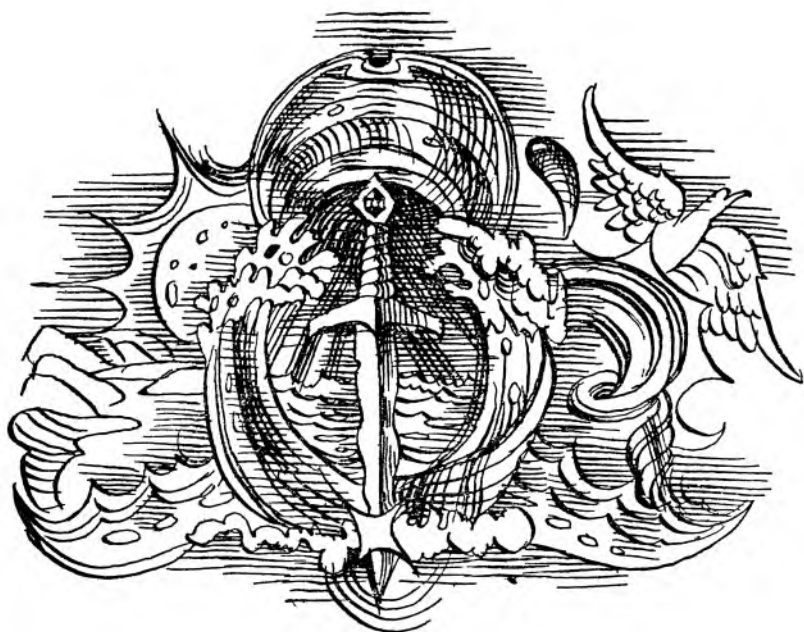


ЯНЫЧАРЫ

413

ЭМИЛЬОНА

·1967·





I



же третий раз подряд он проснулся на рассвете вспотевший и испуганный. Подробности сна ярко вставали перед его мысленным взором. Руки судорожно сжимали железную перекладину на спинке кровати, а капли пота так сильно пропитали постельное белье, что это никак нельзя было отнести на счет августовской ночной духоты.

Он лежал, не шевелясь, и медленно приходил в себя, с трудом узнавая привычную обстановку своей скудно обставленной мебелированной комнаты с кремовыми стенами. Было всего пять часов утра, и одиночные крики только что проснувшихся птиц проникали в спальню сквозь зеленую завесу сада. Но слух его был все еще занят тихим шелестом морского прибоя.

Сон начался как всегда неожиданно. Но детали его казались необычайно ясными и повторялись уже несколько раз, причем каждое повторение добавляло к видениям, возникавшим в его сознании, новый слой, так же, как художник понемногу добавляет краски на холст, рисуя картину.

Не так давно Фарлоу поместили в Гринмэншен, который является, говоря без преувеличений, фешенебельным домом для душевнобольных. У директора клиники имелась подробная история болезни Фарлоу, которая весьма заинтересовала его, но по определенным причинам исход этого случая содержался в строгой тайне от всех.

Фарлоу был моим старым приятелем, и эту историю я собрал по многочисленным рассказам, услышанным как от него самого, так и от доктора Сондквиста — директора клиники, замечательного психиатра, занимающегося особенно тяжелыми и необычными случаями. Фарлоу был интересным человеком во многих отношениях; возможно — чересчур чувствительным и восприимчивым, но в своей области — теоретической физике — он был просто гениален. В Гринмэншен он попал по своей собственной просьбе для «отдыха и наблюдения». Я часто навещал его там, как только у меня выдавалось свободное время. Но начало этой истории мне довелось услышать, гораздо раньше, еще до того, как он решил принять «крайние меры». Все это походило на довольно странную сказку, и, если принять во внимание ее неожиданный и жуткий конец, — ни на что не похожую сказку.

Все началось, как он рассказывал мне, довольно прозаично и банально. Это случилось где-то шесть месяцев назад, когда он стал, по его словам, слишком много работать. Фарлоу проводил долгие часы в лаборатории, питался второпях, а по вечерам допоздна засиживался над расчетами, которые сильно перегружали его мозг и всю нервную систему. Однажды вечером он вернулся домой особенно уставшим, и после нескольких часов, безуспешно проведенных над решением одной сложной задачи, отложил свои замысловатые формулы и отправился спать.

Было уже около часа ночи — не самое подходящее время для обильного ужина. Однако Фарлоу добавил к своей поздней трапезе еще добрую пинту черного кофе. Он совершенно не заботился о том, что и когда пихает в свою утробу. К тому же с самого утра он почти ничего не ел. Занятия наукой совсем не оставляли ему времени для

поисков нежной подруги, и ему так и не удалось жениться; ухаживала за ним суровая экономка, но ее рабочий день кончался в девять часов.

Равнодушно проглотив плотный и вредный для организма ужин, Фарлоу запил его крепким кофе и медленно двинулся в спальню. В голове его гудело от усталости, и к тому же он был сильно расстроен тем, что несмотря на долгие расчеты задача ему никак не давалась. Поэтому вполне естественно, что спал он плохо и все время ворочался, и только около трех часов ночи сон, наконец, полностью овладел им. Но тут ему неожиданно показалось, что он проснулся. Я думаю, подобные моменты время от времени переживает каждый: нам просто снится, что мы бодрствуем. Мы считаем, что не спим, но подсознательно все же знаем, что находимся в состоянии сна. Это же я и напомнил Фарлоу, когда он впервые начал рассказывать мне о своих видениях. Однако он возразил мне, сказав, что хотя он и спал, но был абсолютно уверен, что не спит.

Дело в том, что все казалось слишком уж живым и реальным, каждое ощущение и прикосновение во сне были настолько настоящими, что потом его собственная комната и повседневная жизнь казались ему смазанными и расплывчатыми. Создавалось впечатление, что ночью он пробирался в другую жизнь, которая была более непосредственной и интересной, чем реальный мир. То, что мир его снов был местом страха и ужаса, еще не доходило до него. Фарлоу верил даже в физическое существование этого мира, хотя исследование малоизученных районов Земли по картам не принесло ему никаких успехов.

И несмотря на то, что некоторые подробности его сна, как я буду все время называть это состояние, несли в себе страшную угрозу и смертельную опасность, Фарлоу был убежден, что если бы ему удалось стереть эти зловещие тени, то он был бы много счастливее любого человека, наслаждающегося жизнью только в этом мире.

Теперь я хочу подчеркнуть, что психически Фарлоу был совершенно нормален, как вы и я, возможно, даже более нормален, так как работа ученого требовала от него

тщательного взвешивания каждого грана истины и скрупулезного применения строгих логических методов. Никогда, даже во время пребывания в Гринмэншен, он не проявлял никаких психических отклонений, за исключением, разве что, рассказов о своих снах. Это не раз охотно подтверждал и доктор Сондквист.

А уж что касается снов, то кроме самого Фарлоу оспаривать правдивость этих рассказов было некому, потому что он был единственным, кто мог серьезно судить о реальности своих видений. Вспоминая конец этой жуткой истории, я думаю, что Фарлоу был самым нормальным человеком из всех нас. А если это так, то какие же ужасы скрываются за занавесом того, что мы называем сознанием! Пожалуй, они могут испугать и заставить задуматься даже самых смелых из нас, которые пока еще, к великому своему несчастью, критикуют и высмеивают таких людей, как Фарлоу. Лично я считаю, что благодаря своей феноменальной сверхчувствительности и восприимчивости он просто переступил границы возможностей простых смертных, и занавес сознания приоткрылся для него или просто растворился каким-то непонятным образом.

Итак, чтобы все стало понятно, я расскажу, что же произошло. Когда Фарлоу, наконец, окончательно проснулся, было всего десять минут четвертого. Он посмотрел на часы и понял, что с момента его прошлого пробуждения прошло ровно десять минут. Но несмотря на это, впоследствии он со всей серьезностью ученого уверял меня, что его сон продолжался не менее трех часов. Это звучало смешно и неубедительно, потому что хорошо известно, что для спящего секунда или две могут растянуться во сне на целую вечность, и за ничтожную долю мгновения перед тем как проснуться от громкого звука, человек видит во сне целую цепь событий, связанных с происхождением этого звука, которые придумывает его мозг в кратчайший отрезок времени.

И хотя все это, несомненно, так, я не мог не учитывать замечаний Фарлоу о последствиях его снов. А поскольку я искренне верю в глубокую обоснованность его

наблюдений, в чем однозначно убеждает и весь дальнейший ход событий, то я все же склонен считать, что мой приятель был совершенно прав — он спал и одновременно бодрствовал, и вот что ему пришлось пережить: он страшно замерз, находясь в воде, и в тот момент или немного раньше был в смертельной опасности. Порядочно нахлебавшись соленой воды, он теперь откашливался, барахтаясь на мелководье. Фарлоу чувствовал, что пальцы его ног дотягиваются до песчаного дна, и когда он открыл глаза, то обнаружил себя невдалеке от дикого безлюдного берега. Из последних сил он выбрался на сушу и повалился на белый волнистый песок. Лежа на боку на пустынном пляже и продолжая кашлять, он наблюдал, как заря постепенно окрашивает небо в розовый цвет.

На этом сон оборвался. Фарлоу проснулся, или, точнее, вернулся назад в свою комнату, содрогаясь от ужаса. Когда он в страхе кинулся к выключателю, чтобы взглянуть на часы, то увидел, что ступни его ног были в песке, а пижама оказалась насквозь пропитанной холодной соленой водой.

II

Легко можно представить себе реакцию Фарлоу на этот кошмар. Но только ему одному дано было до конца понять, какой страшный удар по всей его нервной системе нанес этот сон. Прошло несколько месяцев, прежде чем он осмелился впервые поведать мне о своем странном «путешествии по ту сторону занавеса», как он назвал это событие. Две ночи после этого жуткого «пробуждения» он боялся заснуть, а на третью до того утомил себя, что у него не осталось сил уже ни на какие сновидения.

Около недели его сон был совершенно нормальным, а потом произошло повторение случившегося. Фарлоу лег

спать вскоре после полуночи и сразу же впал в состояние «пробуждения». Опять он барахтался на мелководе, опять с трудом выполз на сушу, но на этот раз видение, или как вам угодно, длилось несколько дольше. Он лежал на берегу и откашливался, время от времени открывая глаза. Когда он открывал их, то видел встающее солнце и сознавал, что находится на Востоке. Но это был не сегодняшний Восток, а Восток времен глубокой древности.

И как только в дымке утреннего тумана появился красный шар солнца, картина внезапно исчезла, как будто дверь в другой мир захлопнулась, и Фарлоу проснулся в собственной кровати, опять насквозь промокший. Именно в это время он проконсультировался со своим приятелем — врачом, который, конечно же, ничем не смог ему помочь. Разумеется, Фарлоу не стал рассказывать ему все до конца, поскольку не хотел, чтобы его сочли сумасшедшим. А как раз без учета страшного момента пробуждения можно было подумать, что его просто преследует повторяющийся кошмар, что, впрочем, встречается довольно часто.

Для постороннего наблюдателя трудно постичь все мучения, которые пришлось пережить моему приятелю в те дни. Ведь даже для обычного человека все это показалось бы странным, а Фарлоу был ученым, и его мозг за долгие годы работы приучился автоматически отвергать подобные явления. Ведь они не согласовывались ни с какими законами природы, и тем не менее имели место.

Третий сон был повторением двух предыдущих, но, к радости Фарлоу, начался он с того, что тот уже лежал на песке. Солнце стояло чуть выше, и туман начинал постепенно рассеиваться. Как это ни странно, во сне у Фарлоу сохранился страх, что он может утонуть, но в то же время он полностью забыл все физические ощущения того, что когда-то находился в воде. С учетом этих так называемых сведений, да еще прибавив сюда солнечную жару, Фарлоу подсчитал, что лежит на берегу уже около трех часов.

Таким образом он пришел к заключению, что его сны прогрессируют во времени, и если так будет продолжаться,

то все это станет напоминать кино, которое показывают многократно, но каждый раз захватывая новый кусок пленки. Этот вывод потребовал от него длительных рассуждений, потому что его мозг в бодрствующем состоянии упорно отвергал всякие мысли о возможном реальном смысле этих снов. В четвертом сне солнце поднялось еще выше, туман почти совсем растаял, и перед тем как проснуться в своей комнате двадцатого века, он увидел, что одет в какую-то льняную рубашу допотопного покроя с глубоким вырезом на груди.

Нижняя часть его тела была облачена в мешковатые штаны из темного материала, которого раньше он никогда в жизни не видел, и, как и прежде, ноги были босые. Самым странным и необычным в этом сне было следующее: после первых трех снов он просыпался вымокший в чем-то, весьма похожем на морскую воду, теперь же кожа его была лишь чуть влажной. Тогда Фарлоу начал рассуждать о том, что его переживания во время сна имеют физическую, рациональную основу, и отсюда он заключил, что солнце, под которым лежала его другая личность, и высушило его.

На этой стадии он все еще пытался разумно объяснить свои кошмары, и одна мелочь очень сильно занимала его — каким образом одна деталь из мира его сна может переходить в реальную жизнь, а другая нет. Он имел в виду, конечно же, воду на коже, которую легко можно было заметить при пробуждении, и в то же время просыпался он при этом в своей пижаме. Ведь если вещества переносились из сна в другое измерение по одному и тому же закону, то тогда, теоретически, он все равно должен был очнуться в рубаше и штанах старинного покроя.

На этом этапе его аналитический ум претерпел существенные изменения, и появился еще один вопрос: что происходило с его пижамой и где вообще она была в то время, когда он лежал на берегу? Или же существовало одновременно две личности в разных плоскостях? Но, к великому сожалению Фарлоу, все эти рассуждения неумолимо сталкивались с железным барьером логических правил, и пра-

вила эти терпели крах всякий раз, как только он пытался применить их к данным обстоятельствам — будь то мир сна или мир реальности. Граница между двумя мирами постепенно стала весьма размытой.

К тому моменту как Фарлоу решил наконец посвятить меня в свою тайну, все это продолжалось уже несколько месяцев. Он всегда был художавым и нервным человеком, а происшествия последних недель добавили к его внешности еще и темные круги под глазами, и теперь он выглядел особенно изможденным и в то же время психически взвинченным как никогда. После нескольких вечеров полусвязных намеков и недомолвок он, наконец-то, начал изливаться передо мной, и тогда уж его было не остановить. Мысли его прорывались наружу, подобно пару из кипящего котла.

Больше всего Фарлоу боялся, что я приму его за ненормального, но после нескольких вечеров бесед и расспросов я рассеял его опасения на этот счет. Если когда-то и существовал абсолютно здоровый в психическом отношении человек, так это был, несомненно, именно он. За несколько встреч Фарлоу рассказал мне первые полдюжины своих снов, которые привели его к песчаному берегу. Там было тепло и спокойно; он лежал на горячем песке, а так как теперь все сны начинались с того, что он уже находился на пляже, то никаких физических неудобств это ему не доставляло, чем он и был очень доволен.

До сих пор, как ему казалось (хоть он и не всегда сваялся с часами), сон длился для него около трех часов, хотя в настоящем мире это время всегда равнялось десяти минутам. До поры до времени он не видел в этом какого-то особого смысла, но сделал одно интересное замечание: если бы первый сон начался с более раннего момента, например, с того, что он плывет еще далеко в море, за несколько миль от берега, то он не успел бы выбраться на сушу за три часа, отпущенных ему сном, и при таких условиях непременно бы утонул. Я не понимал, как он смог прийти к подобному выводу, и решил, что настала пора отвлечь его внимание от этих мрачных рассуждений. Но

хотя я говорил искренне и, как мне казалось, убедительно и по существу дела, он вздохнул и сразу же напрочь отменил все мои доводы. Он был просто уверен в том, что это могло произойти, и никакие слова не могли его разубедить.

Тогда я спросил Фарлоу, не считает ли он, что после его возвращения в наш мир в кровати был бы обнаружен утопленник, и он совершенно спокойно ответил мне, что это было бы именно так. Это глубоко поразило меня и побудило расспросить его еще кое о чем. По его рассказам выходило, что его физическое тело отсутствует в комнате во время таких сновидений, и я предложил ему подежурить в спальне, если это принесет какую-нибудь пользу. Но он сразу же отверг мое предложение, не давая при этом никаких объяснений и как-то странно посмотрев на меня. Я подумал, что он боялся любого постороннего вмешательства, даже идущего из добрых побуждений, так как оно могло усложнить его «возвращение» в наш мир.

Я не стал настаивать, потому что ясно видел, насколько серьезный оборот начало принимать это дело. На следующий вечер я снова пришел к Фарлоу. Он выглядел более спокойным и рассуждал вполне разумно. Эту ночь он спал без сновидений. Через несколько дней мы продолжили наши беседы. Теперь его сны начинались с того, что он лежит на берегу уже достаточно отдохнувший, и солнце даже успело высушить его одежду. Песчаный берег простирался на несколько миль, и, хотя никаких сколько-нибудь значимых ориентиров в пределах видимости не было, Фарлоу не покидало ощущение, что он находится на Востоке, причем в какие-то давние времена. Раз за разом солнце поднималось все выше, туман рассеивался, волны лениво выползали на белый раскаленный песок, и постепенно на востоке, вдалеке, на самом горизонте, сквозь туман стали проглядывать шпили какого-то города.

В течение всей серии снов Фарлоу не знал, ни кем он является, ни как очутился в море и что делал на берегу. Одет он был всегда в льняную рубашу и темные штаны, а просыпался неизменно сухой и в пижаме. Кроме того, каж-

дый раз появлялось одно и то же соотношение времени во сне и в реальности — три часа и десять минут.

Страх перед сном еще не появился в нем, и сны являлись примерно один раз в неделю, хотя иногда бывало и по два раза, и по развитию событий каждый последующий сон заходил чуть дальше предыдущего. Обычно эти видения посещали его тогда, когда он был сильно утомлен, во всяком случае в такие дни ему казалось, что преграды реальности разбиваются быстрее. Приятель-врач был по-прежнему не в состоянии чем-либо ему помочь. Тогда-то Фарлоу и решил захватить с собой в реальный мир что-нибудь с берега из мира сна, если только физически это окажется возможным. Он поведал мне об этом намерении как-то вечером, когда мы, по своему обыкновению, сидели в его кабинете после сытного ужина. Я отметил про себя, что такое признание стоило ему немалых усилий.

Когда мы увиделись в следующий раз, то первое, о чем я спросил его, едва находя нужные слова, было — удалось ли ему это сделать? Он ответил не сразу, одарив меня долгим пристальным взглядом. Глаза Фарлоу показались мне глубочайшими пещерами, в которых таилось какое-то страшное знание. Немного помедлив, он утвердительно кивнул. Потом резко встал и подошел к письменному столу. Отперев ящик стола, Фарлоу вынул оттуда какой-то предмет, завернутый в белую тряпку, и положил его на столик передо мной.

— Посмотрите вот на это, — сказал он. — Не волнуйтесь, здесь нет ничего страшного.

Должен признаться, что рука моя сильно дрожала, пока я разворачивал этот предмет. Возможно также, что когда я увидел его, то вид у меня был разочарованный или непонимающий, но Фарлоу сидел неподвижно, совершенно спокойный, и мрачно улыбался. Передо мной лежал небольшой красноватый камень около шести дюймов в длину, трех в ширину и весом где-то около двух фунтов. Я ничего не понимал.

— Не хотите ли вы сказать, что принесли это из своего сна? — спросил я. Ничего более банального я вы-

сказать не мог, но удивление мое возросло еще больше, когда мой приятель ответил:

— Да. Именно это я и хочу сказать.

На сей раз я не мог придумать никакого ответа, который не казался бы идиотским и не ставил под сомнение его нормальность, поэтому я повертел камень в руках и добавил:

— Вы давали его кому-нибудь посмотреть?

Фарлоу снова кивнул.

— Смитерсу. Это один из лучших наших геологов. Он был очень заинтересован и сильно удивлен, сообщив мне, что камень этот — времен Иисуса Христа. Но он никак не мог понять, почему с того времени в нем не произошло процесса эрозии.

Мы долго глядели друг на друга. Потом я взял стакан, и Фарлоу налил в него довольно крепкую смесь виски с содовой. Мне нечего было ему сказать.

III

Как раз после невероятного рассказа Фарлоу мне пришлось уехать на некоторое время по делам, и, хотя я писал ему письма, прошло более трех недель, прежде чем нам удалось встретиться с ним с глазу на глаз. Несмотря на то, что мы не виделись не так уж и много времени, в его лице успели произойти какие-то неясные перемены. Прежде всего, меня беспокоило то, что в глазах у моего друга появилась непонятная затаенная тревога и страх. Через день или два мы смогли основательно поговорить, но лишь после нескольких вечеров он начал вводить меня в курс дела, хотя о том, что сны продолжают, намекнул еще при первой же встрече.

События в снах разворачивались своим чередом; я знал об этом, хотя Фарлоу уже и не так охотно, как

раньше, вдавался в подробности. Но теперь видения стали приобретать зловещий оттенок. Он находился на берегу, полностью пришедший в себя после происшествия в море, хотя о случившемся в воде он помнил во время сна достаточно смутно. Он так и не узнал, кем он был, и не смог определить местонахождение берега. Солнце стояло гораздо выше, и туман почти совсем рассеялся. Башни и шпили далекого города проглядывали сквозь волнующую утреннюю дымку, и на сердце у него было легко и светло.

Через некоторое время Фарлоу посвятил меня в содержание целой серии новых снов, которые становились все тревожнее, и в конце концов вся атмосфера ночных видений стала окрашиваться страшными тонами. Фарлоу не помнил, как он впервые осознал это, но в течение десяти дней в его мозгу понемногу сложилось название города — Эмильон. Теперь сны являлись к нему почти каждую ночь, и каждый раз все начиналось с того, что он сидел на берегу, небо светлело, туман рассеивался и прекрасный город появлялся из дымки.

По рассказам Фарлоу, красота Эмильона была просто неземная, она наполняла радостью и счастьем все его существо. А так как в каждом последующем сне он все более крепчал, то вскоре смог бегать по песчаному берегу и даже заходить в теплую воду, наблюдая высокие золотые шпили города через неглубокий залив.

Единственное, с чем можно сравнить Эмильон, говорил Фарлоу, так это с Мон-Сан-Мишелем, когда на него падают лучи утреннего весеннего солнца, но если даже он и красив по земным стандартам, то несомненно блекнет в сравнении с городом его снов.

— Умножь красоту Мон-Сан-Мишеля раз в сто, и тогда получишь Эмильон,— просто сказал мне как-то Фарлоу, и его мрачное лицо при этом сразу же прояснилось.

Даже днем, в моменты бодрствования, название «Эмильон» наполняло его душу тихой радостью, и он часами просиживал над древними картами и атласами, в основном средневековыми, но все безуспешно. Город Эмильон, оче-

видно, находился в вымышленной стране. И вот однажды, примерно за неделю до моего возвращения, в снах произошла перемена. Знамена, башни и шпили Эмильона были видны через залив шириной немногим более мили. Полоса воды отсвечивала розовым и золотым в лучах восходящего солнца, а небольшие волны бороздили теплое бирюзовое мелководье. Из рассказа я также понял, что в городе находилась женщина, которую Фарлоу любил.

Насколько я смог судить, сам он пока смутно догадывался об этом, но с каждым новым сном нежное чувство все глубже проникало в его сердце. Имени ее он не знал, а признавал только то, что любит ее, а также то, что ему надо во что бы то ни стало попасть в Эмильон. И все же, как это бывает в снах, даже в таких ярких и реальных, как у Фарлоу, он никак не мог ускорить события. Он был не в силах просто взять и пойти в город, как сделал бы это в реальной жизни. Сон сам с каждой ночью понемногу продвигал его вперед по дороге событий. С каждым разом он все ближе подходил к пенящемуся заливу, отделявшему его от города. И тут в пейзаже появилось маленькое изменение.

Взглянув на башни Эмильона, Фарлоу заметил слабый белый туман у их подножья, будто бы легкая дымка легла на границе воды и города. Туман поднимался от песка под городскими стенами на расстоянии полутора миль от него. И хотя туман этот казался застывшим, Фарлоу каким-то образом понял, что на самом деле он движется с невероятной скоростью. Это сильно обеспокоило его. Легкий ветерок смел последние намеки утренней дымки, зависшей над морем, и необычный страх поселился в сердце моего приятеля. Он остановился и с растущей тревогой всмотрелся в белое облачко на горизонте. И тут же проснулся с ощущением дикого ужаса. Лоб его покрывали капли холодного пота.

Следующей ночью он боялся заснуть, но сон все равно одолел его. И опять он оказался на берегу и вглядывался вдаль, туда, где появился странный белый дымок, скользящий со скоростью птицы. Теперь Фарлоу показалось, что облачко несколько приблизилось к нему. Налетел ветер, и

он снова почувствовал в глубине души страх, который никак не хотел исчезать, и вновь очнулся в холодном поту. Сны продолжались, и каждый раз он видел одно и то же: каждую ночь Эмильон сверкал перед ним через пенящийся мелкий залив, но белая полоска дыма теперь стала намного ближе, и тут начали проявляться детали.

Опять задул прохладный ветерок, и Фарлоу показалось, что в шуме ветра с небес донесся шепот. То, что он слышал в крадущемся шорохе, было: «ЯНЫЧАРЫ ИЗ ЭМИЛЬОНА!» И, пронзительно закричав, он тут же проснулся.

IV

— Ну и что вы об этом думаете? — уже в четвертый раз спрашивал меня Фарлоу. Я зажег сигарету и заметил, что рука моя немного дрожит.

— Янычары — это что-то вроде мамелюков, да? — наконец произнес я.

Фарлоу кивнул и достал с полки толстый том.

— Я сразу же посмотрел, что это такое, — сказал он и зачитал из книги несколько строчек. Оказалось, что янычары — это отряды пехотинцев в древней Турции, составлявшие охрану турецких султанов. Отменены в 1826 году. В книге давались и другие определения: «личное орудие тирании» и «безжалостные солдаты-убийцы».

Когда он закончил читать, я принял серьезный вид.

— Но как же тогда связать их с временами двухтысячелетней давности и с Востоком? — сразу же спросил я, не дав Фарлоу заговорить первым.

— Янычары — очень древние отряды, — услышал я его спокойный ответ. — И назывались они по-разному. В давние времена такие солдаты ездили верхом и действовали подчас далеко за пределами Турции, в том числе —

на Ближнем и Среднем Востоке. Не надо забывать также, что Турция была тогда восточной империей. И лишь только со времен Ататурка...

— Все это очень хорошо,— перебил я.— Но тем не менее вы не должны так серьезно воспринимать свой последний сон.

Фарлоу резко вытянул руку вперед, жестом останавливая мои излияния. Одного взгляда на его лицо было достаточно, чтобы понять, что он крайне серьезен.

— Вы же так и не выслушали меня до конца,— тихо ответил он.— После этого сна было еще несколько.

Короче говоря, спящая личность моего приятеля стояла на берегу, а видение менялось с каждым часом. Белое облачко росло и наконец превратилось в кучу темных точек, над которой вздымалась полоса пыльной дымки. В следующем сне он заметил струйки воды, взметнувшиеся вверх, когда непонятная масса вошла в залив, отделяющий ее от Фарлоу. И тот самый страх, который не выходил из его сердца, вновь пронзил моего друга, когда прохладный ветерок опять донес до него шепот: «ЯНЫ-ЧАРЫ ИЗ ЭМИЛЬОНА!»

Как человек, просыпающийся от кошмара и обнаруживающий, что он так и не проснулся до конца, несчастный Фарлоу отчаянно закричал и пробудился, осознавая, что все это было лишь прелюдией к настоящему ужасу, который ждет его в последующих снах. Я изо всех сил старался успокоить своего друга, хотя надо признать, что мое присутствие не слишком добавляло ему храбрости. Я высказал также предположение, что в создавшейся ситуации ему, возможно, помог бы священник или опытный врач. В ответ Фарлоу лишь грустно покачал головой и с горькой иронией заметил, что в его состоянии, конечно, было бы как раз впору обратиться к священнику, но только какой же священник или врач возьмется сопровождать его в ночных кошмарах и стоять рядом во время опасности, которая угрожает ему в том, другом мире? Я посмотрел в полные отчаяния глаза Фарлоу, и чувство глубокой безысходности, читавшееся в его взгляде, невольно передалось мне.

И, может быть, поэтому, услышав его следующие слова, я впервые по-настоящему испугался — чем же может закончиться эта коварная и страшная борьба, ночь за ночью идущая в его до крайности измученном мозгу?

Неподвижно склонившись над опустевшим письменным столом, он медленно и тихо сказал мне:

— Я все тщательно обдумал. В последнем сне, две ночи назад, я впервые хорошо разглядел, откуда идет настоящая угроза... Дело в том, что я никогда не попаду в город. По воде навстречу мне движется конный отряд. Солдаты закутаны в белые одеяния и мчатся с огромной скоростью. Даже несмотря на то, что сны прогрессируют медленно, конец уже не за горами. Это вопрос, самое большее, нескольких недель.

Я хотел было как-то развеять его мрачные мысли, но слова застряли у меня в горле.

— Это же янычары из Эмильона! — задыхаясь, выкрикнул Фарлоу. — Я уже различаю их зверские восточные лица. Черт знает как, но я стал человеком их времен, которому они должны отомстить!

— Да как же сон может причинить тебе реальный вред?! — неожиданно для самого себя выпалил я.

— Дурак! — заорал Фарлоу. — Они же убьют меня! Как только они поймают меня, я умру.

Я молчал. Фарлоу отвернулся и невидящими глазами уставился на книжную полку.

В наступившей тишине я встал и взял свою шляпу.

— По-моему, друг мой, вам нужна хорошая медицинская консультация, причем немедленно, — сказал я. — Могу порекомендовать вам...

— Спокойной ночи, — ровным и ничего не выражающим тоном прервал меня Фарлоу.

Я тихо вышел и закрыл за собой дверь. В этот вечер, чего греха таить, даже у меня появилось сомнение в его полной нормальности.

В создавшихся обстоятельствах, начав опасаться за рассудок и саму жизнь моего друга, я обратился к доктору Сондквисту и как можно точнее постарался обрисовать ему суть дела. К моему облегчению, Сондквист не увидел в этом случае ничего сверхъестественного и выходящего за рамки его обычной психиатрической практики. Он привел несколько убедительных цитат из Юнджина и Адлериана и своим чутким отношением к моему рассказу вскоре уверил меня, что он — именно тот человек, который сможет отвести заблудившийся разум Фарлоу от мрачного берега его снов, если это вообще в человеческих силах.

К счастью, следующая встреча с Фарлоу прошла более благоприятно, нежели я мог ожидать. Казалось, что мой приятель напрочь забыл о своей вспышке гнева, имевшей место накануне. Он был бледен и очень изможден, но тем не менее накаленная атмосфера, окружавшая его в последнее время и наводившая на мысль, что человек находится на грани помешательства, куда-то исчезла. Беседа прошла спокойно и тихо. Я понял, что в эту ночь ему ничего не снилось. А в заключение Фарлоу сказал, что согласен встретиться с доктором Сондквистом. Через неделю, после тщательного обследования, его поместили в Гринмэншен для отдыха и наблюдения, о чем я упоминал уже в начале рассказа.

Само собой, что мы потеряли тот близкий контакт, которым прежде наслаждались по вечерам, хотя поначалу я мог навещать своего друга дважды в неделю, и доктор Сондквист с готовностью давал мне самую исчерпывающую информацию о состоянии его здоровья. Конец этой истории составлен мною из того, что я узнал из уст самого Фарлоу, из его дневника, переданного мне в госпитале, и из последнего страшного разговора с доктором Сондквистом.

Когда я впервые навестил Фарлоу в Гринмэншен, то с беспокойством отметил, что выглядит он еще более измож-

денным и уставшим, чем ранее. Но белые стены санатория, размеренное течение жизни и повседневная забота медицинского персонала несомненно оказывали свое благотворное влияние. Это было сразу заметно.

Безо всяких предисловий Фарлоу начал рассказывать мне о подробностях своих последних видений, будто не мог более ни секунды выдержать того, что кроме него их никто не созерцает. Со времени нашей последней встречи у него было еще два сна, в целом повторявших предыдущие, но, как всегда, с некоторыми новыми деталями. Насколько Фарлоу сумел разглядеть, янычары были теперь значительно ближе. Он все так же стоял на берегу, а белые всадники бороздили воду залива уже на полпути к нему.

Фарлоу видел, что они несут с собой нечто похожее на знамя с изображением зеленого полумесяца и при этом отчаянно размахивают короткими кривыми мечами, ослепительно сверкающими в лучах утреннего солнца. Их белые тюрбаны волнами вздымались в ритме лошадиной скачки, а воронные кони, бегущие тесным строем, с громким ржанием рассекали теплые волны залива своими блестящими подковами. Жестокость лиц янычаров, которые уже можно было разглядеть под тюрбанами, не оставляла никаких сомнений в неизбежности расплаты. Их обросшие бородой землистые лица, горящие глаза и ярко-красные тонкие губы, слегка приоткрытые и обнажившие ряды острых белых зубов — все было настолько хищное и пропитанное садизмом, что спящая личность Фарлоу чуть было не потеряла сознание от страха.

Во сне, который он видел следующей ночью, янычары подъехали настолько близко, что уже можно было ясно слышать их рубленые гортанные выкрики и даже рассмотреть узоры на замысловатых уздечках коней. На ногах у всадников были сапоги из мягкой кожи с острыми металлическими шпорами, которые они глубоко вонзали в бока взмыленных скакунов. Снова задул ветер, неся с собой озноб отчаяния, и в двадцатый или тридцатый раз Фарлоу проснулся с воплем смертельного ужаса.

Я пытался успокоить своего друга, как только мог, но

после нескольких часов тщетных усилий все же вынужден был покинуть его до следующего посещения. К сожалению, в этот день Сондквиста не было в клинике и мне не удалось побеседовать с ним, хотя он, вероятно, смог бы убедить меня в возможности благоприятного исхода всей этой истории. Но так или иначе, со временем я стал замечать, что постепенно и сам склоняюсь к тому же заключению, которое повергло Фарлоу в состояние крайней меланхолии, а именно: что развитие его снов — процесс совершенно неизбежный, и как-либо изменить или остановить его, а значит, и предотвратить наступление вполне определенного исхода, абсолютно невозможно. Но что это был за исход, никто из нас, кроме разве что самого Фарлоу, не мог даже предположить.

О последующих событиях я узнал из дневника моего друга, который он вел последние месяцы. Приведенный ниже отрывок, сложенный мною из отдельных кусочков, относится ко времени, следующему как раз за моим посещением. В этот период Фарлоу пытались лечить шоковой терапией, причем довольно интенсивно, и в результате днем он становился замкнутым и отрешенным, каким раньше бывал лишь по ночам, когда ему не удавалось заснуть. Сондквист был сильно обеспокоен его состоянием, но продолжал держаться учтиво и не подавал никакого вида, что существует серьезная опасность. Курс лечения должен был прервать навязчивое повторение снов и впоследствии рассеять их совсем. По крайней мере так я, не будучи специалистом, понял это из дневника Фарлоу. Помимо всего прочего в его записях было много размышлений о разного рода метафизических проблемах, которые для меня оказались непонятными, и поэтому я пропускал те страницы, на которых он предавался рассуждениям о законах природы и строении Вселенной.

В результате лечения развитие снов удалось несколько приостановить. Во всяком случае, если раньше Фарлоу видел свои кошмары по три раза в неделю, то теперь они стали являться не чаще одного раза. Таким образом, исход этой странной «болезни» был несколько

оттянут по времени, но ни разрушить, ни как-либо изменить по содержанию сны, столь сильно омрачавшие сознание моего приятеля, никакое лечение не было в силах.

Большую часть времени Фарлоу был свободен от медицинских процедур. В такие часы он валялся полностью одетый на маленькой железной кровати и смотрел в потолок, прислушиваясь к голосам птиц, доносившимся из сада. День за днем он слушал, как течет кровь в его жилах, и уже мог даже различать оттенки пульса в разных частях тела. Каждой клеточкой своего организма Фарлоу сознавал, что живет; он почти что чувствовал, как растут ногти на его ногах под носками. Хорошо знал он также, сколько много еще может дать миру в области научных исследований. И с этим полным ощущением кипевших в нем жизненных сил в свои сорок девять лет он ясно понимал, что его страстная жажда жизни и дальнейшего творчества на поприще науки едва ли будет утолена. Эти тяжкие мысли не оставляли его ни на минуту, и с ними смешивалось жгучее желание стряхнуть с себя черное облако неизбежной судьбы, полностью заслонившее горизонт уже не только в снах, но и в реальной жизни.

В одной из последних дневниковых записей Фарлоу я нашел следующие слова, подчеркивающие его трагическое знание предстоящего: «Эти лица, эти страшные, жестокие лица! И эти глаза! Если Сондквист ничего не сделает, они скоро настигнут меня. И это будет конец...»

VI

Конец наступил раньше, чем можно было предположить. Во всяком случае, даже для меня случившееся явилось большой неожиданностью. Уехав на время по служебным делам, я не мог навещать Фарлоу целую неделю. Когда же я, наконец, позвонил в Гринмэншен, чтобы справиться-

ся о своем друге, старшая сестра отвечала как-то уклончиво и односложно и в конце концов посоветовала переговорить с дежурным врачом. Тот, в свою очередь, тоже отказался от разговора и попросил меня перезвонить Сондквисту. Но Сондквист был очень занят и не смог подойти к телефону. Поэтому в конечном итоге я так ничего и не узнал. Тогда я решил поехать в клинику лично.

Стоял жаркий июльский день, и густой переливающийся воздух, радостные песни птиц и тепло, поднимающееся от земли, говорили о том, что жара будет и дальше усиливаться. Пока я ехал в Гринмэншен, красота летнего пейзажа немного отвлекала меня от невеселых мыслей о том тяжком положении, в котором-оказался несчастный Фарлоу. Но как только я подъехал к клинике, так сразу же понял, что здесь что-то произошло. Главные ворота госпиталя были заперты и мне пришлось звонить в будку привратника.

Он почему-то начал перезванивать в основное здание, чтобы мне разрешили пройти вовнутрь. Пока он звонил, я вышел из машины, незаметно открыл оказавшуюся незапертой дверь рядом с будкой и проник во двор, услышав за спиной запоздалые крики привратника. Подойдя к корпусу больницы, по царившей вокруг суете я сразу понял, что уже ничем не смогу помочь своему бедному другу. Рядом с газоном стояла городская скорая помощь; а неподалеку припарковались две полицейские машины с лондонскими номерами. Встретившая меня старшая сестра выглядела бледной и испуганной и стала пытаться отговорить меня от встречи с доктором Сондквистом.

— Позвоните, пожалуйста, директору вечером,— сказала она.— Это будет самое лучшее.

Покачивая головой, я твердо сказал ей, что хочу видеть Сондквиста немедленно. Она немного поколебалась, а затем нехотя прошла к телефону в свой кабинет. Я прождал в холле почти десять минут, прежде чем услышал ровные шаги доктора по коридору. Он выглядел крайне встревоженным и измученным.

— Мне хотелось бы повидать Фарлоу,— начал я безо

всяких предисловий. В ответ Сондквист грустно покачал головой, и по лицу его пробежала мрачная тень.

— У меня плохие новости для вас,— сказал он.— Минувшей ночью Фарлоу умер.

Несколько мгновений я не мог прийти в себя, а потом вдруг как бы со стороны увидел, что доктор подвел меня к стулу. Старшая сестра стояла наготове неподалеку. Сондквист протянул мне стакан брэнди, и я машинально опорожнил его.

— Что случилось? — заикаясь произнес я, как только чувства вернулись ко мне.

Скорбное выражение опять скользнуло по лицу Сондквиста, и после минутной паузы он нерешительно ответил:

— Ночью у него был сердечный приступ. К сожалению, мы ничего не смогли сделать...

Я просто не поверил ему, и, возможно, это стало заметно из моих слов:

— Тогда зачем здесь полиция? — спросил я, пристально глядя ему в глаза.

Сондквист резко замотал головой.

— Они приехали совсем по другому делу,— быстро ответил он, но при этом на его скулах проступили красные пятна. Затем он дружески положил руку мне на плечо.

— Видите ли,— начал он ласковым тоном,— сейчас у меня крайне много неотложных дел, и вы меня очень обяжете, если позвоните немного попозже. Мы договоримся о встрече на завтра, когда у меня появится время, и тогда я с радостью отвечу на все ваши вопросы.

Я угрюмо согласился и через несколько минут был уже на пути в город. Но встреча с доктором, состоявшаяся на следующий день, ничем меня не порадовала, так как всяческих неясностей и вопросов после нее стало даже больше, чем было вначале. Похороны прошли тихо, и через несколько месяцев о бедном Фарлоу с его проблемами почти все позабыли. Но только не я! Я продолжал поддерживать связь с Сондквистом, часто бывал у него, и когда он начал доверять мне и убедился, что в моих вопросах лежит нечто большее, чем праздное любопытство, он

открылся мне во всем, что касается истинных обстоятельств смерти Фарлоу. Но иногда я думаю, что лучше бы он этого не делал. По крайней мере тогда бы я крепче спал по ночам.

Прошло более года, прежде чем Сондквист решился мне обо всем рассказать. Был сентябрь, хворост трещал в камине его кабинета в Гринмэншен, распространяя по комнате волны сухого тепла. Мы засиделись допоздна, и хотя днем было еще тепло, вечера уже несли с собой прохладу. Он достал кое-какие записи о лечении Фарлоу и разрешил мне просмотреть дневник моего друга.

После небольшой паузы я прямо спросил его:

— Вы считаете Фарлоу сумасшедшим?

Сондквист задумался, а потом решительно покачал головой.

— Иногда мне кажется, что сумасшедший — это я, — как-то загадочно сказал он, и странное напряжение мелькнуло в его взгляде.

— Что вы имеете в виду? — насторожился я.

Доктор нервно забарабанил длинными пальцами по столу, потом поднял стакан вина и залпом осушил его.

— Вы уверены, что в самом деле хотите узнать, как умер ваш друг? — спросил он, испытующе глядя на меня прямо в упор.

Я кивнул. Сондквист повернулся и мрачно посмотрел на огонь, будто ответ на загадку Фарлоу находился где-то среди мерцающих угольков.

— Могу я надеяться на ваше благоразумие в этом вопросе? — наконец спросил он после долгого молчания.

— Несомненно, — уверенно ответил я.

Тогда доктор повернулся ко мне и посмотрел прямо в глаза, начав рассказывать о жутком конце этой печальной истории.

— Я полагаю, вы все знаете о прогрессии снов Фарлоу, не так ли? — осведомился он для начала.

— Да, он все мне рассказывал, — подтвердил я.

Сондквист поведал мне, что в последние дни лечения Фарлоу был, как всегда, тихим и послушным. Но перед

самой последней ночью он вдруг очень разволновался и в беседе с доктором рассказал ему о своих тревогах. Дело было в том, что в последнем сне янычары так близко подъехали к Фарлоу, что он мог уже дотронуться до них. И он опасался, что если следующей ночью сон повторится опять, то они уничтожат его, и он погибнет.

Сондквист, разумеется, имел другое объяснение этим снам. Он полагал, что последнее видение должно ускорить развязку болезни, потому что как раз оно-то и содержит в себе зерно всей проблемы. Он сказал Фарлоу, что если тот выдержит этот критический момент и пересилит в себе страх, то дальше сможет жить совершенно нормальной жизнью. По мнению доктора, именно после этой ночи, если действительно придет тот самый сон, которого Фарлоу так боится, он будет вылечен, и навязчивые кошмары навсегда оставят его. Реакция моего друга была вполне понятной: он страшно рассердился, заявив, что Сондквист ничего не понимает и не хочет понимать, потому что его собственная жизнь не висит на волоске. В конце концов Фарлоу до того разгорячился, что пришлось вызвать санитаров, чтобы успокоить его. Он выкрикивал что-то насчет янычаров из Эмильона и умолял Сондквиста поставить у его постели на ночь охрану.

Директор дал ему успокоительные таблетки и велел ночным сестрам время от времени заглядывать в палату. Фарлоу перевели в комнату с мягкими стенами и полом, и так как смирительная рубашка больше не требовалась, спал он, как всегда, на кровати. В два часа ночи дежурный санитар заглянул в окошечко изолятора. Пациент спал.

А около четырех утра клиника была разбужена жуткими криками. Неистовые вопли неслись из палаты Фарлоу, и это было нечто ужасное, чего раньше никогда не приходилось слышать даже директору. Первый санитар, который заглянул в окошко палаты, тут же отвернулся. Его страшно рвало несколько часов, а потом он потерял сознание. С огромным трудом Сондквист заставил себя войти в комнату. После тщательного исследования содер-

жимого палаты была вызвана полиция, сделаны фотографии, и опрос свидетелей длился целую неделю.

Ради поддержанная спокойствия среди пациентов и персонала Гринмэншен, а также для сохранения репутации самого доктора Сондквиста, высшие власти, среди которых был и сам начальник полиции графства, решили, что делать этот случай достоянием гласности не следует, и его быстро замяли.

Истина была настолько фантастичной, что единственное письменное упоминание о ней сохранилось лишь в личном архиве Сондквиста, который все это время был заперт на замок, и документы могли быть опубликованы только после его смерти.

Здесь я начал задавать вопросы, и доктор подробно ответил на них. Потом он дал мне посмотреть фотографии, сделанные в тот страшный день, и я подумал, что было бы лучше их сразу же уничтожить. Никогда не забуду, что там было изображено... С болью в сердце я, наконец, вышел из ворот Гринмэншен и как пьяный поехал домой.

Когда я окончательно пришел в себя, то первым делом отыскал пресловутый камень, переданный мне Фарлоу, замотал его в мешковину и привязал к свертку несколько тяжелых железок. Затем поехал на мост и выбросил все это в реку. После этого мне показалось, что часть мрачной тени сползла с моего рассудка. Но все же эта история продолжает неотступно преследовать меня, и в последнее время мой сон стал часто нарушаться. И я молю Бога, чтобы мне не снились сны, которые посещали Фарлоу...

То, что рассказал мне Сондквист, и что я увидел на фотографиях, напоминало разделочную комнату в мерзкой кровавой бойне. В палате Фарлоу, которая была обита мягкой материей, и где не было ни одного острого угла, а тем более — оружия, лежали окровавленные, изрезанные, растерзанные куски его трупа, в нечеловеческой злобе разбросанные по всему помещению — там глазное яблоко, там рука, там часть ноги, точь-в-точь как на демонических полотнах Иеронима Босха. С той лишь разницей, что все

это было на самом деле. Неудивительно, что многие медсестры потеряли сознание при виде этой картины, а санитарам, убравшим помещение, пришлось пользоваться масками и щипцами.

И вот что сказал мне доктор Сондквист, когда я уходил от него:

— Можете в этом не сомневаться, хотя научно такое и необъяснимо, но Фарлоу был разорван на кусочки так, будто на него напала добрая дюжина молодцов с острыми ножами или саблями!..

КАРЛ • ЯКОБИ



ОТКРОВЕНИЯ ВЧЕРАШНЯЯ





то было старое заброшенное место на Харбор-стрит. Потертая вывеска над магазином гласила: «Джованни Ларла — АНТИКВАРИАТ», а тускло освещенную витрину покрывал толстый слой пыли.

Как только я перешагнул порог магазина в то безрадостное сентябрьское утро, чтобы спастись от дождя, да еще, пожалуй, из-за интереса к старинным вещам, тоска и заброшенность сразу же окутали меня почти материальной пеленой. Внутри было темно, посередине возвышалась груда каких-то коробок, обшитых вылинявшей тканью, в которой кое-где просвечивали дыры. Я увидел старинную итальянскую мебель времен Ренессанса — один шкаф покосился, и когда я проходил мимо, мне показалось даже, что он нахмурился.

— Добрый день, синьор. Вы хотели бы что-нибудь купить? Картину, кольцо или, может быть, вазу?

Я оглядел появившегося из темноты приземистого толстого итальянца, владельца магазина, и задумался.

— Нет, просто посмотреть, — сказал я, глядя на возвышающиеся повсюду горы старинного хлама. — Ничего особенного мне не нужно...

Лоснящееся лицо хозяина расплылось в улыбке, будто

он слышал эти слова уже тысячу раз. Он вздохнул, помолчал, прислушиваясь к барабанной дробі дождя по окнам, а потом очень медленно подошел к полкам, как будто размышляя о чем-то. В конце концов он достал откуда-то увесистый предмет, который оказался раскрашенным кубком.

— Шестнадцатый век,— пробормотал он невнятно.— Настоящее произведение искусства, синьор.

Я отрицательно покачал головой.

— Мне не надо никакой посуды,— сказал я.— Может быть, я куплю у вас книги, но посуда мне не нужна.

Хозяин нахмурился.

— Книги у меня тоже есть,— ответил он.— Старинные книги, которые никто вам не продаст, только Джованни Ларла. Но вы должны осмотреть и другие мои сокровища.

По-видимому, Джованни Ларла не любил спешить. Прошло минут пятнадцать, за которые он предложил мне брошь с камеей, резной стул непонятного стиля и эпохи, целую кучу пожелтевших статуэток, облупившиеся масляные миниатюры и пару огромных портлендских ваз. Несколько раз я нетерпеливо поглядывал на часы, размышляя о том, как бы мне получше отделаться от этого назойливого лавочника и выбраться из его мрачного магазина. Вспыхнувший было интерес к древностям к тому времени у меня уже прошел, и мне хотелось поскорее на улицу.

Но когда он попросил меня пройти в самую глубь магазина, одна вещь все же привлекла мое внимание. Я и не подозревал, что в эту секунду беру с полки подлинную книгу ужасов. Если бы я знал, какие события это повлечет за собой, если бы только мог предвидеть те дни, которые последуют для меня за этим промозглым сентябрьским утром, то клянусь, что я отшатнулся бы от книги, как от прокаженной, убежал бы из этого магазина и впредь никогда больше не подходил бы близко к той улице, избегая ее, как проклятое Богом место. Тысячу раз потом я повторял, что многое отдал бы, чтобы не заметить этой книги на полке. И не было бы тогда всех тех терзаний

души, ужаса, страхов и безумия, которые обрушились на меня впоследствии.

Но я, ничего не подозревая о тайнах, заключенных в эти страницы, небрежно погладил переплет и заметил:

— Какая необычная книга. Что это?

Ларла мельком взглянул на книгу и сразу же помрачнел.

— Она не продается, — тихо ответил он. — Не понимаю, как она очутилась на этой полке. Она принадлежала моему бедному брату.

Томик, оказавшийся в моих руках, и вправду был очень необычен. Размерами не более четырех дюймов на пять, он был переплетен в черный бархат. Каждый угол обложки украшал треугольник из слоновой кости. Я никогда в жизни не видел такой красивой работы. В центре обложки имелся еще один кусочек слоновой кости, вырезанный в форме черепа. Но больше всего меня поразило название книги. На переплете тонкой золотой тесьмой было вышито: «Пять единорогов и жемчужина».

Я посмотрел на Ларлу.

— Сколько это стоит? — спросил я и решительно полез в карман за бумажником.

Но он опять покачал головой.

— Нет, это не продается. Это... последний труд моего брата. Он писал эту книгу как раз перед смертью. Он умер в одном... лечебном заведении.

— В лечебном заведении?

Ларла ничего не ответил, продолжая задумчиво смотреть на пыльный бархатный переплет. Очевидно, мысли его были сейчас где-то очень далеко. Молчание затягивалось. Но когда он наконец заговорил, в его глазах блеснул какой-то странный огонек. И мне показалось даже, что пальцы у него дрожат.

— Мой брат Алессандро был прекрасным здоровым человеком до того, как написал это, — медленно начал Ларла. — Он писал великолепно, синьор, и был здоровым и сильным. Часами я мог сидеть и слушать его, когда он читал мне свои стихи. Он был мечтателем, мой брат Алес-

сандро, любил все красивое и возвышенное, и мы были счастливы вдвоем. До тех пор, пока не наступила та страшная ночь. И потом он... Но нет, не стоит вспоминать — прошел уже целый год. Лучше все забыть, — Ларла провел рукой по лицу и шумно вздохнул.

— Так что же случилось? — спросил я.

— Случилось, синьор? Я и сам толком не знаю. Все это так запутано... Неожиданно он заболел, причем заболел безо всякой причины. Румянец здорового итальянца исчез с его лица, и он стал очень бледным, похудел. Силы оставляли моего брата с каждым днем. Доктора прописывали ему разные лекарства, но ничего не помогало. Он становился все слабее, и той ночью...

Я с любопытством посмотрел на него, сильно заинтригованный его волнением.

— И что же потом?

Ларла слегка раскачивался из стороны в сторону и нервно сжимал кулаки, глаза его стали влажными и как будто хотели выскочить из орбит.

— А потом... О, если бы я только мог позабыть все это! Это было так ужасно. Бедный Алессандро прибежал домой весь в слезах. Он что-то кричал. В эту ночь, синьор, он... сошел с ума.

Потом его забрали в сумасшедший дом, сказав, что ему нужен полный покой, что он перенес сильнейшее потрясение. Но он... он умер через три недели. Умер, целую распухавший.

Несколько секунд я молчал, наблюдая за дождевыми каплями, ползущими по окну, а потом спросил:

— Так он написал эту книгу, когда уже попал в сумасшедший дом?

Ларла кивнул.

— Три книги, — ответил он. — Две остальные точно такие же как та, которую вы держите сейчас в руках. Переплеты он сделал, конечно, когда еще был здоров. Он собирался переписывать туда от руки свои стихотворения. Ему очень нравилась эта работа. Но то, что он записал сюда, эти его безумные мысли, — я так и не читал... И не

собираюсь читать. Я хочу сохранить о нем память, как о здоровом человеке. Эта книга попала на полку случайно. Я положу ее вместе с остальными его вещами в другое место.

Мое желание прочитать страницы, переплетенные в черный бархат, усилилось в сотни раз, когда я узнал, что это невозможно сделать. Я всегда интересовался психологией безумных людей и прочел уже немало работ на эту тему. Сейчас же передо мной было произведение, написанное в сумасшедшем доме. В полном варианте, безо всяких купюр, я держал в руках труд образованного человека, потерявшего рассудок. Интуиция подсказывала мне, что в этой рукописи скрывается какая-то тайна. И я решил для себя, что должен завладеть книгой во что бы то ни стало.

Я повернулся к Ларле, пытаясь как можно тщательнее выбирать выражения.

— Я прекрасно понимаю ваше желание оставить эту книгу у себя,— сказал я.— И поскольку вы отказываетесь продать ее, то, может быть, вы разрешите мне поддержать ее у себя хотя бы один вечер? А я обещаю вам, что завтра утром обязательно ее верну.

Итальянец колебался. Стоя у полки, он нервно перебирал массивную цепочку старинных часов.

— Нет, извините меня...

— Десять долларов, и завтра она будет у вас в целости и сохранности.

Ларла начал разглядывать свои ботинки.

— Ну хорошо, сеньор, я верю вам. Но пожалуйста, я прошу вас, очень прошу, верните мне ее завтра же.

И вечером в тишине своей квартиры я с нетерпением раскрыл этот удивительный фолиант. Немедленно мое внимание привлекли три строчки, написанные женской рукой на обратной стороне обложки каким-то выцветшим красным раствором, который более походил на кровь, чем на чернила. Я прочитал: «Откровения, которые должны были разрушить мое могущество без кола, только укрепили его. Читай, безумец, и войди в мои владения, потому что теперь мы скованы одной цепью. Скорбите по Ларле».

Некоторое время я размышлял над этими непонятными мне фразами, так и не находя разгадки. Потом перевернул страницу и начал читать последнее произведение Алессандро Ларлы. И передо мной развернулись события самой непонятной истории, которую я только встречал за долгие годы изучения многочисленных старинных книг.

«Вечером пятнадцатого октября я вышел на улицу и шел до тех пор, пока не почувствовал усталость,— писал Ларла.— Рев настоящего уже слабо отдавался вдалеке, и я подошел к двадцати шести сойкам, безмолвно созерцающим руины. Проходя мимо них, я смотрел на скелеты деревьев и сел так, чтобы было видно рыбу, злобно глядящую на меня. Рядом молился ребенок. Стекла бросили на меня луну. Трава пела литании у моих ног. И острая тень медленно двигалась по левую руку.

Я брел по серебристому гравию и подошел к пяти единорогам, галопирующим возле воды прошлого. И здесь я нашел жемчужину — великолепную, красивую жемчужину, но черную. Она благоухала, как цветок, и я даже подумал, а не маска ли этот запах? Но зачем же такому совершенному созданию носить маску?..

Я сел между смотрящей на меня рыбой и галопирующими единорогами и почувствовал, что безумно влюблен в жемчужину. Прошлое стерлось в однообразии настоящего и...»

Я отложил книгу в сторону и откинулся на спинку кресла, наблюдая за клубами дыма, медленно выползающими из моей трубки и поднимающимися к потолку. В книге были и еще записи, но я ничего больше не смог разобрать. И дальше все было написано таким же странным слогом, который совершенно не поддавался расшифровке. И все же мне показалось, что этот рассказ — не просто бред сумасшедшего. За туманными фразами здесь скрывались действительные события, покрытые вуалью символов.

И вдруг какое-то наваждение охватило меня. Видимо, от всего, только что прочитанного, мне стало не по себе.

Строчки вертелись в моей голове, и я почувствовал, что во мне постепенно растут волнение и страх.

В комнате стало душно и неудобно. Меня манили открытые окна и улица. Я подошел к окну, отодвинул в сторону занавески и простоял так некоторое время, глубоко затягиваясь трубкой. Позвольте здесь сообщить вам, что я вообще очень сильно подчиняюсь своим привычкам, и с годами они стали просто частью меня самого. Так, например, я никогда не имел обыкновения в ночное время бродить без дела по улицам, а вот сейчас, что показалось мне очень странным и любопытным, я вдруг ощутил сильнейшее желание выйти из дому и совершить прогулку.

Я нервно зашагал по комнате. Отсчитывая минуты, в тишине громко тикали каминные часы. И в конце концов я положил трубку на стол, взял шляпу и пальто и направился к двери.

Как это ни смешно, но как только я вышел на улицу, так сразу же почувствовал необходимость двигаться в определенном направлении. Я понял, что ни в коем случае не должен отклоняться от направления на север, и хотя на севере города лежал совершенно незнакомый мне район, я уверенно зашагал туда, методично выбирая улицы и переулки, ведущие к окраине города. Была прекрасная лунная сентябрьская ночь. Лето уже кончилось, и в воздухе приятно пахло чуть подмороженной зеленью. Огромные часы на Капитолии громко пробили полночь, в магазинах и учреждениях свет уже не горел, и постепенно огни гасли в жилых домах, в то время как я неуклонно продвигался все дальше и дальше на север.

По дороге я безуспешно пытался выкинуть из головы эту странную книгу. Но целые предложения из нее то и дело всплывали в моей памяти, и постепенно любопытство мое возрастало. «Пять единорогов и жемчужина!» Что же это такое?

Затем все сильнее и сильнее я начал осознавать, что иду в северном направлении не по собственному желанию. Кто-то вел меня туда. И когда я неожиданно остановился, то желание идти дальше с такой силой нахлынуло на меня,

как только может овладеть наркоманом желание немедленно принять наркотик.

И вот в самом конце Истерли-стрит я подошел к высокой каменной стене. За ней, немного поодаль, через лепные украшения мне удалось разглядеть большое темное здание. В стене находились и кованые железные ворота, за которыми начиналась совершенно разрушенная и заброшенная территория, поросшая сорняками и травой. В лунном свете я увидел старое кладбище с фонтанами, каменные лавочки, полуразрушенные статуи и надгробья. Окна здания, которое когда-то, наверное, было частным владением, сейчас оказались заколоченными, кроме тех, что находились в небольшой башенке.

Перед самыми воротами я остановился. Та неведомая сила, которая привела меня сюда, теперь уже казалась мне совершенно реальной. Она исходила откуда-то из кладбища и влекла меня к себе с такой непреодолимостью, что сопротивляться ей было абсолютно невозможно.

Как это ни странно, ворота оказались незапертыми, и, как человек, находящийся в состоянии глубокого транса, я открыл их. Тяжелые створки скрипнули и пропустили меня вовнутрь. Я медленно двинулся вперед по густой траве, направляясь к каменной лавочке у фонтана. Мне показалось, что как только я вступил сюда, все звуки города внезапно исчезли и растворились, оставив лишь пустоту и тишину, прерываемую редкими завываниями ветра, шевелящего мертвую траву. Передо мной стояло заброшенное старинное здание с высокими темными окнами, напоминающее огромную собаку, изготовившуюся к прыжку.

Я увидел несколько фонтанов, скульптурные украшения на которых были изрядно потрепаны временем и стихией, но поначалу я не обратил на них особого внимания. Чуть подальше стояла наполовину скрытая травой статуя ребенка, изображенного в момент молитвы. Мягкий камень сильно покрошился от времени, и лицо ребенка казалось сейчас отвратительным и неузнаваемым.

Как долго я просидел в этой тишине, я не знаю. Но само это кладбище как нельзя лучше соответствовало

моему настроению. И кроме того я чувствовал, что не в силах просто встать и уйти отсюда.

И тут я вскочил со скамейки как ошпаренный. Внезапно я понял, какое значение имели все эти предметы, окружавшие меня. Я замер на месте, безумно оглядываясь по сторонам, и отказывался верить своим глазам. Конечно, мне все это снится! Много необычного я видел в своей жизни, но это... Такого просто не могло быть. И все же...

Первым делом я обратил внимание на фонтан, находившийся ко мне ближе других. Через бассейн для воды скакали ПЯТЬ каменных ЕДИНОРОГОВ. Идеально вырезанные из камня, они как бы галопом неслись друг за другом. Переведя взгляд немного подальше и помимо воли вспоминая какие-то смутные намеки, я ясно увидел в лунном свете возвышающийся над кладбищем шпиль здания, который бросал на землю ОСТРУЮ ТЕНЬ как раз СЛЕВА от меня. Другой фонтан был оформлен в виде рыбы, и ее огромные пустые глазницы зловеще смотрели прямо на меня. И в довершение всего — стена! На ней через каждые три фута сидело по каменной птице. И, пересчитав фигуры, я убедился, что это и были те самые ДВАДЦАТЬ ШЕСТЬ СОЕК.

Без сомнения, как бы страшно и невозможно это ни казалось, я находился в том же самом месте, которое описал в своей книге покойный Ларла! Это было ошеломляющее открытие, и я чуть не сошел с ума, осознав его. Как странно, ведь я никогда не бывал прежде в этих местах, и тем не менее некая сила привлекла меня сюда и бросила в самый центр событий, описанных более года тому назад.

Теперь я понял, что Алессандро Ларла, вспоминая это место уже в сумасшедшем доме, лишь выхватывал из действительности отдельные детали, не пытаясь и не желая объяснять их. И здесь лежала большая проблема для психолога — как разгадать эту страшную сказку, написанную безумным погибшим итальянцем-символистом? Все это меня крайне заинтересовало, и я задумался.

Но вдруг, словно с тем чтобы притупить мое волнение и тревогу, во двор вкрался нежный запах. Он появился до

того незаметно, что как бы слился для меня с лунным светом. Стоя у фонтана, я глубоко втянул носом воздух и понял, что постепенно запах становится все более приторным и назойливым, и уже начинает болезненно впитываться в мои легкие, как сигаретный дым. Гелиотроп! Сладкий аромат тропического цветка повис в воздухе, застилая все вокруг.

И тут произошло второе чудо. Оглянувшись по сторонам, чтобы определить, откуда исходит этот приторный запах, я увидел напротив себя женщину, неподвижно сидящую на каменной скамеечке. Она была полностью облачена в черное, а лицо ее скрывала вуаль. Казалось бы, она не замечает моего присутствия. Незнакомка замерла, слегка наклонив голову, и по ее виду можно было легко определить, что она о чем-то глубоко задумалась.

Рядом с ней я заметил и другое существо. Это была собака — огромный черный пес, с удивительно непропорциональной головой и большими, как плоски, глазами. Некоторое время я стоял неподвижно, молча наблюдая за ними. Хотя было уже довольно прохладно, на женщине не оказалось ничего, кроме длинного черного платья, на фоне которого ее шея казалась особенно белой.

Вздохнув от сожаления, что мое одиночество нарушено, я прошел через дворик и медленно приблизился к ней. Но она продолжала не замечать меня. Поэтому мне пришлось сперва вежливо откашляться, после чего я твердо спросил:

— Я полагаю, вы — владелица этого места? Я... Я на самом деле не думал, что здесь кто-то есть, и ворота... понимаете, ворота оказались незапертыми. Извините, что я вторгся к вам.

Женщина ничего не ответила, а пес внимательно осмотрел меня и равнодушно отвернулся. Никаких вежливых слов прощания в голову мне не приходило, поэтому я молча отступил назад и тихонько направился к воротам.

— Пожалуйста, не уходите, — неожиданно окликнула меня незнакомка, и наши взгляды встретились. — Я так одинока. О, если б вы только знали, как я одинока! — Она

подвинулась к краю лавочки и жестом пригласила меня сесть рядом. Собака продолжала молча смотреть на меня своими огромными янтарными глазами.

Не знаю, что именно подействовало на меня — то ли близость запаха гелиотропа, то ли вся эта неожиданность положения, в котором я оказался, а может быть — таинственный лунный свет, но при ее словах я внезапно почувствовал, как приятная истома растекается по всему моему телу, и с удовольствием принял приглашение.

Некоторое время мы просидели молча, и в эти секунды я раздумывал над тем, как бы получше завязать с ней разговор. Но неожиданно она повернулась к цсу и произнесла на немецком:

— Форт мит дир, Йоганн!

Собака послушно встала и бесшумно скрылась в темноте кустов. Я с облегчением посмотрел вслед громадному зверю, медленно уходящему в направлении здания. Потом женщина обратилась ко мне на английском, иногда употребляя в разговоре высокопарные слова, причем в речи ее слышался легкий иностранный акцент:

— Я уже целую вечность ни с кем не разговаривала... Я понимаю, что мы совершенно чужие друг другу — я не знаю вас, а вы не знакомы со мной... И все же... иногда даже незнакомые люди находят какую-то связь между собой, и у них бывают общие интересы. Может быть... мы ненадолго забудем о формальностях и посчитаем так, якобы мы уже были представлены друг другу? Давайте?

Отчего-то при этих словах пульс мой стал значительно чаще.

— Сделайте одолжение,— ответил я.— Это место само по себе представляет нас друг другу. Скажите, а вы что же, живете здесь?

Некоторое время она не отвечала, и я подумал, что слишком уж резво ухватился за ее предложение. Потом моя собеседница медленно произнесла:

«Меня зовут Перл фон Морен, и я чужестранка в этих местах, хотя и живу здесь уже более года. Мой дом находится в Австрии — как раз там, где сейчас пролегает гра-

ница с Чехословакией. Понимаете, я приехала в Соединенные Штаты с целью разыскать своего единственного брата. Во время войны он был лейтенантом у генерала Макенсена, но в 1916 году... как мне помнится, это случилось в апреле... нам сообщили, что он пропал без вести...— Женщина тяжело вздохнула.— Война очень жестока. Она отняла у нас деньги, замок на Дунае, а затем и моего любимого брата. Все то, что было потом, мне даже страшно вспоминать: мы жили, не зная, что с нами будет завтра, и всей душой надеялись, что он все-таки остался в живых, хотя оснований думать так у нас не было никаких.

А потом, уже в мирное время, один офицер рассказал мне, что он работал вместе с моим братом во Франции в тюрьме около Монпре. Они якобы вместе служили в похоронной бригаде и помогали солдатам рыть могилы. А после этого прошел слухок, будто брат мой живет сейчас в Соединенных Штатах. И тогда я собрала немного денег и приехала сюда, чтобы разыскать его».

На мгновение она замолчала и невидящим взглядом уставилась на коричневые заросли засохших сорняков. Когда же она заговорила опять, ее голос показался мне еще более тихим и взволнованным.

— Я... я нашла его... Но я молила Бога, чтобы лучше этого не случилось! Он... уже не жил.

Я удивленно посмотрел на нее.

— Он умер? — деликатно спросил я.

Скрывающая лицо женщины вуаль затрепетала, будто ее случайно задела, и я понял, что моя собеседница вспомнила какое-то страшное событие из своей жизни. Не обращая внимания на мой вопрос, она продолжала:

— И вот сегодня вечером я пришла сюда — сама даже не знаю, почему — наверное, просто оттого что ворота были открыты, а внутри двора стояла такая тишина... Ну что, я, наверное, уже надоела вам со своими откровениями и рассказами о моем собственном горе?

— Совсе нет,— ответил я.— Я и сам забрел сюда совершенно случайно. Вероятно, красота этого места привлекла меня.. Видите ли, я занимаюсь любительской фото-

графией, и на меня довольно сильно действуют всякие не совсем обычные места в городе. А сегодня я решил прогуляться перед сном, чтобы из головы у меня выветрилось неприятное впечатление, оставленное одной книгой.

В ответ на это она неожиданно произнесла довольно странную фразу, которая никак не вязалась с нашим разговором, и мне показалось даже, что она сказала это, не подумав:

— Книги,— заметила она,— очень сильны. Они могут сковать человека крепче, чем тюремные стены.

Видимо, уловив мой озадаченный взгляд, женщина тут же добавила:

— Как странно, что мы встретились именно здесь.

Некоторое время я не отвечал. Я думал о запахе гелиотропа, исходящем от нее, и решил, что для женщины ее культуры, а она казалась мне довольно знатного происхождения, столь сильный запах духов не свидетельствует о хорошем вкусе. У меня даже создалось впечатление, что этот аромат скрывает какую-то тайну, и если его убрать, то передо мной... Но что будет передо мной?..

Проходили часы, а мы по-прежнему сидели на скамейке и разговаривали, наслаждаясь обществом друг друга. Она не снимала вуали, и хотя мне очень хотелось посмотреть на ее лицо, я не осмеливался попросить ее об этом. И странное беспокойство понемногу начало овладевать мною. Спору нет — женщина была очаровательной, прекрасной собеседницей, но в то же время в ней было что-то такое, что заставляло меня чувствовать себя не в своей тарелке.

Все случилось, как мне помнится, буквально за несколько минут до восхода солнца. Теперь, когда я вспоминаю об этом в дневное время, и меня окружают реальные земные вещи, мне не сложно оценить все значение и истинный смысл того видения. Но тогда я был настолько поражен происшедшим, что абсолютно ничего не смог понять.

По саду пронеслась какая-то бледная тень и сразу же завладела моим вниманием. Я посмотрел на шпиль высокого пустого здания и вздрогнул, как будто меня нежжи-

данно ударили сзади. Какую-то секунду мне казалось, что прямо надо мной зависло некое подобие облачка, но это облачко постепенно приняло форму чудовищной летучей мыши с огромными распростертыми над моей головой крыльями.

Я крепко зажмурился и сразу же снова открыл глаза.

— Облако! — воскликнул я. — Что за странное облако!.. Вы видели?..

Запнувшись, я глупо уставился на скамейку. Она была пуста. Женщина исчезла.

На следующий день я занялся своими обычными делами в адвокатской конторе, и мой компаньон как-то странно посматривал на меня всякий раз, когда слышал мое невнятное бормотание. События прошлой ночи вновь и вновь проносились перед моими глазами и не давали покоя. Неразрешимые вопросы нудно стучались в мою голову. Каким же образом я смог очутиться именно в тех местах, которые описал в своей книге сумасшедший Ларла: пучеглазая рыба, молящийся ребенок, двадцать шесть соек, острая тень от дома — все это было необъяснимо, и от этого особенно страшно.

«Пять единорогов и жемчужина»... Единороги — это каменные статуи, украшения на фонтане, все правильно. Но жемчужина?.. И тут я с ужасом вспомнил имя женщины в черном — Pearl von Mogen¹. Что же все это значит?

За обедом я сидел довольно рассеянный. Днем мне удалось забежать в антикварный магазин и выпросить у брата Алессандро продолжение, второй том книги. Сначала он отказывался, протестовал, поскольку я так и не вернул ему первую рукопись, но тут я почувствовал, что нервы мои не выдерживают. Я ощутил в себе дьявольский огонь, подобный тому, который сжигает наркомана всякий раз, когда наркотик становится ему недоступным. В каком-то отчаянии, и сам не зная почему, я начал предла-

¹ Pearl (перл) — жемчужина (англ.). (Прим. перев.).

гать ему большие деньги, и в конце концов мои убеждения подействовали — назад я вернулся уже с книжкой в кармане.

По внешнему виду она была похожа на первую, только названия на обложке уже не было. Но если я и ожидал найти в ней какие-то объяснения таинственным символам первого тома, то был обречен на горькое разочарование. Книга оказалась такой же туманной, как и «Пять единорогов и жемчужина», но текст в ней еще больше свидетельствовал о том, что его создавал расстроенный разум. Пытаясь как-то соединить по смыслу несвязные предложения, я понял, что Ларла совершил второе путешествие в те же места и снова встретился со своей «жемчужиной».

Почти в самом конце рукописи я нашел один абзац, который сильно удивил меня. Написано было так:

«Неужели это возможно? Молю, что нет. И все же я видел это и слышал, как оно рычало. О, мерзкое существо! Я никогда, никогда не поверю в это!»

Я закрыл книгу и попытался отвлечься, начав протирать линзы своего нового фотоаппарата. Но опять, как и прежде, какое-то дикое желание охватило меня. Мне вновь страстно захотелось пойти в тот двор. Признаюсь, что я только и ждал, когда же наконец пробьет заветный час, и я смогу снова увидеть ту женщину в черном. Как ни странно, я чувствовал, что хотя она и исчезла в прошлый раз так внезапно, сегодня она обязательно должна появиться на том же месте. Мне безумно хотелось снять с нее вуаль, поговорить с нею. Я жаждал вновь утонуть в реалиях повествования Ларлы.

Однако все это так противоречило здравому смыслу, что я, напрягая всю свою волю, попытался откинуть эти мысли прочь. И вдруг мне в голову пришла идея: какую отличную фотографию можно сделать, если заснять ее на каменной лавочке, всю в черном, на старом кладбище, да еще на фоне классического замка. Если бы только мне удалось поймать такой момент и запечатлеть его на фотографической пластинке!..

Я перестал протирать линзы и на секунду задумался.

С современными электрическими вспышками, которые пришли на смену старым пороховым, я смог бы осветить весь сад и довольно легко заснять нужный сюжет. А если отпечаток получится удовлетворительным, то можно будет попробовать внести свой вклад в международный конкурс на лучшее фото в Женеве, который состоится в следующем месяце.

Эта мысль мне понравилась, и, собрав все необходимое, я надел длинное пальто (так как была сырая холодная ночь), тихо выскользнул из комнаты и уверенно зашагал на север. Каким же безумным и слепым дураком я был тогда! Если бы я только мог остановиться, вернуть в магазин книги и на этом все оборвать!.. Но необъяснимая волшебная сила уже завладела мною, и я очертя голову бросился в этот кошмар.

Нудный дождь барабанил по мостовой, на улицах не было ни души. Где-то на востоке луна тщетно пыталась пробиться сквозь плотное одеяло туч, но сильный южный ветер давал надежду на то, что вскоре небо очистится. Я поднял воротник к закутанному в шарф горлу и через час подходил уже к старой части города. Найдя знакомые ворота — а они, как и вчера, оказались незапертыми, — я вошел в темный двор, подернутый мгlistой дымкой.

Женщины еще не было. Но я почему-то ни на секунду не сомневался, что попозже она обязательно появится. И теперь я с азартом погрузился в свои собственные планы: установил камеру на парапет фонтана, тщательно настроил линзы объектива на каменную лавочку, где она сидела в прошлый раз. Вспышку с батареей и ручку к ней я положил так, чтобы в удобный момент смог до них дотянуться.

Едва я закончил все приготовления, как услышал на гравиевой дорожке осторожные шаги и сразу же обернулся. Женщина подходила к скамейке в том же длинном платье и все в той же черной вуали.

— Вы снова пришли? — рассеянно спросила она, как только я подсел к ней.

— Да, — тихо ответил я. — Я был не в силах остаться дома.

В основном мы говорили о ее умершем брате, хотя несколько раз мне показалось, что она хочет переменить тему. Я понял, что он слыл в семье «непутевым» сыном, вел беспорядочный образ жизни и был даже исключен из венского университета, но не только за то, что неуважительно относился к некоторым преподавателям, но и за свои необычные работы по философии. Потом он очень много пережил в лагере для военнопленных. С каким-то мрачным удовольствием она рассказывала мне о подробностях работы в похоронной бригаде, которые услышала от его приятеля-офицера. Но о том, как он умер и от чего, не было произнесено ни слова.

Еще сильнее, чем в предыдущую ночь, стал запах гелиотропа. И снова, как только этот липкий приторный аромат заполнил мои легкие, я почувствовал, что начинаю нервничать. Мне показалось, будто этот запах скрывает нечто такое, что мне обязательно необходимо узнать. Желание сорвать вуаль стало совершенно безумным, но все же мне не хватало смелости попросить ее открыть лицо.

К полуночи тучи исчезли, и луна теперь ярко освещала весь двор, наполнив его причудливым переплетением резких теней. Пришло мое время.

— Пожалуйста, сидите на месте,— попросил я.— Я сейчас вернусь.

Отступив к фонтану, я схватил ручку вспышки, приподнял ее над головой, а другой рукой нащупал затвор фотоаппарата. Женщина на скамейке не шевелилась, очевидно, удивленная моими движениями. Вид был великолепным. Раздался щелчок, и ослепительный свет на мгновение залил все вокруг. В лучах вспышки мне удалось разглядеть, как прекрасно она смотрится на фоне старой стены. И тут же снова вернулся голубоватый призрачный блеск луны, а я счастливо заулыбался.

— Теперь у меня получится отличное фото! — радостно сообщил я.

Женщина резко вскочила на ноги.

— Идиот! — грубо закричала она.— Глупец! Чго вы наделали!

Даже несмотря на то, что она была в вуали, я явственно ощущал и почти видел, как гневно засверкали ее глаза, сжигая меня лютой ненавистью. Я в полном недоумении смотрел на нее. Женщина стояла прямо, слегка откинув голову, тело ее напряглось до предела, и неприятная дрожь вдруг пробежала у меня по спине. Потом, не сказав ни слова, она подобрала подол платья и бегом бросилась к дому, за несколько секунд скрывшись в темных зарослях.

Я по-прежнему стоял возле фонтана и удивленно смотрел ей вслед. Но неожиданно из темноты у дома до меня донеслось низкое звериное рычание.

И прежде чем я успел опомниться, огромная серая тень выскочила из кустов и прыжками рванулась прямо ко мне. Это была та самая собака, которую я видел с женщиной прошлой ночью. Но теперь передо мной было уже совсем не то тихое и спокойное существо. Морда пса перекосилась от злобы, клыки обнажились. И в тот момент, когда я застыл как вкопанный от ужаса, я отчетливо запомнил эти раздутые ноздри и бешеную ярость в диких темных глазах.

Во мгновение ока зверь оказался рядом со мной. Я лишь успел поднять вверх руку со вспышкой, пытаясь защитить ею лицо, и отскочил в сторону. Пес тут же бросился на руку, и я услышал, как с хлопком раскололась лампочка и острые зубы вцепились в рукоятку вспышки. Я упал на спину, закричал и почувствовал, как огромное тело наваливается на меня.

Беспомощно барахтаясь в кладбищенской пыли, я бил кулаками по разъяренной морде и старался отыскать горло пса, судорожно сжимая пальцами горячую волосатую плоть. Я уже чувствовал на своем лице его смрадное свистящее дыхание и сопротивлялся с растущим отчаянием.

Давление моих рук дало о себе знать — собака закашлялась и на секунду отступила. Пытаясь воспользоваться этим мгновением, я вскочил на ноги, ринулся вперед и с силой ударил пса ногой в бок.

— Форт мит дир, Йоганн! — закричал я, вспомнив, как приказывала ему женщина.

Пес отступил, все еще злобно щерясь и рыча на меня, и некоторое время простоял в неподвижности. Потом неожиданно повернулся и бесшумно исчез в густой высокой траве.

Дрожа от страха и навалившейся слабости, я попытался взять себя в руки, поднял фотоаппарат и заспешил к воротам.

Прошло три дня. Но мне показалось, что минула целая вечность, так долго и нестерпимо мучительно тянулась эта пытка.

На следующий день после той жуткой ночи, когда на меня напала собака, я понял, что буду не в состоянии идти на работу. Выпив две чашки крепкого черного кофе, я для начала заставил себя спокойно сидеть на стуле, пытаюсь хоть как-то сосредоточиться. Но тут взгляд мой упал на фотоаппарат, лежавший рядом на столе, и это вернуло меня к жизни. Через пять минут я сидел уже в своей темной комнатке, приспособленной под фотолaborаторию, и проявлял снимок, сделанный накануне. Я работал лихорадочно быстро — меня подгоняла мысль о том, какой замечательный вклад я внесу в женевский конкурс любительской фотографии, если результаты окажутся удовлетворительными.

Но испуганный вскрик слетел с моих губ, едва я взглянул на еще мокрый отпечаток. Я увидел на фото старый сад — все было предельно ясно, вплоть до мельчайших веточек — статую молящегося ребенка, фонтан и стену на заднем плане; но скамейка — та самая каменная скамейка — была пуста. На ней не оказалось ни женщины, ни даже малейшего намека на нее.

Промыв негатив от насыщенного раствора хлорида ртути в воде, я обработал его железным оксалатом. Но и после такого тщательного проявления никаких изменений не произошло. Каждая деталь была прекрасно видна, скамейка четко вырисовывалась на фоне старой стены, но женщины по-прежнему не было.

Однако я прекрасно видел ее, когда нажимал на кнопку аппарата. Уж в этом-то я был абсолютно уверен. И аппарат мой вполне исправен. Но что же тогда произошло?.. Я отказывался поверить своим глазам, пока не рассмотрел снимок при дневном свете. Никакое объяснение не приходило мне в голову, совсем никакое. И в конце концов, так ничего и не поняв, я пошел в кровать и забылся глубоким сном.

Проспав весь следующий день, я уже потом начал припоминать, будто ночью просыпался от какого-то кошмарного сна, но у меня даже не было сил оторвать голову от подушки. Очевидно, меня охватила чисто физическая усталость. Мои руки и ноги лежали на кровати, как омертвевшие. Сердце билось до того слабо, что каждый его удар казался мне последним. Вокруг было настолько тихо, что я ясно слышал тиканье своих наручных часов. Занавеска развеивалась от легкого ночного ветерка, хотя мне казалось, что я сразу же закрыл окно, как только вошел в комнату.

Я откинул голову назад и тут же закричал. Потому что в легкие мои начал медленно проникать тот самый знакомый запах проклятого гелиотропа!

Когда настало утро, я понял, что все это было не сном. В голове у меня шумело, руки тряслись, и я настолько ослаб, что еле держался на ногах. Когда пришел доктор, за которым я послал экономку, он сразу же нащупал мой пульс и нахмурился.

— Вы сильно истощены, — сказал он. — Если вы не позволите себе хорошенько отдохнуть, то можете помешаться в рассудке. Попробуйте не думать ни о чем серьезном. И если вы не возражаете, я обработаю эти две ранки на вашей шее. Они совсем свежие. Где вы так поранились?

Инстинктивно проведя рукой по шее, я посмотрел на ладонь и с ужасом обнаружил, что пальцы мои запачканы кровью.

— Я... я не знаю, — запинаясь, произнес я, похолодев от страха.

Доктор занялся своими лекарствами и через несколько минут уже встал, чтобы уходить.

— Я советую вам не вставать с постели по крайней мере неделю,— сказал он на прощанье.— А потом я тщательно обследую вас и проверю, остались ли признаки малокровия.

Но когда он подходил к двери, я заметил на его лице выражение крайнего недоумения.

В последующие часы мои мысли опять начали путаться. И я дал себе торжественную клятву, что позабуду обо всем происшедшем, вернусь к работе и ни разу больше даже мельком не взгляну на эти книги. Но я прекрасно знал, что ничего из этого у меня не получится — женщина в черном настолько завладела моим разумом, что каждая минута вдали от нее казалась мне теперь нестерпимой пыткой. Однако хуже всего было то, что возникшее у меня желание прочитать третью, последнюю книгу Алессандро Ларлы, постепенно достигло такой силы, что я стал буквально одержим им.

В конце концов я не смог больше бороться с собой и на третий день нанял такси, которое отвезло меня в антикварный магазин. Там я пытался уговорить Ларлу отдать мне третий том сочинений его брата. Но итальянец оказался упрямым. Он напомнил мне, что я и так уже взял у него две книги и ни одной еще не вернул, и заявил, что пока я не отдам их, он и слушать ничего не хочет. Я тщетно пытался доказать ему, что одна книга без другой не имеет никакого смысла, и читать их надо все вместе, последовательно. Но он просто пожал плечами и ничего мне не ответил.

Холодный пот выступил у меня на лбу, когда я понял, что мое желание не осуществится. Я долго спорил с ним, умолял его. Но все было напрасно.

И тогда, дождавшись, пока Ларла отвернется, я схватил заветную книжку, которую заранее приметил на полке, незаметно сунул ее в карман и тихо выскользнул из магазина, терзаемый жестокими угрызениями совести. Но теперь я уже не сожалею больше о том, что сделал это. В свете всего, происходившего со мною в те дни, стано-

вится вполне очевидным, что кто-то подталкивал меня к воровству, тогда как вся моя воля в это время была полностью подавлена, а книга лежала рядом как приманка.

Вернувшись домой, я сразу же сел в кресло и поспешно раскрыл бархатный переплет. Здесь была последняя, заключительная часть повествования о событиях, в водоворот которых я оказался вовлеченным за последние пять дней. Третий том загадочного произведения Ларлы. Может быть, на этих страницах я найду, наконец объяснение? Но если так, то какие секреты откроются мне?

Мягкий свет от настольной лампы беззвучно струился по моим плечам. Я открыл книгу, медленно разглядел большим пальцем страницы и снова поразился странному печатному почерку. Затем мне показалось, что пока я так сидел, вокруг меня образовалось почти материальное облако спокойствия и тишины, потушившее в себе шум улицы. Но одновременно что-то не давало мне читать и мешало сосредоточиться. Странно, но это только подтолкнуло меня. И очень медленно я принялся перелистывать страницы, начав с конца.

Снова символы. Неясные, блуждающие мысли больного рассудка.

Но неожиданно я замер. Взгляд мой упал на последний абзац последней главы, то есть на самые последние строки Алессандро Ларлы. Я читал, перечитывал и снова читал их, вдумываясь в эти страшные слова. Каждую букву я просматривал в свете лампы медленно, аккуратно и тщательно. Потом ужас их смысла дошел до меня.

Кроваво-красными чернилами было написано:

«Что же мне делать? Она выпила мою кровь, и душа моя прогнила. Моя жемчужина черна, как само зло. Будь проклят ее брат, ибо он сделал ее такой. Я верю, что истина этих страниц разрушит их на века. Да поможет мне Небо. Перл фон Морен и ее брат Йоганн — вампиры!»

Я вскочил с кресла.

— Вампиры!!!

Схватившись за край стола, я долго стоял так, покачиваясь и дрожа всем телом. Вампиры! Эти страшные

существа, которые питаются человеческой кровью, принимая обличье людей, летучих мышей, собак.

Все события предыдущих дней в бешеном темпе пронеслись передо мной, представ во всем ужасе, и я ясно понял теперь значение каждой мелкой, но страшной подробности.

Ее брат Йоганн — через некоторое время после войны он стал вампиром. Когда же несчастная женщина отыскала его много лет спустя, он и ее заставил принять это жуткое существование.

Они выбрали тот заброшенный двор своим логовом и год назад заманили туда Алессандро Ларлу. Он любил эту женщину, обожал ее. А потом узнал ее страшную тайну и сошел с ума.

Да, он стал безумным, но безумие не остановило его, и он успел написать обо всем в трех своих книгах. Он считал, что его откровения смогут навсегда уничтожить и женщину, и ее брата. Но этого оказалось недостаточно.

Я схватил со стола первую книгу и раскрыл ее в самом начале. И снова увидел эти бледные, нацарапанные торопливой рукой строчки, которые раньше не имели для меня никакого значения:

«Откровения, которые должны были разрушить мое могущество без кола, только укрепили его. Читай, безумец, и войди в мои владения, потому что теперь мы скованы одной цепью. Скорбите по Ларле».

Это написала Перл фон Морен! Ведь по замыслу Алессандро эта книга должна была положить конец и ей, и ее брату. Но несчастный итальянец не знал, что есть только один способ сделать это. И все же книга была написана не напрасно. С ее помощью он указал путь другим...

Эти книги связали вампиров, приковав Перл фон Морен и ее брата Йоганна к старому саду с кладбищем, и они не могли больше ходить по городу в поисках своих жертв. И лишь только тот, кто проникал через ворота в сад, мог стать их добычей.

Здесь действовал старый метафизический закон:

перед лицом истины зло сжимается, становится меньше и теряет свою полную власть.

И все же, хотя книги и приковали вампиров к этому заброшенному саду, они провели новый путь прямо к ним в логово. И те, кто читал эту трилогию, неизбежно попадали в их западню. Эти строчки становились как бы связкой на пути к ним. Они были ловушкой, сетью, в которой обязательно запутывался читатель. Вот почему моя жизнь так тесно переплелась с событиями, описанными в книге Ларлы. В тот момент, когда я открыл первую страницу, я уже попал под их власть, и со мной должно было произойти то же самое, что и с Ларлой год назад. Я попал в сети женщины в черном. Но как только я прошел через открытые ворота сада, связывавшая нас сила книг потеряла свое значение, и они могли преследовать меня уже где угодно, чтобы...

У меня закружилась голова от неожиданной мысли. Теперь мне стало ясно, чему так удивлялся доктор. Я понял, откуда у меня неожиданно появилась такая слабость. Она — она питалась моей кровью! Но если Ларла не знал, что делать с таким существом, то уж я-то знаю. Путешествуя по южной Европе, я много узнал об этом древнем зле и о том, как с ним бороться.

В отчаянии я оглядел комнату. Стол, кресло, кровать, наконец — тренога одного из моих фотоаппаратов. Это было как раз то, что нужно! Схватив штатив за деревянную ножку, я с силой вырвал ее и переломил об колено пополам. Теперь у меня в руках было два острых кола, и, не надевая шапки, я выскочил из дома.

Через несколько секунд такси уже мчалось меня на север.

— Быстрее! — кричал я водителю, с опаской глядя на заходящее солнце. — Быстрее, вы слышите?!

Мы летели через весь город в самую дальнюю северную его часть. На каждом светофоре я вскипал от ярости. Но наконец нам удалось все же добраться до этого несчастного сада.

Распахнув настежь железные ворота и зажав под

мышкой два куска сломанной ножки, я стремительно ворвался во двор. При дневном свете кладбище и сад казались самыми обычными — лишь старое здание и высокие заросли кустов молча глядели на меня.

Я сразу направился к дому и по скользким ступенькам поднялся к парадному входу. Но дверь была заперта и заколочена досками. Сойдя вниз, я обошел вокруг здания, отыскивая другой вход. Именно к нему и побежала в тот раз женщина, после того как я попытался ее сфотографировать. В конце концов мне удалось найти черный ход и лестницу, ведущую в подвал. Внутри я увидел узкий проход. На полу валялся мусор и отбитые камни, а потолок украшали бесчисленные паутины.

Я осторожно подался вперед, и глаза мои скоро привыкли к полумраку. Сумрачный свет едва пробивался сюда сквозь темные от грязи стекла.

В конце коридора была еще одна дверь. Толкнув ее, я застыл на пороге, не решаясь двинуться дальше. Взгляду моему открылась небольшая комнатка, всего в десять квадратных футов, с низко нависшим потолком. И при слабом свете гаснущего заката я увидел посреди пыльного пола два гроба из светлого дерева.

Не знаю, сколько я простоял так в дверях, мерно покачиваясь из стороны в сторону и приходя в себя...

Из комнаты шел острый запах гелиотропа. Но сейчас он смешивался со смрадом открытой старой могилы.

И тут я резко рванулся вперед и сдернул крышку с одного из гробов.

Если бы только небо дало мне силы забыть то, что я в нем увидел! Там лежала женщина в черном, но уже без вуали.

Это лицо — оно казалось божественно красивым; волосы ее были черные и блестящие, как мех соболя, а щеки бледны. Но ее губы!.. Мне стало плохо, как только я взглянул на них. Они были алыми... и липкими от свежей человеческой крови.

Я взял один кол, схватил с пола большой камень, приставил деревянное острие к сердцу женщины. Потом

отвернулся и изо всех сил ударил камнем по колу. Он тут же ушел в глубь тела. Гроб неистово затрясся. Прямо в лицо мне ударил теплый сладковато-тошнотворный запах гниющего трупа.

Я отшатнулся и открыл крышку второго гроба, где лежал ее брат. Лишь мельком я взглянул на мускулистое лицо молодого тевтонца, поднял вверх камень и что есть силы ударил им по колу.

Теперь из гробов пустыми глазницами на меня глядели два серых скелета.

Остальное я помню смутно. Кажется, я бросился бежать оттуда сломя голову — на свободу, домой прочь от этого проклятого сада с каменными птицами.

Измученный и уставший, я наконец добрался до своей комнаты. Вещи, мебель и все, что окружает меня здесь изо дня в день, было теперь слаще бальзама для моего сердца. Но тут взгляд мой упал на три предмета, которые лежали там же, где я их оставил — три тома Ларлы.

Я повернулся к камину и швырнул все три книги на еще горящие угли.

Раздалось шипение, и желтое пламя взмыло вверх, начав жадно вгрызаться в бархат. Пламя становилось все выше и выше, а потом постепенно угасло.

И когда в черном пепле затухла последняя искорка, мной овладело чувство спокойствия и облегчения.

СОДЕРЖАНИЕ

Роман

Джон РУССО «Ночь живых мертвецов» 3

Рассказы

Роберт БЛОХ «Ваш друг Джек Потрошитель» . . . 153

Чарльз БРОНСТОУН «Подходящая кандидатура» . . 181

Безил КОППЕР «Янычары из Эмильона» 199

Карл ЯКОБИ «Откровения в черном» 227

Литературно-художественное издание
Серия «БИБЛИОТЕКА УЖАСОВ»

«НОЧЬ ЖИВЫХ МЕРТВЕЦОВ»

Перевод с английского Сюзанны Алукард
и Вадима Терещенко

Ответственный за выпуск Б. А. Борисов

Художественное оформление:
обложки и романа — В. И. Сухарев,
рассказов — Л. В. Чистов
Корректор Л. В. Стружкова

Издательство «ВЕРБО».
117647, Москва, Профсоюзная, 115

Сдано в набор 11.02.93. Подписано в печать 10.03.93.
Формат 84×108¹/₃₂. Бум. типогр. Шрифт тип «Таймс». Печать офсетная.
Усл. печ. л. 14,72. Тираж 200 000 экз. Зак. № 385. С 002
Ордена Трудового Красного Знамени ПО «Детская книга»
Мининформпечати РФ. 127018, Москва, Сущевский вал, 49

Любителям мистики, кошмаров и ужасов!

Издательство «ВЕРБО»

*предлагает в 1993 году лучшие произведения
известнейших мастеров этого жанра:*

- * Айра Левин «Ребенок Розмари»
- * Джон Руссо «Нелюди»
- Ричард Лэймон «Подвал»
- Джон Фаррис «Когда звонит Майкл»
(с предисловием Стивена Кинга)
- Джон Руссо «Ночь живых мертвецов»
- Марк Сондер «Бедствие»
- Джефри Конвиц «Страж»
- Гай Эн. Смит «Обреченный рейс»
- Дэвид Зельцер «Знамение»
- Роберт Блох «Психопат»
- Джеймс Герберт «Выживший»
- Френсис П. Вильсон «Застава»
- Уильям Джонстоун «Кошачий глаз»
- и другие.

*В эту серию также вошли 18 рассказов из много-
томного сборника известного продюсера и
литературного критика Герберта Ван Таля.*

Произведения, помеченные * , уже вышли в свет!

